ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№3 (154), 2023**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Агаркова Любовь Васильевна, доктор экономических наук, профессор
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анесянц Саркис Артаваздович, доктор экономических наук, профессор
Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Душакова Леся Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, кандидат юридических наук
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кузьминов Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мясников Анатолий Павлович, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Полтавцева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Скорев Михаил Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Улезько Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Шагинян Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2023

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Воронина А.В., Охотников А.В. Организация как пространство внедрения кадровых инноваций в теории экономического развития 7

Сорокина О.Г. Теория командного менеджмента и формирование командной экономической системы 12

Сорокина О.Г. Макроэкономическая концепция управления трудовыми ресурсами с позиции кадрового маркетинга 17

ФИНАНСЫ

Белозубов И.Н., Дынник Д.И. Оценка эффективности финансовой модели бизнеса в условиях трансформации экономики 22

Гончарова С.Н., Оксенюк Е.Е. Особенности финансовой оценки эффективности деятельности предприятий общественного питания 28

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Шпак Т.И., Назаров И.Ф. Преимущества использования формата ЕАЭС для Российской Федерации 33

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Маслов В.С., Исакова Ю.И. Проблема юридического формализма и позитивистского подхода к пониманию преступления в современном англосаксонском уголовном праве 37

Палиев В.Б., Субботина О.В. Проблемы и перспективы развития института дознания в российском уголовном процессе 41

Склифус С.В. Правосознание и правовая культура российского общества как способ противодействия правовому нигилизму 49

Тишаков М.П. Правовые основы государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: история и современность 52

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Абдурахманова И.В., Сетраков А.Н. Принцип законности в сфере социального обеспечения: актуальные направления исследования и проблемы реализации 57

Демченко Н.В., Богачева М.В. Проблемы реализации сотрудниками ГИБДД отдельных полномочий в области безопасности дорожного движения 63

Казанцева О.Г., Макаренко Е.В. Правовые вопросы обеспечения безопасности человека в сфере трансплантологии в условиях высокотехнологичного развития здравоохранения в России 69

Мархгейм М.В. Государственный язык России: конституционно-правовые ракурсы и сопряжения 73

Новикова А.Е., Зайцев В.А. Правозащитный ресурс Верховного Суда Российской Федерации 81

Семенцова И.А., Макаренко Н.В. Проблемные аспекты правовой оценки разглашения медицинской (врачебной) тайны в теории и судебной практике 86

Цымлянская О.А., Шеленков К.Д. О мерах защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в социальных сетях 90

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Скворцова Т.А., Працко Г.С. Некоторые вопросы заключения договоров об отчуждении недвижимости 95

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Лозинский О.И., Кравченко К.В., Джеев А.Н. Оперативно-розыскная деятельность: конституционные основы и проблемные вопросы организации и реализации 99

Лозинский О.И., Маковозов В.М., Гончаров М.Е. Органы дознания: место в современной системе правоохранительных органов, правовой (процессуальный) статус, специфика деятельности 105

Лозинский О.И., Полтанкинов И.С., Макуха А.В. Тактика следственных действий: теоретическое и нормативно-правовое обоснование; результаты эмпирического опыта правоприменения 110

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Артюхин О.А, Крицкая А.А., Чеченов Х.Р. Представительские функции местного самоуправления в системе организации российской публичной власти: политико-правовой анализ 115

Веренич И.Г., Джелали Т.И. Идеология терроризма как источник и основа преступлений террористической направленности и политика противодействия 121

Денисенко И.Ф., Тованчова Е.Н. Транспарентность как условие обеспечения эффективности и открытости органов государственной власти 126

Кравченко Е.В., Веренич И.Г. Противодействие терроризму: особенности современной информационной и уголовной политики 132

Семенов А.В. Политические революции и изменения формы государственного устройства (к 100-летию образования СССР) 138

Шхагошев Р. В., Чернушкова К.Г., Лукьянова О.И. Информационная война, её влияние на общественное восприятие событий в мире 144

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

Voronina A.V., Okhotnikov A.V. Organization as a space for the introduction of personnel innovations in the theory of economic development 7

Sorokina O.G. The theory of team management and the formation of a team economic system 12

Sorokina O.G. Macroeconomic concept of human resources management from the perspective of HR marketing 17

FINANCE

Belozubov I.N., Dynnik D.I. Evaluation of the effectiveness of the financial business model in the context of economic transformation 22

Goncharova S.N., Oksenyuk E.E. Features of the financial assessment of the effectiveness of public catering enterprises 28

WORLD ECONOMICS

Shpak T.I., Nazarov I.F. Advantages of using the EAEU format for the Russian Federation 33

THEORY AND HISTORY OF LAW

Maslov V.S., Isakova Yu.I. The problem of legal formalism and positivist approach to the understanding of crime in modern Anglo-Saxon criminal law 37

Paliev V.B., Subbotina O.V. Problems and prospects of development of the institution of inquiry in the Russian criminal process 41

Sklifus S.V. Legal consciousness and legal culture of Russian society as a way to counteract legal nihilism 49

Tishakov M.P. Legal foundations of state policy in the field of road safety: history and modernity 52

PUBLIC-LAW (STATE-LAW) SCIENCES

Abdurakhmanova I.V., Setrakov A.N. The principle of legality in the field of social security: current research directions and problems of implementation 57

Demchenko N.V., Bogacheva M.V. On exercising of some powers by traffic police officers to ensure road safety 63

Kazantseva O.G., Makarenko E.V. Legal issues of ensuring human safety in the field of transplantology in the context of high-tech development of healthcare in Russia 69

Markhgeym M.V. The state language of Russia: constitutional-law perspectives and interfaces 73

Novikova A.E., Zaitsev V.A. Human rights resource of the Supreme Court of the Russian Federation 81

Sementsova I.A., Makarenko N.V. Problematic aspects of legal assessment of disclosure of doctor-patient privilege in theory and court practice 86

Tsymlyanskaya O.A., Shelenkov K.D. On measures to protect the constitutional right to privacy in social networks 90

PRIVATE-LAW (CIVIL) SCIENCES

Skvortsova T.A., Pratsko G.S. Some issues of concluding contracts on the alienation of real estate 95

CRIMINAL-LAW SCIENCES

Lozinsky O.I., Kravchenko K.V., Jeev A.N. Operational investigative activity: constitutional foundations and problematic issues of organization and implementation 99

Lozinsky O.I., Mukovozov V.M., Goncharov M.E. Bodies of inquiry: place in the modern system of law enforcement agencies, legal (procedural) status, specifics of activity 105

Lozinsky O.I., Poltankinov I.S., Makukha A.V. Tactics of investigative actions: theoretical and regulatory justification; results of empirical experience of law enforcement 110

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNIQUES

Artyukhin O.A., Kritskaya A.A., Chechenov H.R. Representative functions of local self-government in the system of organization of Russian public power: political and legal analysis 115

Verenich I.G., Jelali T.I. Ideology of terrorism as a source and basis of terrorist crimes and counteraction policy 121

Denisenko I.F., Tovanchova E.N. Transparency as a condition for ensuring the efficiency and openness of public authorities 126

Kravchenko E.V., Verenich I.G. Countering terrorism: features of modern information and criminal policy 132

Semenov A.V. Political revolutions and changes in the form of government (to the 100th anniversary of the formation of the USSR) 138

Shkhagoshev R.V., Chernushkova K.G., Lukyanova O.I. Information war, its impact on the public perception of events in the world 144

Экономическая теория

Научная статья
УДК 331.1

Организация как пространство внедрения кадровых инноваций в теории экономического развития

© А.В. Воронина, А.В. Охотников, 2023

Воронина Александра Владимировна[1], Охотников Александр Васильевич[2]
[1,2]Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
[1]caas@mail.ru
[2]oav@rgups.ru

Аннотация. В статье приведено теоретическое обоснование экономического развития организации, необходимости внедрения инновационного подхода к проектированию и управлению процессами в кадровой работе. Выявленные направления приложения усилий в кадровой инноватике позволяют сформулировать выводы о необходимости расширения границ такой работы в границах теории экономического развития. Сформулированы базовые управленческие функции, которые трансформируются в процессе внедрения кадровых инноваций, показано их практическое изменение. Показано изменение базовых управленческих функций в процессе перехода от обычной организации к инновационно-ориентированной.

Ключевые слова: кадровая инновация, проектирование, управленческие функции, мотивационные факторы, управление персоналом

Для цитирования: Воронина А.В., Охотников А.В. Организация как пространство внедрения кадровых инноваций в теории экономического развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С.7-11

Economic theory

Original article

Organization as a space for the introduction of personnel innovations in the theory of economic development

© A.V. Voronina, A.V. Okhotnikov, 2023

Alexandra V. Voronina[1], Alexander V. Okhotnikov [2]
[1,2] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
[1]caas@mail.ru
[2]oav@rgups.ru

Abstract. The article provides a theoretical justification for the economic development of the organization, the need to introduce an innovative approach to the design and management of processes in personnel work. The identified areas of application of efforts in personnel innovation allow for formulating conclusions about the need to expand the boundaries of such work within the boundaries of the theory of economic development. The basic managerial functions are formulated, which are transformed in the process of introducing personnel innovations, and their practical change is shown. The change of basic management functions in the process of transition from a conventional organization to an innovation-oriented one is shown.

Keywords: personnel innovation, design, management functions, motivational factors, personnel management

For citation: Voronina A.V., Okhotnikov A.V. Organization as a space for the introduction of personnel innovations in the theory of economic development. *Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management.* 2023. No. 3 (154):7-11 (In Russ.)

Тенденции развития макроэкономических процессов свидетельствует о трансформации видов экономического воспроизводства. Классик экономической теории Й. Шумпетер, изучив макро- и микроэкономическую ситуацию того времени, вывел понятие инновации и выделил характеристики людей, обладающих инновационным потенциалом. Свои исследования по этому поводу Шумпетер Й. изложил в работе «Теория экономического развития» [8]. Классик экономической теории исходил из того, что инновационные сдвиги в экономике могут сделать только люди с предпринимательскими

задатками. Предприниматели находятся в постоянном поиске новых, в том числе инновационных, возможностей для бизнеса. Й. Шумпетер определил следующие черты инновационно-ориентированных людей (рис. 1). Основные положения работ подтверждают общеизвестные мировые примеры, это Г. Форд, Б. Гейтс, А. Морито, Л. Яккока. Только инновационное мышление этих стратегов способствовало выведению компаний на мировой уровень.

Рисунок 1. Основные характеристики людей в соответствии с инновационной «Теорией экономического развития» Й. Шумпетера

Современные преобразования Российского государства, в том числе с точки зрения управления трудовым коллективом, привели к возникновению научной дискуссии о выборе вектора развития инновационного потенциала и внедрения кадровых инноваций в практическую деятельности субъектов хозяйствования [3]. Анализ крупных промышленных предприятий показывает, что основными побудительными мотивами развития инновационной деятельности на них является наличие лидера-новатора. Очевидно, что для развития любых инноваций необходимо наличие и оптимальное сочетание политических, технических, организационных, экономических и социально-психологических условий.

Кадровая инновация представляется конечным результатом от внедрения новшеств в систему управления человеческими ресурсами, приводящая к изменению кадровой работы как объекта управления и получению экономического, социального или другого вида эффекта.

Инновационная деятельность в кадровой работе существенно изменяет содержание функций, выполняемых организацией. В результате проведенной инновационной деятельности происходят изменения: за функциональными подразделениями закрепляются новые функции, ставятся новые цели, вносятся коррективы в состав работ и функций отдельных работников, содержание труда (а иногда и его характер) на рабочих местах изменяется, снижаются или растут затраты на выполнение функций [5]. В свою очередь, функциональная деятельность предоставляет ресурсы для реализации инновационной деятельности: финансовые, материальные, человеческие. Например, при внедрении кадровых инноваций в систему оценки персонала могут произойти качественные сдвиги вовлеченных функциональных подразделений:

- руководители станут предварительно планировать и оценивать деятельность подчиненных;
- у подчиненных появится осознание значимости своей работы для развития субъекта хозяйствования;
- негативное отношение к системе оценки сменится пониманием ее необходимости и важности [7].

Практика показывает, что высокий уровень мозговой активности тесно коррелирует с личностными качествами работников. В свою очередь, инновационная деятельность основана на творческой и интеллектуальной активности. Данные факторы следует учитывать при организации работ в структурных подразделениях. Речь идет о формировании гибкого графика трудовой активности и планировании рабочей недели. Ключевой особенностью инновационных подходов является функциональная взаимосвязь с системой отбора работников.

Без сомнения, инновационная деятельность подразумевает выдвижение к работнику дополнительных требований. Методологическая база также подразумевает объективную оценку потенциала исполнителя. На данном этапе в обязательном порядке учитываются личностные качества лиц, выполняющих определенные профессиональные функции [1]. Особая значимость отводится функциони-

рованию службы управления персоналом. При отборе работников используются как традиционные, так и нестандартные методы. В качестве наглядного примера можно привести специальное тестирование или комплексное психологическое обследование. Не менее эффективны творческие конкурсы [4].

Работа в инновационной организации сопряжена с определенными особенностями. Здесь учитываются личностные характеристики специалистов и адаптационные проблемы. Менеджеры должны создавать благоприятные условия работы для специалистов. Часто возникают ситуации, когда творческий потенциал сотрудника иссякает. Такие работники, как правило, имеют низкую производительность труда. Именно по этой причине в инновационных организациях особое внимание уделяется вопросам адаптации новых членов трудового коллектива. Также это касается исполнителей, которые стремятся к повышению квалификационного уровня.

Таблица 1. Инновационные особенности, связанные с кадровой работой в организациях

Базовые управленческие функции	Обычный субъект хозяйствования	Инновационный субъект хозяйствования
Порядок организации трудовой активности	Контроль уровня дисциплины, расширение специализации функций	Максимизация эффективности в командной работе. Оптимизация режима трудовой активности
Порядок отбора персонала	Основа – стандарты поведения. Учет уровня технической квалификации	Учет индивидуальных особенностей кандидата
Адаптационный процесс	Быстрая адаптация сотрудников к текущим требованиям по должности	Быстрая адаптация сотрудников к инновационным системам, которые используются в организации
Мотивационные факторы	Справедливое вознаграждение за фактические достижения. Универсальная мотивация	Формирование благоприятных условий для расширения инновационного потенциала
Комплексная оценка	Оценочный процесс основан на профильных инструкциях и стандартах	Комплексная оценка потенциала рабочего персонала.
Управление профессиональным ростом	Планомерное продвижение по вертикальной лестнице	Развитие модели горизонтального продвижения
Система обучения	Расширение области знаний и практических навыков. Квалификация должна соответствовать занимаемой должности	Системное обучение работников
Расширение штата работников	Исключено увольнение ответственных и дисциплинированных работников	Планирование незначительного сокращения штатных работников
Формирование организационной культуры	Объединение индивидуальных и организационных интересов	Принятие существующих в организации ценностей как своих собственных

Следует отметить, что в инновационных организациях мотивационные факторы играют существенную роль. С их помощью можно дополнительно простимулировать рабочий персонал. Эффективной альтернативой администрированию является объективное признание заслуг исполнителя в реализации поставленных задач. Для этого берется на вооружение принцип гласности результатов деятельности и предоставление актуальной информации.

Практика показывает, что при вышеприведенных обстоятельствах наблюдается планомерное снижение материальной мотивации. Человек испытывает острую потребность в самореализации и достижении успеха. На первый план выходит потребность в комплексном развитии личности. У таких сотрудников в приоритете становится именно инновационная деятельность [2]. Второе место уверенно занимают денежные средства.

Инновационно-ориентированные организации активно используют «лестницы продвижения». Также это касается двойных лестниц карьеры. С их помощью можно планомерно продвигаться по службе и наращивать личностный инновационный потенциал. В рамках предложенной модели в обязательном порядке учитываются способности работников. Эксперты отмечают, что перемещение со-

трудников внутри организации возможно по дополнительным плоскостям. Речь идет о традиционных и инновационных направлениях. В качестве наглядного примера можно привести возможность занимать руководящие посты в профильных подразделениях. Альтернативный вариант – активное участие в инновационных и перспективных проектах.

Без сомнения, системное обучение должно быть ориентировано на инновационное развитие трудового персонала. К числу наиболее распространенных моделей можно отнести предметно-ориентированную. Суть ее заключается в обеспечении оптимальных условий для освоения работниками теоретико-методологического материала. В свою очередь, деятельностно-ориентированная модель позволяет в полной мере удовлетворить потребности конкретного субъекта хозяйствования. Основная задача в данном направлении – аккумулирование практических знаний и умений инновационного характера.

Организационная культура компании, как правило, создает дополнительные трудности для эффективной работы специалистов в коллективе. Проблема заключается в большом количестве психологически несовместимых творчески людей. В таких условиях существенно увеличивается риск развития конфликтных ситуаций. Главная функция службы управления персоналом заключается в эффективном управлении конфликтами [6]. Актуальность данного рода задачи существенно возрастает непосредственно в инновационных организациях.

Специалисты сходятся во мнении, что стабильное развитие организационной культуры невозможно без создания благоприятного инновационного климата. Речь идет о своего рода духе, который основан на принципах открытости и коммуникабельности. Также это касается ценностей индивида и формирования благоприятных условий для раскрытия творческого потенциала индивидов.

Таким образом, необратимый переход российской экономики к инновационному типу становится условием интеллектуализации производства, признанием человеческого потенциала, фактором, повышающим национальное богатство. Что в итоге окажет влияние на макро- и микроэкономические процессы в функционировании хозяйствующих субъектов. Как следствие, результат инновационной деятельности организации во многом зависит от эффективности функционирования профильных служб. В первую очередь это касается структуры управления персоналом и трудовыми коллективами.

Список источников

1. Воронина А.В., Гончарова С.Н. Актуальные вопросы оценки ресурсного потенциала предприятий // Kant. 2011. № 3. С. 139-143.

2. Воронина А.В. Модификации эффективности управления командой и командной эффективностью // В сборнике: Транспорт: наука, образование, производство (Транспорт-2021). сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 79-83.

3. Оксенюк Е.Е., Воронина А.В., Сорокина О.Г. Исследование макроэкономических показателей России для обоснования стратегии инновационного развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4 (107). С. 18-22.

4. Полякова И.А., Охотников А.В., Фролов А.В. Инновационные методы и инструментарий оценки трудовых ресурсов // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 5. С. 38-41.

5. Погорелова Т.А. Особенности управления персоналом на инновационном предприятии // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2013. №1 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-personalom-na-innovatsionnom-predpriyatii (дата обращения: 07.01.2023).

6. Раренко А.А. Роль Организационной культуры в управлении персоналом российских организаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnoy-kultury-v-upravlenii-personalom-rossiyskih-organizatsiy (дата обращения: 01.02.2023).

7. Федорова А.Э. Барьеры и драйверы внедрения новых кадровых технологий в практику российских организаций // Управленец. 2011. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-i-drayvery-vnedreniya-novyh-kadrovyh-tehnologiy-v-praktiku-rossiyskih-organizatsiy (дата обращения: 22.12.2022).

8. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер; [предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева]. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

References

1. Voronina A.V., Goncharova S.N. Topical issues of assessing the resource potential of enterprises. *Kant.* 2011. No. 3:139-143. (In Russ.)

2. Voronina A.V. Modifications of the effectiveness of team management and team efficiency. *Transport: science, education, production* (Transport-2021). collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2021. pp. 79-83. (In Russ.)

3. Oksenyuk E.E., Voronina A.V., Sorokina O.G. The study of macroeconomic indicators of Russia to substantiate the strategy of innovative development. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2019. No. 4 (107): 18-22. (In Russ.)

4. Polyakova I.A., Okhotnikov A.V., Frolov A.V. Innovative methods and tools for assessing labor resources. *The economics of agriculture in Russia*. 2020. No. 5: 38-41. (In Russ.)

5. Pogorelova T.A. Features of personnel management at an innovative enterprise. *Innovative economy: prospects for development and improvement.* 2013. No.1 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-personalom-na-innovatsionnom-predpriyatii (accessed: 07.01.2023). (In Russ.)

6. Rarenko A.A. The role of Organizational culture in personnel management of Russian organizations. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature*. Ser. 11, Sociology: An abstract journal. 2021. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnoy-kultury-v-upravlenii-personalom-rossiyskih-organizatsiy (accessed: 01.02.2023). (In Russ.)

7. Fedorova A.E. Barriers and drivers of the introduction of new personnel technologies into the practice of Russian organizations. *Manager*. 2011. No.1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-i-drayvery-vnedreniya-novyh-kadrovyh-tehnologiy-v-praktiku-rossiyskih-organizatsiy (accessed: 12/22/2022). (In Russ.)

8. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy / J.A. Schumpeter; [preface by V.S. Autonomov; translated from German by V.S. Autonomov, M.S. Lyubsky, A.Yu. Chepurenko; translated from English by V.S. Autonomov, Yu.V. Autonomov, L.A. Gromova, K.B. Kozlova, E.I. Nikolaenko, I.M. Osadchey, I.S. Semenenko, E.G. Solovyova]. – Moscow: Eksmo, 2008. – 864 p.

Информация об авторах

А.В. Воронина – кандидат экономических наук, доцент
А.В. Охотников – кандидат технических наук, доцент

Information about the author

A.V. Voronina – Candidate of Economics, Associate Professor
A.V. Okhotnikov – Candidate of Technical, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.
The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 330

Теория командного менеджмента и формирование командной экономической системы

© О.Г. Сорокина, 2023

Оксана Геннадьевна Сорокина
Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростов-на-Дону; Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия. sorokinaoksana@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные подходы командного менеджмента и модели по созданию и формированию эффективной команды, что является ключевым фактором развития организации в условиях экономической неопределенности. Исследованы научно-теоретические аспекты понятия команды, рабочих групп по повышения производительности труда и удовлетворенности работы, направленные на достижение поставленных целей руководством текущих и стратегических целей организации.

Ключевые слова: командный менеджмент, эффективность, рабочие группы, модель, результат, цель

Для цитирования: Сорокина О.Г. Теория командного менеджмента и формирование командной экономической системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023 № 3(154). С.12-16

Original article

The theory of team management and the formation of a team economic system

© O.G. Sorokina, 2023

Oksana G. Sorokina
Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don; Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. fadeeva82.82@mail.ru

Abstract: The article discusses the main approaches of team management and models for creating and forming an effective team, which is a key factor in the development of an organization in conditions of economic uncertainty. The scientific and theoretical aspects of the concept of a team, working groups to increase labor productivity and job satisfaction, aimed at achieving the goals set by the management of the current and strategic goals of the organization, have been studied.

Keywords: team management, efficiency, working groups, model, result, goal

For citation: Sorokina O.G. The theory of team management and the formation of a team economic system. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2023 No. 3 (154):12-16 (In Russ.)

Институциональная экономическая теория раздвигает микроэкономические границы, вовлекая в него факторы, которые не учитываются классической микроэкономической теорией. На сегодняшний день человеческий ресурс является одним из основных и наиболее важных ресурсов организации. При эффективной работе сотрудников увеличивается и эффективность организации в условиях экономической неопределенности. Каждый отдел, департамент, по сути своей, представлен командой людей, выполняющих поставленные задачи.

Преимущества использования команд в организациях интересовали с 1950-х годов. Через проведение различных исследований было выяснено, что команды способствуют формированию эффективной рабочей среды, так как они позволяют распределить объем работы и ответственность [4]. Кроме того, среда взаимодействия, создаваемая при тесной работе с другими людьми, показала влияние на повышение продуктивности и удовлетворенности от работы.

В США 82% компаний, нанимающих более 100 работников, начали внедрять групповой формат для поддержки организационных целей. 81% компаний из списка Fortune 500 создают организации, хотя бы частично основанные на командах. Как минимум 77% используют временные проектные команды для работы над ключевыми процессами.

Значимость командной работы возросла в связи с появлением транснациональных корпораций, международных компаний, более разнообразных межкультурных рабочих заданий и растущей сложности организационных структур.

Для начала разберемся, что же такое команда, рассмотрим подходы к определению эффективности команды, что в итоге ведет и к эффективности организации.

В современной научной литературе можно встретить множество определений команды. Так, Козловски В.Дж. и Белл Б.С. в статье «Рабочие группы и команды в организации» описывали команду как коллектив, существующий в ограниченном организационном контексте для выполнения актуальных организационных задач, члены которого разделяют одну или более общих целей, социально взаимодействуют, демонстрируют операционную взаимозависимость.

Хэкмен Дж. рассматривал команду как группу индивидов, обладающую следующими характеристиками:

1. Группа является неизменной ограниченной социальной системой, члены которой взаимозависимы и принимают на себя различные роли.

2. Существует одна или более задач, подлежащих исполнению. Группа производит определенный результат, за который ее члены несут коллективную ответственность.

3. Группа как коллектив управляет связями с другими индивидами или группами, существующими в большой социальной системе, в рамках которой она действует.

Зинкевич-Евстигнеева Т., Фролов Д. и Грабенко Т. вводили следующее определение: «Объединение определенной группы профессиональных работников в автономный самоуправляемый коллектив с целью решения поставленной задачи (производственной или интеллектуальной) более оперативно, эффективно и качественно, чем при обычной, традиционной организации работ».

Обобщая имеющиеся трактовки термина, можно привести следующее определение: команда – это небольшая группа людей, обладающих общим видением и взаимодополняющими навыками, ориентированная на достижение единой цели и результатов, за которые члены группы несут друг перед другом ответственность [1].

Основываясь на различных характеристиках и признаках команд, можно выделить несколько типологий. В рамках данной работы будут рассмотрены многомерная классификация Мэнкина Д. и классификация команд по результатам деятельности Каценбаха Дж. и Смита Д.

По таким критериям как непрерывность работы, организационная структура, главный фокус или цель Мэнкин Д. выделяет следующие типы команд, которые представлены на рисунке 1.

рабочая команда	•характеризуется постоянной работой, структура отражает процессы, фокус на стабильных результатах
проектная команда	•временная работа в рамках проекта, межфункциональная структура, цель – производство определенного одноразового результата
параллельная команда	•оперативная временная команда созданная для решения определенной задачи, улучшения процессов, выработки рекомендаций
ситуативная команда	•неформальная группа по интересам
управленческая команда	• постоянная команда, отражающая структуру организации, созданная для управления, координации и контроля деятельности

Рисунок 1. Основные типы команд по Мэнкин Д.

Рабочая команда представляет собой группу специалистов, относящихся к различным областям организационной деятельности, совместно работающих над решением конкретных задач и существующих проблем в организации [3].

Рабочая команда аккумулирует потребности всех членов организации, интегрирует и определяет общие потребности организации, формирует цели для удовлетворения этих потребностей, разрабатывает механизмы, способы их достижения и выступает в качестве основополагающего элемента деятельности всех членов организации [2].

Управленческая команда предопределяет способность организации при прочих равных условиях выполнить поставленные перед ней задачи.

В управленческих командах отсутствует иерархический стиль управления.

Каценбах и Смит определили пять типов команд на основании их результатов работы и уровне эффективности: рабочие группы, псевдо-команды, потенциальные команды, реальные команды и высокоэффективные команды.

Рабочие группы – состоят из индивидов, объединенных общими интересами, но без общих целей. До тех пор, пока личные цели участников не идут в разрез друг другу, члены группы извлекают пользу из обмена информацией, процессами, решениями и успешным опытом. Практически отсутствует координация и взаимозависимость в действиях членов группы. Групповая эффективность поддерживается, пока существует симбиотическая связь между индивидом и группой.

Псевдокоманды – это неэффективные группы, характеризующиеся непродуктивными встречами, нехваткой фокуса, непрекращающимися спорами, сложностями в достижении компромисса, низким уровнем внутренней и общей инертности. Псевдокоманды возникают вследствие неправильного распределения ролей при преобразовании рабочей группы в команду, неточной формулировки задания или постановки недостижимой задачи, недоукомплектованного состава команды, недостаточно тренированной команды, или потери командой цели из-за значительных внутренних или внешних изменений. Эффективность работы такой команды меньше суммы достижений отдельных ее членов. Для преобразования псевдокоманды в потенциальную необходимо для начала достичь группового консенсуса относительно ее целей и применения командного подхода.

Потенциальные команды могут иметь осмысленную миссию, но при этом у них отсутствуют ясные цели и задачи. Они состоят из трудоспособных, преданных и замотивированных членов, много работающих, но коллективно не достигающих успеха. В таких случаях необходимо больше предварительной работы по прояснению командной цели, разработки общего командного подхода и показателей измерения работы. Эффективность работы такой команды примерно равна сумме показателей эффективности ее членов.

Реальные команды представляют собой группу людей с общей целью, задачами и взаимной ответственностью. Переход от потенциальной команды к реальной происходит, когда ее члены начинают принимать на себя риски, связанные с взаимозависимостью, конфликтами и коллективной ответственностью за результаты работы. Эффективность работы команды превышает сумму показателей ее членов.

Высокоэффективные команды являются редким вариантом развития реальных команд, в которых члены берут на себя обязательства за личностный рост и успех друг друга, что ведет к высокому уровню производительности и беспрецедентным достижениям. Отношения между членами команды обычно продолжаются после завершения функционирования команды.

Вышеперечисленные пять типов команд образуют так называемую кривую эффективности командной работы, которая представлена на рисунке 2.

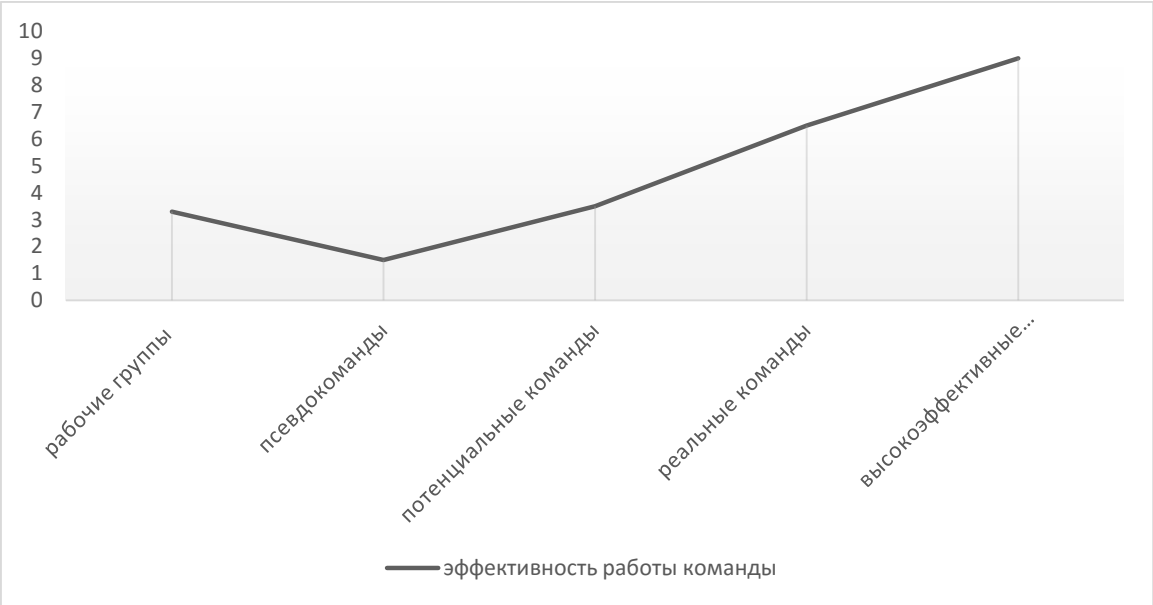

Рисунок 2. Кривая эффективности командной работы

Команды не являются стабильными системами, их производительность и эффективность развиваются и меняются с течением времени. Для достижения высоких показателей членам команды, помимо оценки выполнения целей, необходимо понимать групповое развитие. Таким образом, эффективность работы вязана со стадией развития команды.

Наиболее известная модель – пять стадий развития команды – была предложена Такмэноми Б., Дженсеном М:

1. Формирование – первая стадия представляет собой переход от группы индивидов к функционирующей команде. В течение этого времени члены команды укрепляют доверие между друг другом и лидером. Они полагаются на безопасное образцовое поведение и рассчитывают на указания и направления лидера. На данном этапе происходит сбор информации об индивидуальных сходствах и различиях. Разногласия избегаются. Основная задача – создать команду с четкой структурой, целями и ролями, поставить правильные ожидания относительно результатов работы команды и рабочих процессов. Для перехода к следующей стадии каждый член команды должен перестать избегать неудобные вопросы и не бояться вступать в дискуссию.

2. Разногласия и конфликты – данный этап характеризуется конкуренцией и конфликтами в межличностных отношениях и организацией в функциональных областях. Как только члены группы пытаются организоваться для выполнения задания, возникающие конфликты неизбежно отражаются на личных отношениях. Поднимаются вопросы относительно распределения ответственности за задания, установления правил, системы вознаграждения, критериев оценивания эффективности работы.

3. Нормализация – на этой стадии личные отношения между членами команды характеризуются сплоченностью. Личный вклад каждого признается всеми членами команды. Они готовы изменить свое мнение на основании представленных другими людьми фактов и активно задают друг другу вопросы. Рост уровня доверия оказывает влияние на развитие командной сплоченности. Появляется чувство групповой принадлежности, высокий уровень креативности. Свободный обмен информацией между членами способствует повышению эффективности. Отрицательная сторона заключается в том, что команда может начать бояться неизбежного распада и, соответственно, противостоять любым изменениям.

4. Стадия эффективности – достигается не всеми командами. Члены группы становятся взаимозависимыми, они ориентированы как на выполнение задания, так и друг на друга. Роли и полномочия подстраиваются подменяющиеся нужды группы. Деятельность направлена на процесс решения задач, ведущий к нахождению оптимального решения и групповому развитию. Достижения измеряются и отмечаются. Группа достигает максимальной продуктивности и эффективности.

5. Закрытие – окончание проекта, основная работа на данном этапе заключается в подведении результатов и завершении всех оставшихся задач, оценке командной работы и результатов, признании индивидуальных вкладов и официальном закрытии.

Для обозначения стадий командного развития Такмен Б. (B. Tuckmann, 1965) разработал ставшую впоследствии очень известной четырехфазовую модель. Стадии развития являются необходимыми и неизбежными по мере роста зрелости команды. Стадии развития команды по Такмену Б. представлены на рисунке 3.

Рисунок 3. Стадии создания команды по Б.Такмену

Таким образом, эффективная работа команды определяется следующими характеристиками:

- достигнуты поставленные цели руководством;
- благоприятный социально-психологический климат в команде;
- отсутствует иерархическая система управления и мало конкуренции («Твой успех – это мой успех»);
- в рабочей группе дружелюбное отношение друг к другу («Мы все за одного!»);
- отношения всех членов команды строятся на доверии, уважении;
- потенциалы членов команды задействуются оптимально [6];
- разрешение конфликтов происходит при помощи компромисса;
- члены команды применяют навыки и умения самоменеджмента, самоорганизации и самодисциплины [5].

Таким образом, вышеизложенные результаты по созданию и формированию эффективной команды, можно сказать, в настоящее время являются важным вопросом множества предприятий и организаций в условиях экономической нестабильности. Чтобы успешно развивать компанию, необходимо учитывать индивидуальные возможности руководителей и потенциальные возможности их сотрудничества. В связи с этим, для решения множества задач и целей, стоящих перед организацией, необходимо создавать эффективные рабочие группы с применением теории командного менеджмента.

Список источников

1. Бацокина О.Е. Механизм формирования проектной команды / О. Е. Бацокина, Э. Б. Мазурин // Инновации в менеджменте. 2019. № 2(20). С. 20-26.
2. Воронина А.В., Абазиева К.Г. Изменение уровня компетентности руководителя и развитие управленческих навыков во взаимосвязи с командной эффективностью // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №3 (142). С.63-67.
3. Воронина А.В., Охотников А.В., Кузьминов А.Н., Параметры эффективной структуры инновационного человеческого капитала // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 39 (1).
4. Охотников А.В., Полякова И.А. Модель компетенций как методический инструментарий системы кадрового менеджмента // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 7 (146). С. 12-15.
5. Киященко Т. А. Цикл управленческих функций с точки зрения управления исполнением и развития сотрудников // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Седьмой международной научно-практической конференции (11–12 ноября 2022 г.) / редкол.: А. Н. Гуда (пред.) [и др.]; ФГБОУ ВО РГУПС. Ростов н/Д, 2022. С. 155-160.
6. Сорокина О.Г. Управленческие команды: проблемы формирования и зарубежный опыт. Евразийский юридический журнал. 2018. №9. С.458-461.

References

1. Batsokina, O.E. Mechanism of project team formation / O. E. Batsokina, E. B. Mazurin. *Innovations in Management.* 2019. No. 2(20): 20-26. (In Russ.)
2. Voronina A.V., Abazieva K.G. Changing the level of managerial competence and the development of managerial skills in conjunction with team effectiveness. Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 3 (142):63-67. (In Russ.)
3. Voronina A.V., Okhotnikov A.V., Kuzminov A.N., Parameters of the effective structure of innovative human capital. *Natural Humanitarian Studies*. 2022. No. 39 (1): 162-170. (In Russ.)
4. Okhotnikov A.V., Polyakova I.A. The competency model as a methodological tool for the personnel management system. *Science and Education: Economy and Financial Economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No. 7 (146): 12-15. (In Russ.)
5. Kiyashchenko T. A. The cycle of managerial functions from the point of view of performance management and development of employees // State, municipal and corporate management: theory and best practices: materials of the Seventh International Scientific and Practical Conference (November 11–12, 2022) / editorial board: A. N. Guda (prev.) [and others]; FGBOU VO RGUPS. Rostov n/D, 2022.(In Russ.)
6. Sorokina O.G. Management teams: problems of formation and foreign experience. *Eurasian legal journal*. 2018. No. 9:458-461. (In Russ.)

Информация об авторе: О.Г. Сорокина – кандидат экономических наук, доцент
Information about the author: O.G. Sorokina - Candidate of Economics, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 9.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 9.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 330

Макроэкономическая концепция управления трудовыми ресурсами с позиции кадрового маркетинга

© О.Г. Сорокина, 2023

Оксана Геннадьевна Сорокина
Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростов-на-Дону; Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия. sorokinaoksana@mail.ru

Аннотация: В статье проанализирована маркетинговая концепция управления трудовыми ресурсами и требования компании на рынке трудовых ресурсов. Раскрыто понятие и значение кадрового маркетинга как для работника, так и для работодателя, что в современных условиях является важным в обеспечении компании трудовыми ресурсами и изучении внутреннего и внешнего рынка труда. На рынке труда значение маркетинга определяется целями и задачами хозяйствующих субъектов, а также их ключевой ролью в управлении человеческими ресурсами.

Ключевые слова: рынок труда, кадровый маркетинг, компания, работник, работодатель, требования, макроэкономическая концепция

Для цитирования: Сорокина О.Г. Макроэкономическая концепция управления трудовыми ресурсами с позиции кадрового маркетинга // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3 (154). С.17-21

Original article

Macroeconomic concept of human resources management from the perspective of HR marketing

© O.G. Sorokina, 2023

Oksana G. Sorokina
Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don; Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. fadeeva82.82@mail.ru

Abstract: The article analyzes the marketing concept of human resource management and the requirements of the company in the labor market. The concept and meaning of HR marketing for both the employee and the employer is revealed, which in modern conditions is important in providing the company with labor resources and studying the internal and external labor market. In the labor market, the importance of marketing in the labor market is determined by the goals and objectives of economic entities, as well as their key role in human resource management.

Key words: labor market, HR marketing, company, employee, employer, requirements, concept

For citation: Sorokina O.G. Macroeconomic concept of human resources management from the perspective of HR marketing. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2023. No. 3 (154): 17-21 (In Russ.)

Современные экономические теории считают, что успешное функционирование компании на конкурентном рынке труда и грамотное управление человеческими ресурсами невозможно без использования подходов и стратегии кадрового маркетинга. Главной ключевой ролью в кадровом маркетинге, начиная с процесса кадрового планирования, – это обеспечить такое состояние развития компании, чтобы всегда было достаточно сотрудников нужных профессий вовремя и по приемлемой стоимости.

Принципиально сформированное отношение к персоналу является основой теории управления человеческими ресурсами, которые выступают ценным ресурсом субъектов хозяйствования. Возникновение школы человеческих ресурсов обусловлено изменением технологии производственного процесса. Индивидуализированное и клиентоориентированное производство в современной экономике превалирует над массовым.

Понятие «рынок труда» подводит к определению кадрового маркетинга (синонимы: маркетинг трудовых ресурсов, маркетинг рабочей силы, маркетинг персонала, HR-маркетинг), поскольку кадровый маркетинг – это человеческая деятельность, которая имеет отношение к рынку трудовых ресурсов.

Маркетинг трудовых ресурсов означает содержательное расширение функции производственного маркетинга в области управления человеческими (трудовыми) ресурсами. С этой точки зрения в его определение обычно включают следующие понятийные элементы:

- кадровый маркетинг как ключевой подход в рыночно-ориентированном управлении;
- кадровый маркетинг в качестве способа поиска управленческих решений, осуществляемого на базе данных, полученных при проведении комплексных исследований рынка;
- кадровый маркетинг в роли средства достижения преимуществ перед конкурентами.

Кадровый маркетинг как социальный процесс означает управление рынком труда с целью осуществления лучшего обмена специфическими товарами и услугами, удовлетворяющими нужды работодателей в рабочей силе и жизненно важные интересы и запросы работников. Маркетинг трудовых ресурсов слагается из действий, предпринимаемых работодателем/работником с целью добиться в любой форме желаемой ответной реакции целевой аудитории – реальных или потенциальных работников/работодателя в отношении условий организации и результатов трудовой деятельности.

Кадровый маркетинг можно условно разделить на следующие виды: маркетинг персонала, ориентированный на продукт, который представляет собой труд, предоставляющий услуги труда, и маркетинг персонала, ориентированный на удовлетворение, который учитывает дифференциацию потребителей (работодателей) труда [3]. Первый из вышеназванных вид кадрового маркетинга направлен на обеспечение конкурентоспособности предложения рабочей силы. Особое значение такой маркетинг имеет для представителей нетрадиционных профессий и специальностей, которые ранее не присутствовали на рынке рабочей силы. В России, например, это специалисты по высоким (наукоёмким) технологиям [4], рыночным структурам и управлению жизненным циклом организации, сорсингу, реинжинирингу (перепроектирование бизнес-процессов компаний для достижения коренных улучшений основных показателей их деятельности) [2].

Маркетинг персонала можно определить как управленческую деятельность, направленную на обеспечение организации человеческими ресурсами на долгосрочной основе. Эти ресурсы в совокупности образуют стратегический потенциал, позволяющий решать конкретные целевые задачи предприятия.

HR-маркетинг в компании включает в себя определение потребностей в человеческих ресурсах, изучение внутреннего и внешнего рынков труда, анализ ожиданий работников в области развития карьеры, социальной поддержки (компенсационный выплаты), распространение информации о вакансиях, возможностях обучения и продвижения, поиск источников квалифицированных кадров.

Грамотный процесс позиционирования компании на рынке труда должен отвечать следующим требованиям, представленным на рисунке 1.

Рисунок 1. Требования компании на рынке трудовых ресурсов

Значение маркетинга на рынке труда определяется целями и задачами экономических субъектов на рынках разного уровня, а также его ключевой ролью в системе управления человеческими ресурсами.

Кадровый маркетинг может повлиять на мнение людей, которые имеют отношение к работе в компании или же к ее руководству [1]. По мнению экспертов, выявляемые в ходе исследований требования работодателей к нанимаемому работнику предполагают высокую профессиональную компетентность, ответственность и предприимчивость, организованность и пунктуальность, здоровый образ жизни, знание иностранных языков; с другой стороны, у работников свои требования к трудовым отношениям и предоставляемому рабочему месту – заработная плата, соответствующая квалификации и затратам труда; безопасные и благоприятные условия работы [5]; распорядок рабочего времени, устраивающий работников; перспектива профессионального и карьерного роста. Выполнение совокупности вышеуказанных требований способно удовлетворить потребности всех субъектов трудовых отношений и создать для работника, компании и общества условия, способствующие повышению эффективности использования рабочей силы, а в конечном итоге – улучшить качество жизни людей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что маркетинг трудовых ресурсов выступает как управляющая и управляемая система. В компании маркетинговая концепция управления трудовыми ресурсами представлена на рисунке 2.

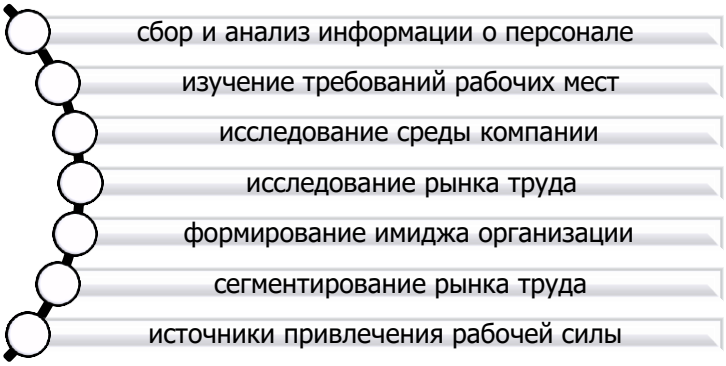

Рисунок 2. Маркетинговая концепция управления трудовыми ресурсами

Реализация данной концепции позволяет достичь целей организации через определение и установление четких требований к человеческим ресурсам, выявление социальных потребностей персонала и удовлетворения их более эффективными, чем у конкурентов, способами.

На основе маркетингового подхода по управлению трудовыми ресурсами можно повысить реальную стоимость произведенного труда без привлечения дополнительных ресурсов, что повлияет на принятие экономически выгодных управленческих решений, которые будут направлены на повышение производительности труда. В Российской Федерации данный подход особенно актуален в связи с тем, что в условиях происходящих в последнее время изменений в национальной экономике на смену прежнего предложения рабочей силы приходит ранее прогнозируемый независимыми учеными дефицит квалифицированных трудовых ресурсов (прежде всего инженерно-технических работников и производственных менеджеров).

В отечественной и зарубежной литературе кадровый маркетинг рассматривается с трех сторон: маркетинг как принцип управления; маркетинг как метод поиска решений; маркетинг как средство конкуренции. Его объектами являются рабочая сила (трудовые услуги) и рабочие места, то есть все то, что пользуется спросом на рынке труда. Работодатели осуществляют поиск и наём рабочей силы, исходя из потребностей производственно-хозяйственной деятельности. Наёмные работники стремятся найти и устроиться на подходящую их требованиям и параметрам работу. Профессиональные учебные заведения подготавливают конкурентоспособных на рынке труда специалистов. Профессиональные союзы лоббируют и защищают интересы отдельных групп работников, выступают в роли посредника в трудовых спорах между работниками и работодателями. Для успешного маркетинга трудовых ресурсов требуется координация и продуктивное взаимодействие всех его субъектов на рынке труда.

Рассмотрим маркетинговую концепцию управления трудовыми ресурсами на примере двух субъектов кадрового маркетинга: работодатели и профессиональные учебные заведения. Проведем анализ взаимодействия компаний и ВУЗов на рынке труда. На рисунке 3 показано, что компании в наибольшей и наименьшей степени готовы работать с новыми выпускниками. Государственные компании, вероятно, являются лидерами рынка труда по найму молодых специалистов. Они проявляют наибольший интерес к выпускникам (44%), в то время как университеты ожидают большего (67%) [7]. На втором месте – это малые российские предприятия.

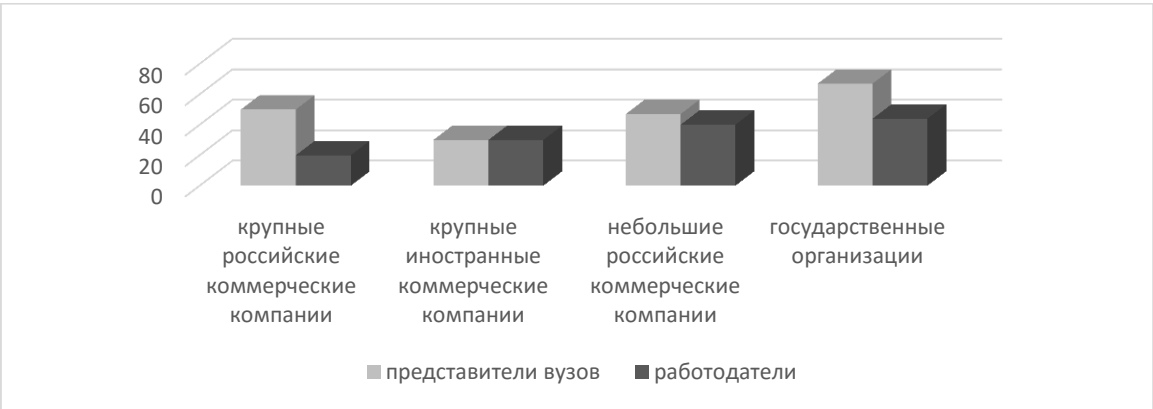

Рисунок 3. Заинтересованность в работе с выпускниками,
мнение представителей вузов и работодателей

Далее проанализируем требования работодателей к выпускникам, представленные на рисунке 4.

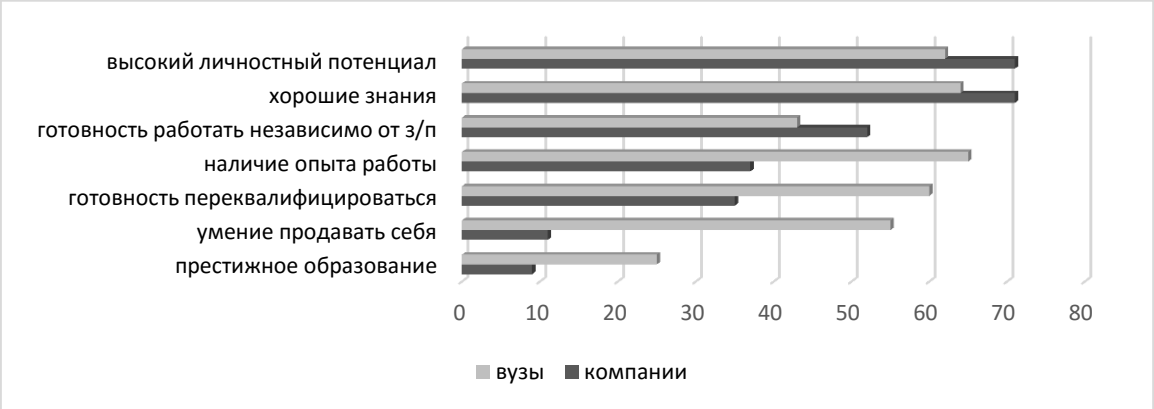

Рисунок 4. Требования работодателей к выпускникам вузов

Компании более всего ценят знания, полученные в вузе (71%), и личностный потенциал выпускников (71%). Для них также важно отсутствие стремления к высокой заработной плате (52%). Такие качества, как умение продавать себя (самопрезентация) (11%) и престиж учебного заведение (9%), которое окончил выпускник, практически не интересуют работодателей. Огромное количество университетов ежегодно выпускает множество молодых специалистов, которым приходится конкурировать за ограниченное количество рабочих мест.

Анализ востребованности профессиональных направлений показывает, что вузы и работодатели примерно одинаково понимают ситуацию, что представлено на рисунке 5. Но вузы в большинстве своем завышают уровень востребованности. Одной из проблем трудоустройства молодых специалистов являются их завышенные зарплатные ожидания. Количество выпускников 2021 г., оценивающих себя выше реального уровня, уменьшилось на 20%, и на 23% увеличилось количество выпускников, оценивающих себя более реалистично. К изменению точки зрения явно «приложил руку» кризис.

Рисунок 5. Востребованность направлений профессиональной подготовки выпускников, мнение представителей вузов и работодателей

Значительная часть работодателей недовольна уровнем профессиональных навыков выпускников университетов. Около 70% работодателей в каждой компании недовольны уровнем практических навыков: у 2021 выпускника либо мало опыта работы, либо его вообще нет. Работодатели также указывают на низкий уровень независимости: половина опрошенных не удовлетворены уровнем квалификации. Многие работодатели считают, что уровень квалификации выпускников 2021 года в целом ниже, чем у выпускников тремя или десятью годами ранее. Кроме того, 84% работодателей считают, что выпускники этого года нуждаются в дальнейшем обучении. Огромное количество университетов ежегодно выпускает множество молодых специалистов, которым приходится конкурировать за ограниченное количество рабочих мест. Неспособность конкурировать на рынке труда, отсутствие возможности удовлетворить все требования работодателя в области образования играют негативную роль в процессе трудоустройства.

Подводя итог вышесказанному, кадровый маркетинг можно определить как особо ответственную часть кадрового менеджмента, представляющую собой вид управленческой деятельности, которая ориентирована на повышение имиджа организации, её конкурентоспособности и привлекательности на рынке трудовых ресурсов [6]. Если компания имеет собственный имидж, сотрудники при приеме на работу не имеют повышенных ожиданий, они понимают, на что могут рассчитывать на выбранном рабочем месте. Чем ниже уровень обманутых и нереализованных ожиданий, тем ниже уровень неудовлетворенности сотрудников и текучести кадров.

Таким образом, макроэкономический кадровый маркетинг – это маркетинг особого рода целевых услуг. Залогом успешного управления персоналом является четкая самоидентификация компании на рынке маркетинговых услуг, эффективная деятельность менеджмента и умелое сочетание административных, экономических и социально-психологических методов осуществления управленческой деятельности.

Список источников

1. Воронина А.В. Компетентностный подход к трансформации содержания трудового потенциала персонала организации // Научный цитируемый журнал KANT. 2016. №1 (18) С. 92-98
2. Воронина А.В., Шевченко М.В. Менеджмент связей с общественностью в условиях функционирования стейкхолдеров // Научный цитируемый журнал KANT. 2022. № 1 (42). С. 77-83.
3. Гончарова С.Н. Организационно-экономические инструменты управления трудовыми ресурсами / К.Г. Абазиева, А.В. Воронина, М.А. Дмитриева, М.В. Шевченко. Моск. ун-т им. С.Ю. Витте; ф-л Моск. ун-та им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону. – М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. 206 с.
4. Григорян В. Р., Айдинян К. Ф. Диспропорции на рынке труда при замещении вакантных мест // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Седьмой международной научно-практической конференции (11–12 ноября 2022 г.) / редкол.: А. Н. Гуда (пред.) [и др.]; ФГБОУ ВО РГУПС. Ростов н/Д, 2022. С. 147-151
5. Кузьминов А.Н., Воронина А.В., Косенко А.В. Трансформация парадигмы подготовки кадров с позиций системной динамики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 10 (149). С.14-18
6. Сорокина, О.Г. Формирование маркетинга персонала в инновационно-активных корпорациях // Успехи современной науки и образования, научный журнал. 2017. №4 Т.6. С. 76-80.
7. Электронная библиотека: журнал «Образование в цифрах» // URL https://issek.hse.ru/

References

1. Voronina A.V. Competence-based approach to the transformation of the content of the labor potential of the organization's personnel. *Scientific cited journal KANT*. 2016. No. 1 (18): 92-98. (In Russ.)
2. Voronina A.V., Shevchenko M.V. Public relations management in the context of the functioning of stakeholders. *Scientific cited journal KANT*. 2022. No. 1 (42): 77-83. (In Russ.)
3. Goncharova S.N. Organizational and economic instruments of human resources management / K.G. Abazieva, A.V. Voronina, M.A. Dmitrieva, M.V. Shevchenko. Moscow. un-t named after S.Y. Witte; f-l Moscow. S.Yu. Witte University in Rostov-on-Don. M., 2017. 206 p. (In Russ.)
4. Grigoryan V. R., Aydinyan K. F. Disproportions in the labor market when filling vacancies // State, municipal and corporate governance: theory and best practices: materials of the Seventh International Scientific and Practical Conference (November 11-12, 2022) / Editorial board: A. N. Guda (prev.) [and others]; FGBOU IN RGUPS. Rostov n/A, 2022. pp. 147-151. (In Russ.)
5. Kuzminov A.N., Voronina A.V., Kosenko A.V. Transformation of the training paradigm from the standpoint of system dynamics. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No. 10 (149):14-18. (In Russ.)
6. Sorokina, O.G. Formation of personnel marketing in innovation-active corporations. *Successes of modern science and education.* 2017. No.4. Vol.6: 76-80. (In Russ.)
7. Education in numbers. URL https://issek.hse.ru/(In Russ.)

Информация об авторе: О.Г. Сорокина – кандидат экономических наук, доцент
Information about the author: O.G. Sorokina - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 9.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 9.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Финансы

Научная статья
УДК 336

Оценка эффективности финансовой модели бизнеса в условиях трансформации экономики

© И.Н. Белозубов, Д.И. Дынник, 2023

Игорь Николаевич Белозубов [1], Дмитрий Игоревич Дынник [2]
[1,2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. iubip502@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены практические рекомендации по повышению эффективности финансовой модели бизнеса в условиях трансформации экономики. Проведен комплексный анализ предприятия, и произведена оценка эффективности финансового механизма с применением инструментария нечеткой логики, который позволил сделать объективные выводы по объекту исследования. Достоинством исследования является то, что полученные результаты и проектные решения применимы в практике.

Ключевые слова: цифровая экономика, финансы предприятий, финансовый механизм, эффективность, модель, мягкие методы исследования, трансформация процессов, проектные решения

Для цитирования: Белозубов И.Н., Дынник Д.И. Оценка эффективности финансовой модели бизнеса в условиях трансформации экономики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С.22-27

Original article

Evaluation of the effectiveness of the financial business model in the context of economic transformation

© I.N. Belozubov, D.I. Dynnik, 2023

Igor N. Belozubov[1], Dmitry I. Dynnik[2]
[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. iubip502@yandex.ru

Abstract: The article presents practical recommendations for improving the efficiency of the financial business model in the context of economic transformation. A comprehensive analysis of the enterprise is carried out and the effectiveness of the financial mechanism is assessed using fuzzy logic tools, which allows for drawing objective conclusions on the object of the study. The advantage of the study is that its results and solutions are applicable in practice.

Keywords: digital economy, enterprise finance, financial mechanism, efficiency, model, soft research methods, process transformation, design solutions

For citation: Belozubov I.N., Dynnik D.I. Evaluation of the effectiveness of the financial business model in the context of economic transformation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 22-27 (In Russ.)

В настоящее время существует проблема в определении оценки эффективности финансовой модели бизнеса в условиях трансформации экономики. Существует различные инструменты и методы проведения оценки эффективности. Но они не учитывают настоящие процессы, которые проводятся в настоящее время. Конечно же, они являются универсальными, но в период трансформации и ведения санкционных войн необходимо прибегать к современным инструментам проведения оценки эффективности финансовой модели бизнеса, которые бы учитывали специфику деятельности предприятия [1]. На рисунке 1 представлены особенности управления финансами в условиях трансформации.

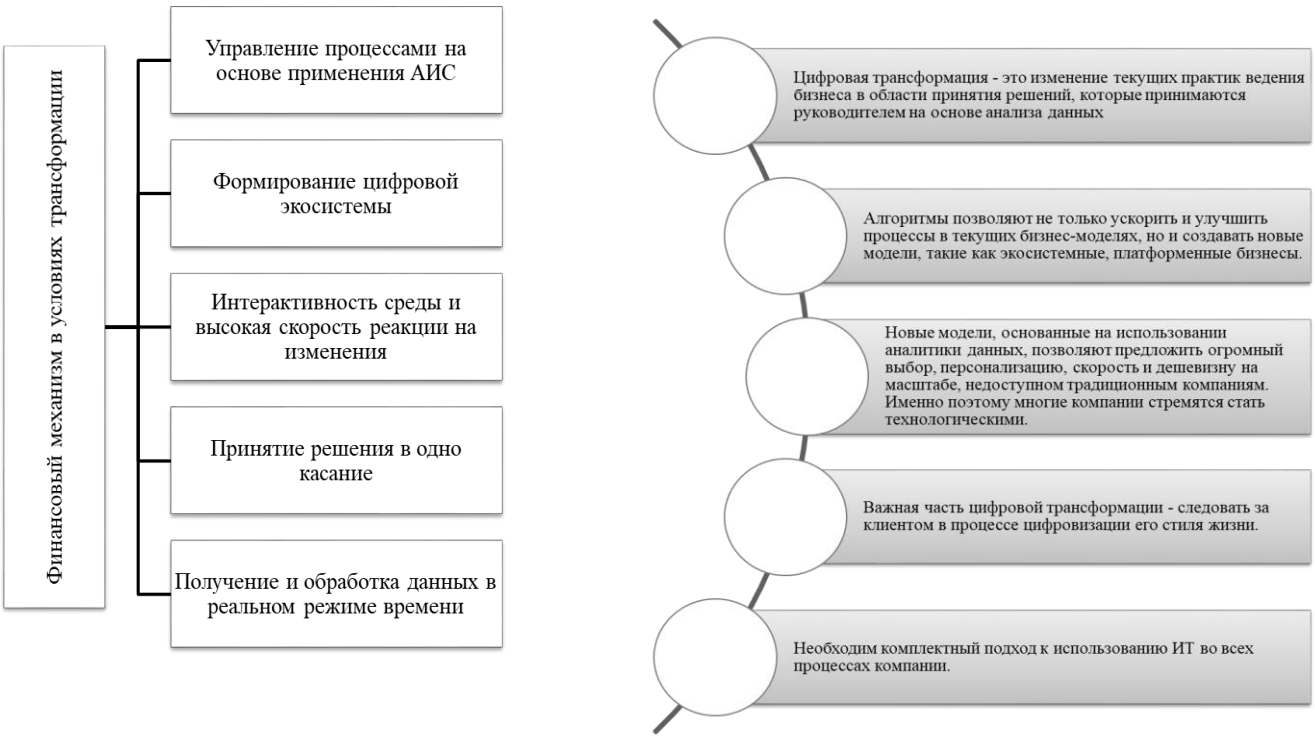

Рисунок 1. Особенности управления финансами бизнеса в условиях трансформации в экономике

Далее представлены результаты оценки финансовой модели бизнеса в условиях трансформации экономических процессов (таблица 1).

Таблица 1. Анализ финансовых результатов ООО «Гедион Альфа»

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год	Изменение показателя, в тыс. рублей	Среднегодовая величина, тыс. рублей
1. Выручка	36 148	15 385	27 137	(9 011)	26 223
2. Себестоимость	34 107	15 667	27 330	(6 777)	25 701
3. Прибыль (убыток) от продаж	2 041	(282)	(193)	(2 234)	522
4. Прочие доходы и расходы,	(198)	284	294	492	127
5. *Прибыль до уплаты процентов и налогов*	1 843	2	101	1 742	649
6. Налог на прибыль, изменение налоговых активов	(339)	(221)	(20)	319	(193)
7. Чистая прибыль (убыток)	1 504	(219)	81	(1 423)	455

На конец 2022 года объем выручки составил 27 137 тыс. рублей. За весь анализируемый период выручка снизилась на 9 011 тыс. рублей, или на 24,9%. В последнем году убыток от продаж составил 193 тыс. рублей. Это меньше, чем в 2021 году, когда убыток составлял более 280,0 тыс. рублей. Изменение финансового результата от продаж в течение анализируемого периода составило -2 234 тыс. руб. На рисунке 2 представлены наглядно динамика показателей рентабельности предприятия.

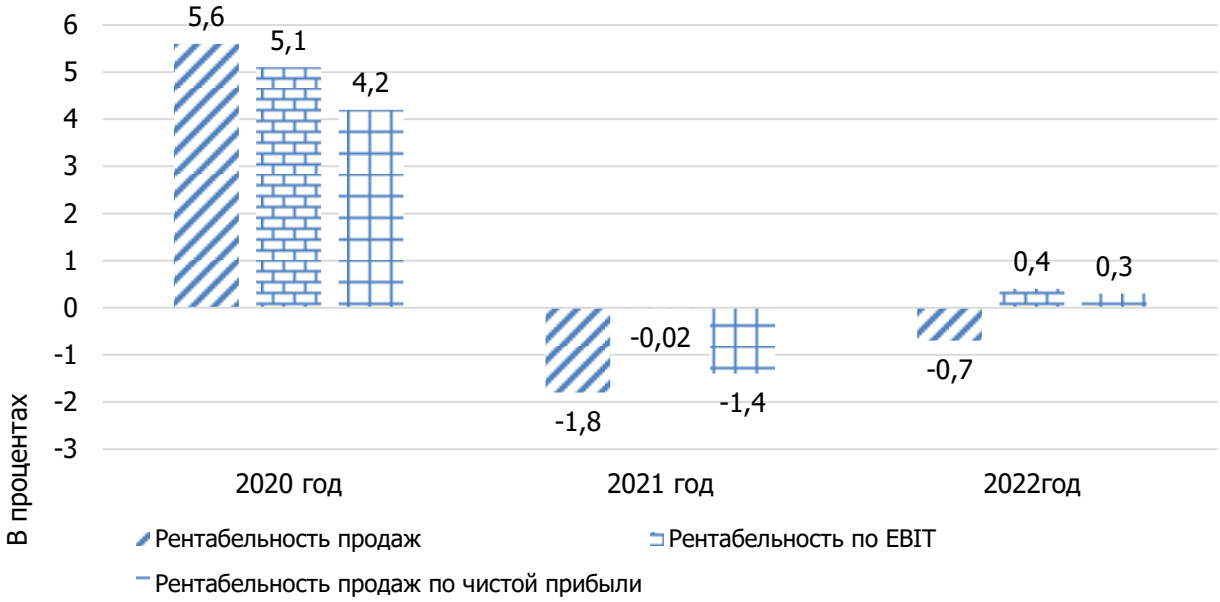

Рисунок 2. Динамика показателей рентабельности

Полученные финансовые результаты повлияли на все виды рентабельности деятельности бизнеса. Убыток от продаж в анализируемом периоде составляет -0,7% от полученной выручки. При этом имеет место отрицательная динамика рентабельности обычных видов деятельности по сравнению с данным показателем за 2020 год. Рентабельность, рассчитанная как отношение прибыли до налогообложения и процентных расходов к выручке организации, за 2022 год составила 0,4%. Это значит, что в каждом рубле выручки содержалось 0,4 копейки прибыли до налогообложения и процентов к уплате.

Для проведения комплексной оценки эффективности финансовой модели бизнеса необходимо достичь соразмерности индикаторов модели [2], включая и качественные параметры [3]. Существует противники идеи в применении в оценке качественных характеристик, так как набор индикаторов и их оценку осуществляют эксперты, в основном внешние и не заинтересованные в деятельности предприятия [4]. Считаем, что подобный вид показателей необходимо учитывать, а проводить их оценку лучше с помощью искусственного интеллекта или с применением «мягких моделей» вычислений, построенных на базе нечеткой логики (таблица 2).

Таблица 2. Расчетная форма оценки эффективности финансовой модели

Код	Наименование	Значения показателя		Относительная величина	
		2020 год	2022 год	2020 год	2022 год
X1	Чистые активы, в тыс. рублей	10491,0	10398,0	1,00	0,99
X2	Чистая прибыль, в тыс. рублей	1504,0	81,0	1,90	0,10
X3	Себестоимость, в тыс. рублей	34107,0	27330,0	1,11	0,89
X4	Выручка, в тыс. рублей	36148,0	27137,0	1,14	0,85
X5	Рентабельность продаж по чистой прибыли	4,2	0,3	4,2	0,3
X6	Коэффициент абсолютной ликвидности	2,49	0,8	2,49	0,8
X7	Коэффициент автономии	0,6	0,35	0,60	0,35
X8	Коэффициент финансового левериджа	0,3	1,18	0,30	1,18
X9	Коэффициент обеспеченности СОС	0,5	0,3	0,50	0,30
X10	Коэффициент обеспеченности запасов	2,88	1,83	2,88	1,83
Значение комплексной оценки эффективности				16,12	7,59

После перевода показателей в единую систему измерения (относительную) можно оценить эффективность. Следует отметить, что перечень показателей, который представлен в таблице, не является постоянными и может видоизменяться на усмотрение эксперта, проводящего оценку [5]. На рисунке 3 представлен финансовый профиль бизнеса. Как видно на рисунке, положение предприятия изменилось на конец анализируемого периода. Все показатели снизились. По итогам 2020 года можно

сказать, что предприятие находилось практически в оптимальных границах. Для повышения эффективности финансовой модели необходимо провести ряд мероприятий, направленных стабилизацию ситуации (рисунок 4).

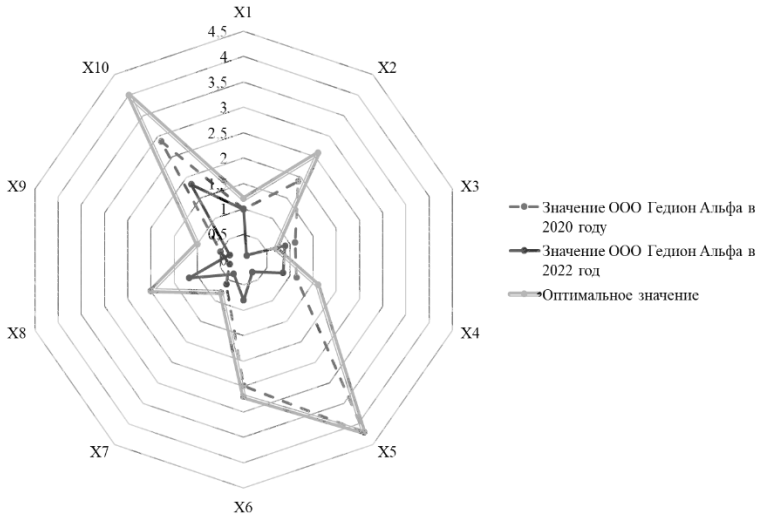

Рисунок 3. Финансовый профиль бизнеса

Рисунок 4. Предлагаемые проектные решения по повышению эффективности финансовой модели бизнеса

Одно из направлений – это снижение дебиторской задолженности и погашение кредиторской задолженности перед кредиторами [6]. Изменение системы управления задолженности приведет к снижению срока оборачиваемости дебиторской задолженности, снижению уровня задолженности, повышению финансовой устойчивости организации. При реализации данного мероприятия руководству предприятия необходимо пересмотреть систему управления дебиторской задолженностью. При снижении дебиторской задолженности в плановом периоде у предприятия появляется возможность уменьшить свою задолженность перед поставщиками сырья и расходных материалов [7].

При внедрении новых условий предоставления коммерческого кредита у предприятия появляется возможность быстрей вернуть денежные средства в оборот, а в случае нарушения клиентом сроков – начисление штрафа, что является дополнительным источником дохода и покрывают инфляционные процессы в экономике [8]. Разработанная система начисления процентов за отсрочку платежа и скидок при досрочном погашении коммерческого кредита для ООО «Гедион Альфа» поможет усилить контроль в управлении капиталом на предприятии. Следует отметить, что предприятие за это время

получит оплату за продукцию доход в качестве процентного. При нарушении сроков клиентом для ООО «Гедион Альфа» предлагается установить дополнительный процент за отсрочку платежа. Эта мера позволит сохранить покупательскую способность затраченных ресурсов предприятия.

В период трансформации экономики особое внимание нужно обратить на применение организацией современных программных продуктов по эффективному управлению финансами предприятия. В настоящее время на информационном рынке представлено множество продуктов. Выбор нужно осуществлять с учетом специфики деятельности компании, родом ее деятельности и возможности. Применение цифровых технологий в управлении предприятием помогает оптимизировать бизнес-процесс, провести всесторонний финансовый мониторинг и контроль за использованием финансовых ресурсов в реальном времени, а также сократить трудозатраты на проведение такого рода операций.

Компания является участником контрактной системы, а именно исполнителем по государственным и муниципальным заказам. Для повышения финансовой устойчивости предприятия и выхода из кризисных ситуаций можно предложить руководству предприятия расширить круг клиентов за счет регистрации на региональных порталах закупок малого объема (закупки у единственного поставщика). Это позволит расширить список надежных заказчиков. В настоящее время на территории Российской Федерации активно проводится политика импортозамещения иностранной продукции. Учитывая товарную номенклатуру предприятия, есть все шансы занять свою нишу на новом рынке. Исходя из анализа потребности государственных и муниципальных заказчиков и их подведомственных организаций (размещение закупок на порталах малого объема) суммарный объем размещенных закупок в 2022 году составляет 27 459,9 тыс. рублей. Конечно же, предприятие не сможет заключить контракт по данной цене, так как данный вид закупки относится к конкурентным способам, хотя и является закупкой у единственного поставщика. Но у предприятие есть преимущество в том, что оно является производителем и может скинуть до 20% цену от начальной (максимальной) цены контракта.

В заключении отметим, что применение современных инструментов необходимо для проведения объективной, всесторонней оценки эффективности финансовой модели бизнеса. Получив такие данные, можно приступать к разработке и выработке проектных решений для изменения ситуации или корректировки финансовой стратегии бизнеса в условиях трансформации экономики.

Список источников

1. Брюханова Н.В. Проблема выбора специального налогового режима для субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляющих электронную торговлю // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2018. Т. 4. № 1. С. 7-15.
2. Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Моделирование региональной регулирующей системы // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: материалы XV Международной научно-практической конференции, Липецк, 21 апреля 2021 года. Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг "НАУКА-ЮНИПРЕСС", 2021. С. 367-370.
3. Григорьева Н.С., Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Оценка системы управления финансами предприятия в условиях экономической нестабильности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4(143). С. 36-43.
4. Григорьева Н.С., Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Корректировка сбытовой стратегии предприятия в условиях цифровых преобразований // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 6(145). С. 22-29.
5. Григорьева Н.С., Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Внедрение крауд-технологий в систему финансирования проектов территориального развития муниципального образования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6(133). С. 28-33.
6. Печева Ю.Н., Тараев Д.И. Управление задолженностью организации: практика российских компаний // Транспорт и логистика: актуальные проблемы стратегического развития и оперативного управления: VI международная научно-практическая конференция, Ростов-на-Дону, 04–05 февраля 2022 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 163-165.
7. Лобас Ю.Н., Тараев Д.И. Выбор методики анализа дебиторской и кредиторской задолженности для обеспечения эффективного финансового менеджмента // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: Материалы Шестой Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 ноября – 13 2021 года / Редколлегия: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]. Ростов-на-Дону, 2021. С. 199-203.
8. Лобас Ю.Н. Статистика как база развития экономического потенциала общества //

Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина: Материалы Второй Всероссийской национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12–13 декабря 2019 года. Ростов-на-Дону, 2019. С. 200-202.

References

1. Bryukhanov N.V. The problem of choosing a special tax regime for small and medium-sized businesses engaged in electronic commerce. *Intellectual resources for regional development.* 2018. V. 4. No. 1: 7-15 (In Russ.)

2. Bryukhanova N.V., Dynnik D.I. Modeling the regional regulatory system // Digital transformations in the development of the economy and society: materials of the XV International scientific and practical conference, Lipetsk, April 21, 2021. Voronezh: Autonomous non-profit organization for the provision of publishing and printing services "NAUKA-UNIPRESS", 2021. P. 367-370 (In Russ.)

3. Grigorieva N. S., Bryukhanova N. V., Dynnik D. I., Evaluation of the financial management system of an enterprise in conditions of economic instability. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No. 4 (143):36-43 (In Russ.)

4. Grigorieva N. S., Bryukhanova N. V., Dynnik D. I. Adjustment of the marketing strategy of an enterprise in the context of digital transformations. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No. 6(145):22-29 (In Russ.)

5. N. S. Grigor'eva, N. V. Bryukhanova, and D. I. Dynnik, Russ. Implementation of crowd technologies in the system of financing projects for the territorial development of a municipality. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2021. No. 6(133): 28-33 (In Russ.)

6. Pecheva Yu.N., Taraev D.I. Debt management of an organization: the practice of Russian companies. *Transport and logistics: actual problems of strategic development and operational management*: VI international scientific and practical conference, Rostov-on-Don, February 04–05, 2022. Rostov-on-Don, 2022. P. 163-165 (In Russ.)

7. Lobas Yu.N., Taraev D.I. Choosing a methodology for analyzing receivables and payables to ensure effective financial management. *State, municipal and corporate management: theory and best practices*: Proceedings of the Sixth International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, November 12 - 13, 2021 / Editorial Board: A .N. Gooda (prev.) [and others]. Rostov-on-Don, 2021. P. 199-203 (In Russ.)

8. Lobas Yu.N. Statistics as a basis for the development of the economic potential of society. The Constitution of the Russian Federation as a guarantor of the rights and freedoms of man and citizen: Proceedings of the Second All-Russian National Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, December 12–13, 2019. Rostov-on-Don, 2019. P. 200-202 (In Russ.)

Информация об авторах

И.Н. Белозубов – ассистент учебно-научного центра Южно-Российского института управления – филиал РАНХИГС при Президенте Российской Федерации, директор по стратегическому развитию ООО «ЮгРостмед»
Д.И. Дынник – старший преподаватель

Information about the authors

I.N. Belozubov – Assistant of the educational and scientific center of the South Russian Institute of Management - a branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, director for strategic development of YugRostmed LLC
DI. Dynnik – Senior Lecturer

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023; одобрена после рецензирования 18.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 21.01.2023; approved after reviewing 18.02.2023; accepted for publication 28.02.2023

Научная статья
УДК 338.2

Особенности финансовой оценки эффективности деятельности предприятий общественного питания

© С.Н. Гончарова, Е.Е. Оксенюк, 2023

Гончарова Светлана Николаевна[1], Оксенюк Елена Евгеньевна[2]
[1]филиал Московского университета имени С.Ю. Витте, г.Ростов-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. pogojeva-sng@mail.ru
[2]Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия. elena32roz@mail.ru

Аннотация: Так как деятельность предприятий общественного питания основывается не только на решении экономических, но и социальных задач, направленных на удовлетворение потребителей, финансовый менеджмент организаций индустрии общественного питания сталкивается с необходимостью постоянного мониторинга и анализа не только общих финансовых показателей по предприятию в целом, но и ряда специальных. При этом в научных исследованиях области общественного питания основное внимания уделяется технологии производства продукции, в то время как вопросы финансовой оценки эффективности деятельности предприятий общественного питания, с учетом специфики их функционирования, остаются малоизученными.

Ключевые слова: эффективность, предприятия общественного питания, показатели KPI, ключевые показатели эффективности, финансовая оценка и анализ эффективности деятельности предприятий общественного питания.

Для цитирования: Гончарова С.Н., Оксенюк Е.Е. Особенности финансовой оценки эффективности деятельности предприятий общественного питания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С.28-33

Original article

Features of the financial assessment of the effectiveness of public catering enterprises

Svetlana N. Goncharova [1], Elena E. Oksenyuk [2]
[1]Moscow Witte University, branch on Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. pogojeva-sng@mail.ru
[2]Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. elena32roz@mail.ru

Abstract: Since the activity of catering enterprises is based not only on solving economic, but also social problems aimed at satisfying consumers, the financial management of organizations in the catering industry is faced with the need for constant monitoring and analysis of not only the general financial indicators for the enterprise as a whole, but also a number of special. At the same time, in scientific research in the field of public catering, the main attention is paid to the technology of production, while the issues of financial assessment of the effectiveness of public catering enterprises, taking into account the specifics of their functioning, remain poorly understood.

Keywords: efficiency, public catering enterprises, KPI indicators, key performance indicators, financial evaluation and analysis of the effectiveness of catering enterprises

For citation: Goncharova S.N., Oksenyuk E.E. Features of the financial assessment of the effectiveness of public catering enterprises. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023 No. 3 (154):28-33 (In Russ.)

Эффективность деятельности организации представляет собой совокупный показатель, отражающий соотношение между результатами хозяйственной деятельности предприятия и затратами, необходимыми для успешного функционирования организации.

В целом, с точки зрения отечественных ученых-экономистов, финансовая оценка эффективности организаций, относящихся к сфере общественного питания, сводится к следующим стадиям (рисунок 1).

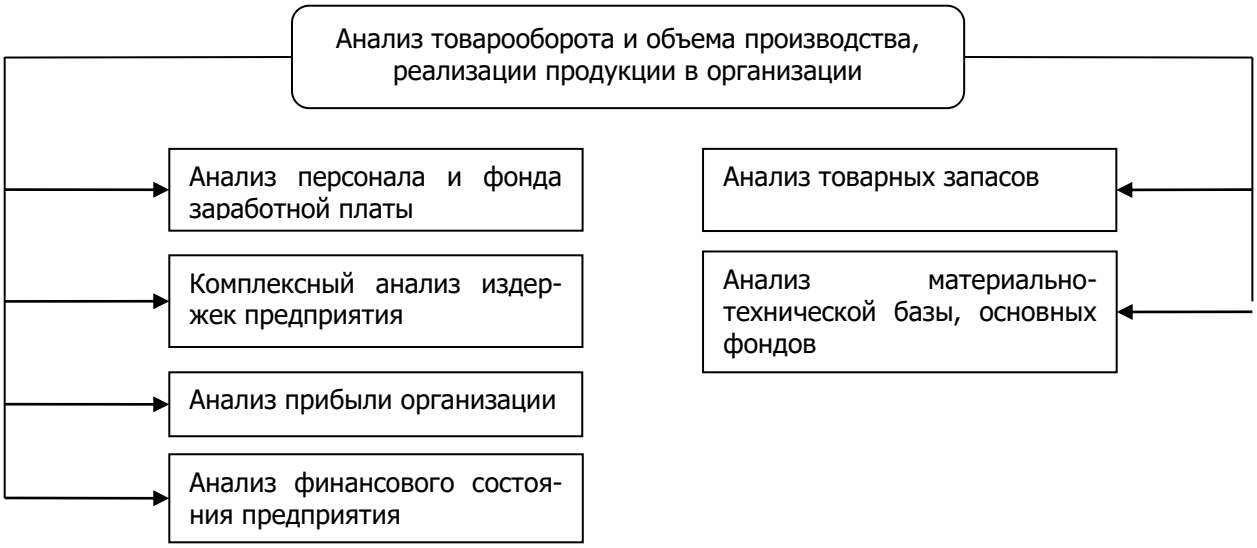

Рисунок 1. Основные стадии финансовой оценки эффективности предприятий общественного питания

Товарооборот общественного питания подразделяется на три категории:

– розничный товарооборот, подразумевающий в своем составе реализацию продукции собственного производства, а также продукцию, выставляющуюся на продажу непосредственно в залах заведения;

– оптовый товарооборот, в состав которого включен отпуск кулинарной продукции, кондитерских изделий, полуфабрикатов, предназначенных для последующей их доработки и реализации организациями, занимающимися розничной торговлей;

– совокупный (общий) товарооборот как сумма розничного и оптового товарооборотов от реализации продукции собственного производства и оборота от реализации покупных товаров.

Анализ товарооборота в организациях, относящихся к сфере общественного питания, разбивается на ряд этапов, а именно: процесс подготовки исходных данных; изучение динамики товарооборота за установленный период времени в действующих и сопоставимых ценах, исследование степени выполнения плана и динамики товарооборота по составу, формам продажи и местам реализации; оценка ритмичности, равномерности и сезонности товарооборота; оценка влияния факторов на выполнение плана и динамику товарооборота [4].

Анализ производства и реализации собственной продукции заключается в разработке (и последующем изучении) организацией производственной программы – то есть, годового плана выпуска всех видов продукции собственного производства. В процессе анализа исследуются натуральные показатели выпуска готовых блюд, полуфабрикатов, мясных, кулинарных, а также кондитерских изделий. Анализ проводится в натуральных (например, в штуках, килограммах, тоннах) и в стоимостных показателях (реализованная, товарная или валовая продукция).

Анализ товарных запасов сводится к сравнению фактических значений товарных запасов с плановыми и определению их отклонений от установленных показателей; расчету оборачиваемости по товарным группам и по организации в целом; исследованию структуры товарных запасов (в том числе, выявлению групп товаров с наибольшим удельном весом в общем объеме на предприятии).

Анализ материально-технической базы основан на изучении эффективности использования основных фондов предприятия, измерение которой проводится посредством коэффициентов, в числе которых фондоотдача, фондоемкость, рентабельность, а также частные показатели, характеризующие эффективность использования отдельных видов основных средств (например, машин, оборудования). Анализ персонала и фонда заработной платы заключается в исследовании состава и структуры кадровой составляющей организации и эффективности ее использования; изучении фонда рабочего времени; оценке составляющей, динамики, эффективности фонда заработной платы; анализе социальной защищенности работников предприятия [7].

Комплексный анализ издержек предприятия, относящегося к сфере общественного питания, базируется на определении отклонений фактического уровня расходов организации от планового и от соответствующего показателя предшествующего периода, а также на выявлении причин этих несоответствий [5]. К тому же важно понимать, что предприятия общественного питания имеют специфические статьи расходов, такие как, например, потери от боя и износа посуды, списание спецодежды, полотенец и иного столового белья, которые также необходимо включать в анализ издержек.

Анализ прибыли организации заключается в следующих этапах: изучение динамики прибыли в целом и по отдельным ее видам на предприятии с учетом временного фактора; исследование структуры прибыли от продаж; анализ факторов, оказывающих влияние на формирование прибыли фирмы; оценка распределения и использования чистой прибыли, а также разработка возможных мер по ее увеличению [2].

Анализ финансового состояния организации основывается на исследовании данных ее финансовой отчетности с целью определения уровня обеспеченности предприятия финансовыми ресурсами, целесообразностью и эффективностью их размещения и потребления, диагностике платежеспособности фирмы и оценке ее взаимоотношений с партнерскими организациями.

Изучив литературу по данной тематике, справедливо отметить, что в настоящее время не существует единой, принятой всеми методики финансовой оценки эффективности предприятий общественного питания – причем, как в экономическом, так и в социальном отношении. Вследствие этого многие организации, относящиеся к этой сфере, вынуждены субъективно проводить оценку собственной эффективности. Значит, необходимо разработать такую систему показателей, которая будет основываться на общепринятой методологии с учетом специфики выбранной отрасли.

В процессе проведения анализа деятельности предприятия, относящегося к сфере общественного питания, показатели эффективности справедливо разделить на две категории: экономические и неэкономические [6].

При этом показатели, использующиеся во время финансового анализа эффективности, должны соответствовать определенным критериям:

– информативность. То есть, каждый отдельно взятый показатель должен отображать конкретные, наиболее значимые стороны деятельности организации. Таким образом, не вся информация, имеющаяся в распоряжении аналитика и освещающая отдельные аспекты функционирования компании, может считаться показателем.

– измеримость. Другими словами, используемые показатели должны быть представлены в количественном выражении. Однако в случае изучения неэкономических показателей возникает определенная сложность: так, уровень обслуживания гостей в ресторане можно оценить по количеству постоянных гостей, по количеству положительных отзывов, по количеству чаевых, полученных работниками за смену, а также по позициям в различных рейтингах заведений общественного питания. Посредством измеримости полученную информацию можно сопоставлять не только со сторонними предприятиями, но и с динамикой развития внутри самой организации.

– характерность. В процессе анализа важно брать во внимание тот факт, что набор основных показателей является индивидуальным, определяемым спецификой организации – например, у ресторанов быстрого питания одним из основных показателей эффективности будет скорость обслуживания, а у заведений класса «premium» – качество изготавливаемых блюд и уровень сервиса.

– логичность. Иными словами, каждый из показателей должен быть простым как в исчислении, так и в понимании экономического смысла.

– соизмеримость. В процессе сравнения эффективности одного ресторана с другим необходимо принимать во внимание их рейтинги, месторасположения, количество посадочных мест, специфику кухни и прочие сопоставимые друг с другом факторы.

– наличие рекомендуемого показателя. Должно быть определено какое-то желаемое значение, по которому было бы допустимо измерять полученный результат.

Данный расчет подразумевает оценку комплексной эффективности деятельности всего предприятия в целом, в связи с этим появляется необходимость расчета системы показателей, обеспечивающих диагностику текущего состояния организации и системы ключевых показателей эффективности деятельности.

Система ключевых показателей эффективности деятельности предприятий общественного питания (KPI) представляет собой систему оценочных мер, направленных на анализ результативности стратегических и операционных целей предприятия, выработку действий для реализации основной стратегии прогресса организации. Другими словами, данная система показателей способна перестраивать основную стратегическую цель фирмы в текущие краткосрочные задачи, которые являются понятными не только для управляющего персонала, но и для всех сотрудников в целом [1].

Процесс внедрения на предприятии системы ключевых показателей эффективности состоит из нескольких стадий; они представлены на рисунке 2.

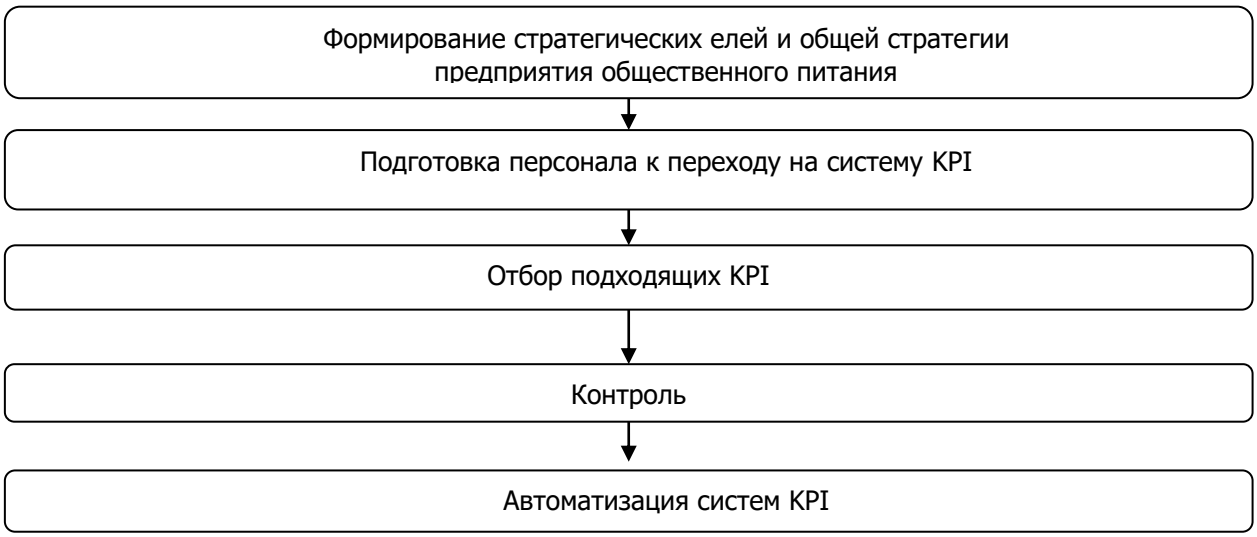

Рисунок 2. Стадии внедрения системы KPI на предприятии общественного питания

Первая стадия подразумевает под собой определение желаемых целей компании; для ресторана они могут быть следующими: обеспечение определенного уровня заполняемости ресторана в течение рабочего дня, ежемесячное увеличение количества постоянных гостей на установленный процент по сравнению с предыдущим периодом, выход на международный рынок до конца текущего года и т.д. Выбранные цели затем следует разделить на приоритетные и неприоритетные, в зависимости от желаемой очередности их достижения. Также необходимо продумать стратегию предприятия: она должна содержать информацию о необходимых действиях, требующихся для достижения выбранных целей фирмы [3].

В течение второй стадии важно провести подготовительную работу с сотрудниками с целью разъяснения обоснованности перехода на данное новшество, ознакомления с системой мотивационных надбавок, ответа на появившиеся вопросы. Невозможно добиться хороших показателей эффективности при переходе на KPI, если работники организации находятся в неведении касательно необходимости подобных нововведений или же и вовсе отрицают их.

На третьей стадии производится выбор подходящих KPI. На данном этапе крайне важна разработка грамотных формул: показателидолжны быть с реально достижимыми для сотрудников плановыми значениями. Если система ключевых показателей была внедрена правильно, то ключевые показатели работников предприятия должны возрасти – это объясняется тем, что каждый из них будет прослеживать существующую взаимозависимость между этими значениями и собственным размером заработной платы.

Четвертая стадия заключается в оценке эффективности работы персонала, контроле отобранных показателей эффективности. При действующей на предприятии системе KPI подразумевается учет конкретных полученных значений, таких как средний чек, выработка на повара в час, средняя выручка на администратора за смену.

Пятый этап подразумевает необходимость автоматизации процесса учета показателей – например, посредством специального программного обеспечения, способного сводить данные о плановых и фактических показателях ключевой эффективности в единую базу для последующей обработки; определять размер денежного поощрения персонала; автоматически формировать отчетность, отражающую эффективность отдельных работников, структурных подразделений [8].

Основные преимущества использования на предприятии системы KPI следующие:

- мотивация сотрудников;
- трансляция приоритетов и задач организации;
- мониторинг эффективности работы компании;
- оптимальное использование фонда оплаты труда.

К недостаткам данной системы относятся:

- интерпретация итогов оценки не всегда является корректной;
- требующиеся большие временные финансовые, трудовые, затраты на внедрение системы KPI.

Список источников

1. Ансари М., Воронина А.В., Айдинян К.Ф. Стратегия развития коммерческой деятельности организации // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Шестой Международной научно-практической конференции. Редколлегия: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]. Ростов-на-Дону, 2021. С. 153-157.

2. Воронина А.В. Инструментарий интегральной оценки предприятий региона как информационный ресурс принятия стратегических решений // Пространственное развитие российской федерации: современные тенденции и вызовы: материалы всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.В. Семенова, Л.Г. Руденко, Н.Н. Егоровой. Москва, 2021. С. 224-231.

3. Гончарова С.Н. Выбор стратегии в условиях конкуренции и факторы получения конкурентных преимуществ в современном мире // Наукосфера. 2022. № 2-2. С. 157-161.

4. Гончарова С.Н. Методика оценки эффективности и эргономичности системы менеджмента предприятия / С.Н. Гончарова, В.А. Долятовский, Н.Н. Филин, Р.М. Булатова // Теория и практика менеджмента: состояние и перспективы: Сборник материалов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, Ростов-на-Дону, 09 ноября 2021 года / Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Ростов-на-Дону: Изд-во АкадемЛитТМ, 2022. С. 34-37.

5. Кокшаров, С.П. Основные элементы стратегического планирования / С.П. Кокшаров, А.Е. Козубня, С.Н. Гончарова // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник научных статей 12-й Международной научно-практической конференции, Курск, 17–18 ноября 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 217-219.

6. Эванс Н.Н., Охотников А.В., Воронина А.В. Оценка социально-экономической результативности деятельности субъектов хозяйствования в регионе // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Шестой Международной научно-практической конференции. Редколлегия: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]. Ростов-на-Дону, 2021. – С. 249-253.

7. Accounting and Analytical Support for the Development of Foreign Trade / O. V. Elchaninova, L. G. Ripoll-Saragosi, I. A. Polyakova [et al.] // The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Vol. 205, Volume 1. – Heidelberg: Springer International Publishing, 2021. P. 665-673. DOI 10.1007/978-3-030-73097-0_75.

8. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development / A. V. Popov, A. V. Rachipa, K. G. Abazieva [et al.] // RevistaInclusiones. 2019. Vol. 6. No 2. P. 215-224.

References

1. Ansari M., Voronina A.V., Aidinyan K.F. Strategy for the development of commercial activities of the organization. *State, municipal and corporate management: theory and best practices*. Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference. Editorial Board: A.N. Gooda (prev.) [and others]. Rostov-on-Don, 2021, pp. 153-157. (In Russ.)

2. Voronina A.V. Integrated assessment tools for regional enterprises as an information resource for strategic decision-making. *Spatial development of the Russian Federation: modern trends and challenges.* Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Edited by A.V. Semenova, L.G. Rudenko, N.N. Egorova. – Moscow, 2021, pp. 224-231. (In Russ.)

3. Goncharova S. N., Dolyatovsky V. A., Filin N. N., Bulatova R. M. Methods for assessing the effectiveness and ergonomics of the enterprise management system. *Theory and practice of management: state and prospects*: Collection of materials of the international scientific and practical conference of faculty, young scientists and students, Rostov-on-Don, November 09, 2021 / Rostov State University of Economics (RINH). Rostov-on-Don: AcademLitTM Publishing House, 2022. P. 34-37. (In Russ.)

4. Goncharova S. N. Choice of strategy in a competitive environment and factors for obtaining competitive advantages in the modern world // Naukosphere. 2022. No. 2-2. P. 157-161. (In Russ.)

5. Koksharov, S. P. Basic elements of strategic planning / S. P. Koksharov, A. E. Kozubnya, S. N. Goncharova. *Strategy of socio-economic development of society: managerial, legal, economic aspects:* collection of scientific articles 12 th International Scientific and Practical Conference, Kursk, November 17–18, 2022. - Kursk: Southwestern State University, 2022. P. 217-219. (In Russ.)

6. Evans N.N., Okhotnikov A.V., Voronina A.V. Assessment of the socio-economic performance of the activities of business subjects in the region. *State, municipal and corporate management: theory and best practices.* Materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference. Editorial Board: A.N. Gooda (prev.) [and others]. Rostov-on-Don, 2021, pp. 249-253. (In Russ.)

7. Accounting and Analytical Support for the Development of Foreign Trade / O. V. Elchaninova, L. G. Ripoll-Saragosi, I. A. Polyakova [et al.]. *The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems*. Vol. 205, Volume 1. Heidelberg, 2021. P. 665-673. DOI 10.1007/978-3-030-73097-0_75.
8. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development / A. V. Popov, A. V. Rachipa, K. G. Abazieva [et al.] // RevistaInclusiones. 2019. Vol. 6. No 2. P. 215-224.

Информация об авторах
С.Н. Гончарова – кандидат экономических наук, доцент
Е.Е. Оксенюк – старший преподаватель
Information about the author
S.N. Goncharova – Candidate of Economics, Associate Professor
E.E. Oksenyuk - Senior Lecturer

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Мировая экономика

Научная статья
УДК 339.923

Преимущества использования формата ЕАЭС для Российской Федерации

© Шпак Т. И., Назаров И. Ф., 2023

Татьяна Ивановна Шпак[1], Илья Федорович Назаров [2]
[1,2] Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская область, Россия
[1] septemberday@ mail.ru
[2] Nazarov.ilya@internet.ru

Аннотация. Для долгосрочного экономического развития российской экономики необходимо достижение качественного и устойчивого экономического роста, поддержание которого в такой сложный период очень сложно из-за меняющихся настроений в мире и растущего числа настроений против страны. Поддержание макроэкономической стабильности и повышение конкурентоспособности экономики являются предпосылками для реализации широкого спектра мер и действий по обеспечению устойчивого развития и интеграции во всех областях развития. В статье рассматривается роль евразийской интеграции в обеспечении статуса сверхдержавы и достижении возможности экономического господства в регионе

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, конкурентоспособность, интеграция, государства-члены

Для цитирования: Шпак Т.И., Назаров И.Ф. Преимущества использования формата ЕАЭС для Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С.33-36

Original article

Advantages of using the EAEU format for the Russian Federation

Tatiana I. Shpak [1], Ilya F. Nazarov[2]
[1,2] Don State Agrarian University, v. Persianovsky, Rostov region, Russia
[1] septemberday@ mail.ru
[2] Nazarov.ilya@internet.ru

Abstract. For the long-term economic development of the Russian economy, it is necessary to achieve high-quality and sustainable economic growth, which is very difficult to maintain in such a difficult period due to changing moods in the world. Maintaining macroeconomic stability and increasing the competitiveness of the economy are prerequisites for the implementation of a wide range of measures and actions

to ensure sustainable development and integration in all areas of development. The article examines the role of Eurasian integration in ensuring the status of a superpower and achieving the possibility of economic domination in the region

Keywords: Eurasian Economic Union, integration, competitiveness, integration, member states.

For citation: Shpak T.I., Nazarov I.F. Advantages of using the EAEU format for the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 33-36 (In Russ.)

Евразийский экономический союз – это территория, составляющая больше 20 млн км квадратных, с населением более 180 млн человек, с богатыми природными ресурсами. Лидирующее положение занимает Россия. Валовый внутренний продукт Евразийского экономического союза превышает два триллиона долларов. Региональная интеграция становится важнейшим транспортным коридором, соединяющим Европу и Азию.

Целью создания ЕАЭС является: многосторонняя модернизация, унификация и повышение конкурентоспособности национальной экономики;

заключение соглашения для стабильного экономического развития государств - членов с целью повышения уровня жизни их населения [2].

Проводятся переговоры о создании зоны свободной торговли с несколькими странами, среди которых Азербайджан, Афганистан, Иран, Сербия, Сингапур, Турция, Израиль, Индия, Пакистан, Китай, Вьетнам. Готовы работать более 50 стран, из которых многие готовы подписать договоры о создании зоны свободной торговли.

Взаимодействие со странами Латинской Америки становятся все более важными. Международный процесс протекает быстрыми темпами, и продукция стран заинтересована в российском рынке. Для развития и повышения качества сотрудничества со странами Карибского бассейна необходимо постепенно устранять инвестиционные барьеры.

Намечены новейшие очертания роли ЕАЭС в международной экономике и торговле. Эфиопия, Венесуэла, несколько стран Карибского объединения (КАРИКОМ) объявили собственный интерес в содействии с Евразийским альянсом, в возможности формировании территорий независимой торговли. Этим создается наличие Объединения в экономике, наружной торговле Африки, Латинской Америки, Карибского района.

Общие бизнес-планы включают области защиты прав покупателей. Россия внедряет запрет на вывоз зерновых, сахара в государства «для укрепления внутреннего рынка», внедрение маркировки продуктов идентификацией.

В целях дальнейшей интеграции национальных транспортных концепций стран ЕАЭС в глобальную транспортную систему и увеличения масштабов торговли рассматривается развитие транспортной инфраструктуры евразийских транспортных коридоров и маршрутов, включая международные перевозки «Восток - Запад» и «Север - Юг»

Государства обмениваются информацией о таможенных декларациях прибывающих лиц и товаров. В промежуток с марта по июнь 2022 года, в соответствии с данными внешнеторговой статистике, а также базы Организации UN Comtrade, отгрузили в Российскую Федерацию товаров на 9,4 миллиарда $, что в 15 % больше, чем за тот же период 2021 года.

Беспрецедентные изменения во внешней среде в результате эскалации экономических санкций сказались на экономике государств-членов, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

В отдельных государствах-членах ЕАЭС внешние и внутренние экономические условия, соответствующие показатели экономической деятельности и существенные изменения в финансово-экономическом регулировании могут быть сопоставлены до определенного момента, что влияет на основные тенденции экономического развития в разных странах. Воздействие санкций на Российскую Федерацию привело к резкому скачку мировой сырьевой и продовольственной инфляции.

В нынешних условиях реализуется функция альянса по стимулированию промышленной кооперации и превращению Евразийского экономического союза в один из независимых технологических центров Евразии [3].

На национальном уровне даже в обстоятельствах масштабных санкций Российская Федерация хранит за собой роль главного драйвера евразийской интеграции [4]. Широко раскрученный в западных медиа тезис о Российской Федерации как «всего лишь 2% мирового ВВП» учитывал количественную сторону проблемы, но не качество этих процентов мировой экономики, которые содержат в себе базовые для интернациональных производственных цепочек элементы.

Российская Федерация остаётся лидером среди мировых фаворитов по изготовлению не только энергоносителей, но и, например, чугуна, стали, минеральных удобрений. Около 70 % российской индустриальной продукции по цене и качеству успешно соперничают на мировых рынках и реализуются на экспорт.

Цифровая интеграция становится важным элементом дальнейшего развития общего рынка ЕАЭС, основанного на принципах свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Институциональная среда для единого цифрового пространства создана [5].

Как демонстрирует практика интеграционного строительства в рамках ЕАЭС, новые инициативы зачастую не сразу поддерживаются всеми государствами «евразийской пятерки». Успешнее выводить на союзный уровень практики, которые доказали свою успешность «на двоих». В данном контексте для Евразийского экономического объединения может быть востребован определенный опыт актуализации Союзного государства за последние годы.

Решение реализовать нереализованные экономические пункты соглашения о Союзном государстве без формирования новых наднациональных политических институтов фактически помогает вывести строительство стран Альянса из состояния летаргии. В настоящее время выполнено около трети программ Союза. Кроме того, были приняты военная доктрина и концепция иммиграционной политики, запущено обязательство по отмене телефонного роуминга между Беларусью и Российской Федерацией и т.д. Торговля энергоносителями между двумя странами была переведена в рубли. Важно, что в условиях кризиса глобальной архитектуры безопасности снизилось недоверие к официальному российско-белорусскому диалогу [5].

Процесс евразийской интеграции изначально был задуман для дальнейшего развития общих научных, технологических и экономических интересов и остается наиболее эффективным средством поддержания долгосрочного суверенитета и безопасности в условиях геополитического шторма. В торгово-экономической сфере был достигнут прогресс в создании и развитии зон свободной торговли с несколькими странами, например с Исламской Республикой Иран и Евразийского экономического союза по созданию зоны свободной торговли.

Основными направлениями работы Евразийского экономического союза в следующем году станут: укрепление сотрудничества с соседними странами; развитие системного диалога с Шанхайской организацией сотрудничества, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, Европейским союзом, БРИКС и другими заинтересованными государствами и объединениями в Центральной Азии и на Ближнем Востоке; реализация экспортных возможностей, в частности путем расширения использования национальных валют при взаимных расчетах. Конечно, ожидается дальнейшее взаимодействие с государствами - наблюдателями ЕАЭС и с Китаем, с Вьетнамом, Сербией, Сингапуром и Ираном.

Приоритеты Евразийского экономического союза на 2023 год включают поиск новых возможностей для бизнеса в условиях меняющейся мировой экономики. Планируя запустить механизм финансирования совместных проектов за счет бюджета, цель состоит в развитии сотрудничества между евразийскими компаниями и создании новых возможностей трудоустройства в странах - союзниках.

Окончательное соглашение "присутствия Ирана в ЕАЭС" и урегулировании формальностей может стать "позитивным фактором, влияющим на совместное сотрудничество". Начата работа по заключению соглашения о свободной торговле с Республикой Индонезия. Развитие сотрудничества с Индонезией важно, страна является основным торговым партнером ЕАЭС в АСЕАН и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом [6].

Могут начаться переговоры по соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Стоит отметить, председательство в Евразийском экономическом союзе Российской Федерации с 1 января 2023. Планируется разработать новый документ стратегического планирования и укрепить технологический суверенитет, включая совместные действия по внедрению информационных технологий и цифровизации.

Вывод. Евразийский экономический союз необходим для России, т.к. позволяет преодолевать экономические проблемы в связи с введением санкций. Страны, решающие проблему "интеграции", являются той самой силой форсирования внешнеполитического сдерживания России. Переход от ресурсной экономики к технологической создает преимущества этого формата для России, поскольку только такая смена экономической парадигмы развития может обеспечить наиболее полное использование Союза. Следовательно, в слоившейся ситуации Евразийский экономический союз предоставляет возможность преодолеть экономический кризис.

Список источников

1. Евразийский экономический союз. Цели и история создания // URL: https://cyclopedia.ifcg.ru/wiki/ (дата обращения: 02.11.2022).
2. Таможенный союз в рамках евразийского экономического сообщества. перспективы развития. Шпак Т.И., Гартованная О.В., Насиров Ю.З., Козликин А.В.В сборнике: Инновационные аспекты технологий производства, экспертизы качества и безопасности сельскохозяйственного сырья и

пищевых продуктов. Материалы международной научно-практической конференции посвященной 90-летнему юбилею биотехнологического факультета. 2019. С. 109-114.

3. Сафиянов Д.Р. Потенциал Евразийского экономического союза. - Текст: электронный // URL: https://strategy24.ru/rf/news/potentsial-eaes (дата публикации: 16.01.2021).

4. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 346 с.

5. Иванова А. А. Роль Российской Федерации в ЕАЭС // Молодой ученый. 2018. № 40 (226).

6. Год Евразийского экономического союза и планы на будущее // URL: - https://rapsinews.ru/publications/20221223/308581391.html /(дата публикации : 23.12.2022).

References

1. The Eurasian Economic Union. Goals and history of creation // URL: https://cyclopedia.ifcg.ru/wiki /

2. The Customs Union within the framework of the Eurasian Economic Community. development prospects. Shpak T.I., Gartovannaya O.V., Nasirov Yu.Z., Kozlikin A.V.In the collection: Innovative aspects of production technologies, quality and safety expertise of agricultural raw materials and food products. 2019.

3. Safiyanov D.R. The potential of the Eurasian Economic Union. // URL: https://strategy24.ru/rf/news/potentsial-eaes (date of publication : 16.01.2021).

4. Osadchaya G.I. The Eurasian Economic Union: development potential, format of cooperation. M., 2021.

5. Ivanova A. A. The role of the Russian Federation in the EAEU // Young scientist. 2018. No 40 (226).

6. The year of the Eurasian Economic Union and plans for the future. // URL: https://rapsinews.ru/publications/20221223/308581391.html /(publication date : 12/23/2022).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 28.02.2023

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340:343.01

Проблема юридического формализма и позитивистского подхода к пониманию преступления в современном англосаксонском уголовном праве

© В.С. Маслов, Ю.И. Исакова, 2023

Вячеслав Сергеевич Маслов[1], Юлия Игоревна Исакова [2]
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия. s.maslovv@gmail.com
[2] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия. spu-59.4@donstu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы юридического формализма и позитивистского подхода к пониманию преступления в современном англосаксонском уголовном праве. Авторы рассматривают данную проблематику с опорой на труды ученых-юристов, представляющих англосаксонский мир, выявляют разницу в правопонимании между ними и представителями романо-германской правовой семьи, а также уделяют особое внимание англоязычным источникам, не переведенным ранее на русский язык.

Ключевые слова: уголовное право, англосаксонская правовая семья, романо-германская правовая семья, преступление, юридический формализм, позитивистский подход

Для цитирования: Маслов В.С., Исакова Ю.И. Проблема юридического формализма и позитивистского подхода к пониманию преступления в современном англосаксонском уголовном праве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3(154). С. 37-40

Original article

The problem of legal formalism and positivist approach to the understanding of crime in modern Anglo-Saxon criminal law

© V.S. Maslov, Yu.I. Isakova, 2023

Vyacheslav S. Maslov[1], Yulia I. Isakova[2]
[1] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. s.maslovv@gmail.com
[2] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. spu-59.4@donstu.ru

Abstract. The article studies the problem of legal formalism and the positivist approach to understanding the crime in modern Anglo-Saxon criminal law. The authors consider this issue based on the works of legal scholars representing the Anglo-Saxon world, reveal the difference in legal understanding between them and representatives of the Romano-Germanic legal family, and also pays special attention to English-language sources that have not been translated into Russian.

Keywords: criminal law, Anglo-Saxon legal family, Romano-Germanic legal family, crime, legal formalism, positivist approach

For citation: Maslov V.S., Isakova Yu.I. The problem of legal formalism and positivist approach to the understanding of crime in modern Anglo-Saxon criminal law. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2023. No3 (154):37-40 (In Russ.)

Как известно, англосаксонское право, в целом, и англосаксонское уголовное право, в частности, обладают рядом характерных особенностей, присущих исключительно указанной правовой семье. Тем не менее, сейчас для них свойственны процессы, которые прежде не получали активного распространения, – в частности, более явное и отчетливое тяготение к юридическому позитивизму.

Концептуализация англосаксонского уголовного права в сфере юридического позитивизма отражает актуальный в настоящее время позитивистский подход к закону. По отношению к уголовному праву позитивистский подход предполагает, что любое преступление может быть объективно проверено и институционально определено. «Преступность зависит от институтов и процессов, необходимых для ее определения. Право занимает первостепенное место среди них. Можно ли утверждать поэтому, что нет преступления без закона?» – задается риторическим вопросом австралийский юрист Марк Финдли [2, p. 86].

Как видно из определения, сформулированного и изложенного в классической работе «Уголовное право» известного британского юриста Майкла Аллена, позитивистский подход может определять преступление как действие или бездействие, запрещенное и наказуемое уголовным законом [1, p. 5].

Данный подход рассматривает преступника как агента, который осуществляет подобное действие или бездействие.

Таким образом, преступление – это поведение, которое признается законом (который вершат судьи и законодательные органы) в качестве уголовно наказуемого. Поведение является уголовно наказуемым, если оно квалифицируется в качестве преступного с точки зрения механизма, находящегося под властью государства.

Определение преступления имеет свои трудности в плане формулирования и обоснования, равно как и любая другая юридически значимая дефиниция, но следует помнить, что позиции авторов здесь не могут быть незыблемыми и точно предугадывать будущее, поскольку понятие преступления в конкретный момент и отрезок времени напрямую зависит от того, что рассматривается законодательством как преступление и какой смысл вкладывают в данное понятие суды и законодатель, а также само государство, действующее через механизм правосудия. Наглядный пример – это раздел 2 Уголовного кодекса австралийского Квинсленда, который определяет термин «правонарушение» следующим образом: «Правонарушение – это действие или упущение, которое влечет за собой юридическое наказание лица» [2, p. 92].

Австралийский исследователь Эндрю Симестер выделяет «три важные функции уголовного права»:

1) функция криминализации – закон устанавливает для граждан определенный спектр действий, которые запрещено совершать;

2) функция осуждения – закон осуждает лиц, которые, как доказано, нарушили законодательные запреты;

3) функция наказания (карательная функция) – наказание осужденных [2, p. 194 – 196].

Характерным для современного англосаксонского уголовного права является и тезис о том, что «в более общем смысле уголовное право устанавливает и постулирует перспективу наказания для усиления свой функции криминализации» [2, p. 197].

Концепция и последствия юридического позитивизма в англосаксонском уголовном праве уже являлись предметом ожесточенных споров и научных дебатов. Ключевая проблема заключается в том, что принятые определения преступления «говорят нам, что действия становятся преступными, когда закон говорит, что они преступны, но не проливает света на то, почему и как» [3, p. 81]. Справедливый вопрос, традиционно вытекающий из данной плоскости, звучит следующим образом: «Почему какое-то поведение должно быть криминализовано – в то время, как другое поведение разрешено?» [3, p. 82]

Критикуя формально-юридический подход к определению преступления, Майкл Аллен выдвигает три основных аргумента:

- «тот факт, что некоторые разновидности поведения являются уголовно наказуемыми, ничего не говорит о характере этого поведения»;
- «когда парламент постановляет, что конкретное действие должно стать преступлением – либо что действие, которое уже является преступным, перестает быть таковым, – само действие не меняется по своему характеру никоим образом и ни в каком отношении, кроме юридической квалификации»;
- «все наблюдаемые характеристики того или иного действия неизменны и представляют собой то же самое – что до, и что после вступления закона в силу» [1, p. 37 – 43].

По мнению Бернадетт МакШерри и Бронуина Нейлора, позитивистский подход к концепции преступления и англосаксонскому уголовному праву в общем вызывает ряд проблем:

- в некоторых определениях не учитываются различия в характере и серьезности разных составов преступлений;
- если преступлением является действие или бездействие, запрещенное и наказуемое в соответствии с действующим уголовным законодательством, то правительство может объявить любую форму поведения преступлением;
- некоторые составы преступлений могут быть абсурдными – например, если, согласно закону, будет криминализовано поедания бутербродов в обеденное время, то данное действие станет преступлением, несмотря на его бессмысленный характер;
- в случае принятия позитивистского подхода к определению преступления все, что нужно сделать для декриминализации того или иного действия – это отменить соответствующую статью Уголовного кодекса либо Закона об уголовном праве;
- позитивистский подход противоречит устоявшимся традициям англосаксонского права и его разделению на два больших структурных элемента – общее право и прецедентное право;
- для принятия юридического формализма в странах англосаксонского права назревает необходимость кардинального изменения действующего уголовного законодательства либо полной

его отмены и введения иных тематических нормативных правовых актов, регулирующих сферу уголовного права [3, p. 84 – 92].

Наконец, сформулирован еще один дискуссионный вопрос. Если какое-либо действие законодательно запрещено, но последствием его совершения является не наказание, но:

- некоторая форма реституции;
- общественные работы;
- гражданское взыскание;
- административное взыскание –

то является ли данное действие преступлением? [3, p. 84 – 92]

Подобные вопросы и связанные с ними противоречия проистекают из непонимания учеными и правоприменителями англосаксонского мира юридического формализма и правового позитивизма в том виде, в котором они существуют в странах романо-германского права. Аналогичным образом в странах романо-германского права отсутствует понимание традиционного англосаксонского источника права – судебного прецедента.

Англосаксонскому праву в так называемом «чистом виде», помимо всего прочего, не знакомо разделение на отрасли права, привычное для романо-германской правовой семьи, соответственно, назначение юридических санкций в виде «реституции», общественных работ, различных форм «гражданского и административного взыскания» вызывает у англосаксонских теоретиков права и юристов-практиков недоумение и вопрос о том, как вообще подобные неблагоприятные юридически значимые последствия коррелируются с понятием преступления.

«Позитивистское определение преступления не может объяснить, почему одни типы поведения считаются преступными, а другие нет, – отмечает Майкл Аллен. – Позитивистский подход фиксирует четкие границы уголовного права и не расширяет его анализ за пределы прецедентного права и законодательства» [1, p. 172].

Некоторые англосаксонские ученые-юристы и вовсе восстают против внедрения в своих странах уголовного права по романо-германскому образцу, отмечая, что уголовное право:

- является мощной осуждающей реакцией государства на поведение, «которое ему не нравится»;
- представляет собой «откровенно принудительную систему, направленную на контроль за поведением граждан»;
- криминализация тех или иных действий «включает в себя правила, подкрепленные угрозами» [3, p. 93 – 95].

Самая нейтральная – и совершенно очевидная с точки зрения юристов из мира романо-германского права – позиция в обозначенном контексте выглядит следующим образом: «В некотором смысле уголовное право является средством, с помощью которого государство заставляет граждан выполнять свои предписания» [3, p. 115].

Вместе с тем, противоречие и непонимание возникают и здесь. Например, американский юрист Говард Беккер утверждает, что преступление (или отклонение) создается самим обществом. «Социальные группы создают отклонения, устанавливая правила, нарушение которых представляет собой отклонение, и применяя эти правила к конкретным людям, которых потом называют преступниками, то есть чуждыми и враждебными данному социуму, – утверждает Беккер. – С этой точки зрения девиантность является отнюдь не качеством действия, которое совершает человек, она является следствием применения другими людьми правил и санкций по отношению к «нарушителю». Девиант – это тот, на кого этот ярлык успешно навесили и применяют; девиантное поведение – это поведение, которое так обозначают и называют сами люди» [3, p. 125].

По мнению таких ученых, как Говард Беккер и даже Эмиль Дюркгейм, преступность считается нормой в обществе, потому что «нет дополнительной социальной или естественной разделительной линии между преступной деятельностью и другой – возможно, предосудительной, но более приемлемой – деятельности» [3, p. 129].

«В соответствии с этим рассуждением, – отмечает австралийский юрист и исследователь права Ричард Салливан, – героиновый наркоман ничуть не более ненормальный или девиантный, чем никотиновый наркоман. Благодаря исторической случайности акт хранения героина был объявлен преступным, а акт обладания опасным наркотиком никотином – нет. Природа зависимостей не так уж сильно различается – тем паче, что, учитывая наши нынешние знания, мы можем смело утверждать, что потребитель героина не менее рационален, нежели потребитель никотина. Закон просто взвинтил цену на героин – предмет потребления наркомана, и, как следствие, часто вынуждает наркомана прибегать к незаконному добыванию денег для приобретения предмета своей зависимости, тем самым провоцируя его на совершение преступлений и нарушение правовых норм» [3, p. 131 – 132].

Очевидно, что не существует единого или упрощенного ответа на вопрос «Что такое преступление?» Разные люди и разные общества в разные исторические периоды понимают, толкуют и определяют этот термин по-разному – в том числе, и с помощью различных дисциплин, отраслей знания, сфер общественной деятельности и способов постижения реальности, среди которых, помимо юриспруденции, имеются:

- религия;
- теологические дисциплины;
- философия;
- социология;
- политология;
- политика;
- искусство и т.д.

«Ни один – даже самый развернутый – аргумент не способен дать исчерпывающее объяснение наличию большого количества различных уголовных преступлений, – пишет Чарльз Уилсон. – Нельзя, например, сказать, как когда-то было модно, что принудительные нормы уголовного права обязательно воплощают общепризнанные нормы морали. Не сомневаюсь, что многие нормы уголовного права включают такие стандарты. Но подавляющее большинство уголовных преступлений включают в себя нормы, не являющиеся прямым отражением основополагающих моральных норм» [3, p. 156].

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что решения о том, какое именно поведение следует криминализировать, со временем меняются. Это может происходить по множеству причин; перечислим же некоторые, наиболее очевидные из них:

- социальные изменения (например, признание прав женщин привело к возникновению нового состава преступления – изнасилования (в том виде, в котором мы понимаем его сейчас));

- технологические изменения (например, вследствие научно-технического прогресса появилась новые категории – компьютерные преступления, преступления в сфере информационной безопасности и т.д.);

- развитие и / или трансформация морали, нравственности и иных неправовых социальных регуляторов, отказ от консервативных норм (например, легализация гомосексуальных половых актов, которые прежде карались в соответствии с действовавшим законодательством);

- кампании по обновлению и реформированию уголовного законодательства (например, положения, введенные в силу новых обстоятельств, таких, как распространение СПИД / ВИЧ).

Определение, структура и анализ преступления в уголовном праве требуют высокой степени подозрительности и любознательности. С одной стороны, современное западное уголовное право движется в сторону гуманизации и нацелено на то, чтобы оценивать закон критически, осознавая, что он может кардинально изменить человеческую жизнь. С другой стороны, преступников по-прежнему требуется наказывать, а правопорядок необходимо поддерживать. Этот дуализм уголовного права отражается и на проблемах имплементации и рецепции различных юридических концепций, норм и институтов, присущих той или иной правовой семье, в другую правовую семью – например, из романо-германской в англосаксонскую, как в рассматриваемом нами случае.

Как бы то ни было, в западной юридической доктрине уголовное право – это не то, что дано Богом или высечено на камне. Оно подвержено постоянным изменениям. Соответственно, было бы логичным и адекватным признать, что уголовное законодательство необходимо для надлежащего функционирования общества, но не следует безоговорочно принимать существующие законы. Более реалистично думать о преступности как явлении, относительном во времени и пространстве, которое, к тому же, зависит от культурно-исторического контекста и во многом определяется им. То, что считается преступным в одном обществе, может не считаться преступным в другом. Регулярно возникают новые составы преступлений, в то время как другие декриминализуются и изымаются из уголовного законодательства. Соответственно, определенные преступления и средства защиты от них существуют в одних юрисдикциях, но не существуют – в других, и универсального рецепта для защиты от преступности (равно как и единого подхода к ней) попросту не существует.

Список источников / References

1. Allen M. Criminal Law. London: Random House, 2022. 294 p.
2. Colvin, E., McKechnie, J. Criminal Law in Queensland and Western Australia. Queensland: Queensland University Press, 2019. 308 p.
3. Waller L., Williams, Ch. R. Criminal Law. New York: Routledge, 2018. 284 p.

Информация об авторах
В.С. Маслов – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Ю.И. Исакова – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и публично-правовых дисциплин

Information about the authors
V.S. Maslov – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics
Yu.I. Isakova – Doctor of Sociology, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 2.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 2.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 28.02.2023

Научная статья
УДК 343.13

Проблемы и перспективы развития института дознания в российском уголовном процессе

© Палиев В.Б., Субботина О.В., 2023

Владимир Борисович Палиев [1], Ольга Владимировна Субботина [2]
[1,2]Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия.
[1]radanpal58@mail.ru
[2]oliatsaplina@yandex.ru

Аннотация: Одним из ключевых институтов уголовного процесса в современной России является институт дознания, который на сегодняшний день сталкивается со множеством проблем, негативно отражающихся на эффективности его практического применения.

В рамках данной статьи обращается внимание на проблемные вопросы взаимодействия органов дознания друг с другом, а именно разграничение полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. Особое внимание уделено вопросам процессуального статуса дознавателя и его самостоятельности в рамках уголовного судопроизводства. Рассмотрены проблемы нарушения сроков дознания и дознания в сокращенной форме.

Сформулированы предложения по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Определены тенденции развития института дознания, ключевыми из которых стали разрешение указанных нами проблем и постепенная унификация всех форм предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, предварительное расследование, дознание, дознание в сокращенной форме

Для цитирования: Палиев В.Б., Субботина О.В. Проблемы и перспективы развития института дознания в российском уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154) С. 41-48

Original article

Problems and prospects of development of the institution of inquiry in the Russian criminal process

Vladimir B. Paliev [1], Olga V. Subbotina[2]
[1,2] Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.
[1]radanpal58@mail.ru
[2]oliatsaplina@yandex.ru

Abstract: One of the key institutions of the criminal process in modern Russia is the institution of inquiry, which today faces many problems that negatively affect the effectiveness of its practical application.

Within the framework of this article, the authors pay attention to the problematic issues of interaction of the bodies of inquiry with each other, namely, the separation of powers of the head of the body of inquiry and the head of the department of inquiry. Special attention is paid to the issues of the procedural status of the investigator and his independence in the framework of criminal proceedings. The problems of violation of the terms of inquiry and inquiry in an abbreviated form are considered.

The proposals on amendments to the criminal procedure legislation of the Russian Federation are formulated. Trends in the development of the institution of inquiry have been identified, the key of which were the resolution of the mentioned problems and the gradual unification of all forms of preliminary investigation.

Keywords: criminal procedure, criminal procedure law, preliminary investigation, inquiry, inquiry in abbreviated form

For citation: Paliev V.B., Subbotina O.V. Problems and prospects of development of the institution of inquiry in the Russian criminal process. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No. 3 (154) C. 41-48

Целью осуществления уголовно-процессуальной системы в Российской Федерации выступает обеспечение быстрого и эффективного расследования преступлений, рассмотрения уголовного дела по существу, вынесение решения, назначения справедливого, мотивированного и законного наказания лицам, которые виновны в его совершении. Таким образом, все существующие на сегодняшний день институты уголовно-процессуального права Российской Федерации служат указанным целям. При этом необходимо отметить, что уголовно-процессуальные нормы постоянно изменяются и дополняются. Они призваны адаптировать уголовный процесс к текущим потребностям государства и общества. Отсюда возникает необходимость последовательного реформирования отдельных элементов уголовного процесса в целях приведения их в соответствие с потребностями уголовно-процессуального права.

Указанная участь не обходит стороной и институт предварительного расследования, реформирование которого служит основанием для постоянного повышения эффективности расследования преступлений на досудебном этапе уголовного процесса. Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предварительное расследование в Российской Федерации включает в себя два института: предварительное следствие и дознание.

Институт дознания в российском праве существует сравнительно давно: первые упоминания указанного института приходятся на 1715 год, когда само понятие «дознание» получило легальное закрепление в тексте российского законодательства [1, с. 311]. Долгое время дознание представляло собой особую форму расследования, направленную на первичное исследование преступления. Фактически, дознание проводилось «по горячим следам» и включало в себя функции по установлению события преступления, а также выявления его первичных признаков, в том числе установление лица, совершившего преступление. В то же время расследование преступление в отношении конкретного лица осуществлялось в форме следствия. При этом особую роль в становлении института дознания в дореволюционный период сыграл Устав уголовного судопроизводства 1864 года, который окончательно закрепил дознание в качестве первичной формы расследования преступлений, в рамках которой осуществлялся сбор всей необходимой для следователя информации в целях дальнейшего расследования преступного деяния.

Такое понимание института дознания сохранилось вплоть до 1917 года, когда дореволюционный этап развития уголовного процесса сменился на советский этап. В рамках изменений 20-х годов прошлого века дознание перешло в ведение милиции, которая была наделена полномочиями по осуществлению отдельных следственных действий в ходе расследования преступления. В 1923 году с появлением нового УПК РСФСР было закреплено два вида дознания: дознание по делам, производ-

ство по которым предварительного следствия было обязательно, и дознание по делам, производство по которым предварительного следствия было не обязательно. К концу 20-х годов прошлого столетия внесенные в уголовный процесс изменения превратили дознание в самостоятельный институт, который по своему содержанию был приближен к институту предварительного следствия. Существенные изменения в рамках института дознания также были произведены в 60-х годах прошлого столетия, они затронули постепенное расширение компетенции органов дознания, а также развитие процессуальных гарантий участникам предварительного расследования, проводимого в форме дознания.

С тех пор институт дознания прошел множество разнообразных реформ и достиг своего современного состояния в 2001 году с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В рамках внедренных изменений институт дознания приобрел свои современные черты, включая процессуальную форму, самостоятельный характер, важное процессуальное значение для всей системы предварительного расследования. В ходе современной истории уголовно-процессуального права в рамках института дознания также происходили коренные преобразования, одно из которых в 2013 году привело к созданию института дознания в сокращенной форме.

В настоящее время в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации вновь назрела необходимость реформирования института дознания, что обусловлено сразу несколькими факторами.

Во-первых, удельный вес преступлений небольшой и средней тяжести, рассмотрение которых происходит в форме дознания и дознания в сокращенной форме, в общей численности преступлений в Российской Федерации постоянно растет. Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений, предварительное следствие по которым необязательно, в 2021 году составило 855030, что составило более 40% от общего числа зарегистрированных преступлений [2]. За период с январь по сентябрь 2022 года указанное значение составило 643147 преступлений, что составляет более 42% от общего числа зарегистрированных преступлений [3].

Во-вторых, многие авторы, к примеру Василенко Л.А., Науменко О. А. [4, с. 143], Кудряшова Е.С. [5, с. 275], Хисамутдинов Ф.Р. [6, с. 234], выражают обеспокоенность качеством расследования преступлений в форме дознания и дознания в сокращенной форме. Фролов И.Ю. отмечает низкий уровень защиты интересов сторон в уголовном деле, а также недостаточный уровень раскрываемости таких преступлений по сравнению с преступлениями, рассматриваемыми в порядке предварительного следствия [7, с. 435].

В-третьих, в рамках современного института дознания (как в общей, так и в сокращенной форме) существует достаточное количество проблемных моментов, оказывающих негативное влияние на общее состояние указанного института в целом. Уделим внимание ряду указанных проблем.

Ключевой проблемой дознания, на наш взгляд, являются вопросы взаимодействия и внутренней иерархии органов дознания в рамках современного уголовного процесса. Отметим, что в рамках современного уголовно-процессуального законодательства к числу органов дознания относится достаточно большой круг государственных органов и должностных лиц, что на практике может приводить к существенной путанице в определении роли указанных органов и лиц в рамках дознания. Так, к примеру, современный законодатель предусматривает возможность участия следователя в производстве дознания (п.8 ст. 5 УПК РФ), однако, не уточняет конкретный порядок участия указанного должного лица.

Особый интерес в указанной сфере представляет разграничение полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. К примеру, в современном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации некоторые из полномочий начальника органа дознания (ст. 40.1 УПК РФ) и начальника подразделения органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ) попросту дублируются. Речь в данном случае идет о даче отдельных поручений дознавателю, проверке материалов уголовного дела, а также направлении хода расследования. В указанной связи не совсем понятно как должна разрешаться ситуация, при которой указанные должностные лица дают разные по своему содержанию указания дознавателю по направлению хода расследования уголовного дела? Более того стоит отметить, что отечественный законодатель при определении полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания подошел к указанному вопросу несколько небрежно, в связи с чем не ясно, кто из указанных должностных лиц является главной процессуальной фигурой в рамках расследования. По мнению Кузнецова А.Н., начальник органа дознания согласно положениям уголовно-процессуального законодательства наделен меньшими полномочиями в отношении дознавателя, однако, именно ему предоставлено право на утверждение заключительного процессуального акта расследования [8, с. 134].

Разрешение указанной проблемы, на наш взгляд, позволит существенно усовершенствовать порядок рассмотрения уголовного дела в порядке дознания. Кузнецов А.Н. указывает на необходимость расширения контрольных полномочий начальника органа дознания, которые позволят более точно установить процессуальный статус указанного должностного лица [8, с. 135]. В виду указанного об-

стоятельства представляется возможной передача основных функций начальнику органа дознания, так как именно указанное лицо определяется нами как ключевая фигура дознания в современном уголовном процессе.

Таким образом, представляется возможным исключить из статьи 40.1 положения части 3 о наделении начальника подразделения дознания полномочиями по проверке материалов проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя, а также даче дознавателю указаний о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

Проблемы возникают и в рамках определения процессуального положения дознавателя в ходе расследования уголовных дел, в ходе дознания. Одним из наиболее спорных моментов при определении процессуального статуса дознавателя является разрешение вопроса о самостоятельности дознавателя в ходе расследования уголовных дел. Согласно статье 5 и статье 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации полномочия дознавателя возлагаются на него начальником органа дознания. Построение положений, указанных статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указывает, что дознаватель является полностью несамостоятельной фигурой в уголовном процессе Российской Федерации. В то же время статьи 144 и 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие порядок обработки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела, напротив, закрепляют самостоятельное право дознавателя на реализацию указанных полномочий. Таким образом, в рамках уголовно-процессуального законодательства возникает некоторый диссонанс между нормами, регулирующими общий процессуальный статус дознавателя и его отдельные правомочия.

Дискуссионный характер также носит вопрос о самостоятельности дознавателя в рамках разрешения вопроса об обжаловании действий прокурора. Так, в отличие от следователя дознаватель при обжаловании решении прокурора, начальника органа дознания и иных лиц не имеет возможности приостановить производство по уголовному делу. Исходя из указанного факта реальная возможность приостановления производству по делу видится лишь в прекращении всего уголовного дела [9, с. 154].

Более того из положений части 4 статьи 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вытекает, что обжалование дознавателем указаний прокурора не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, предусмотренных в уголовно-процессуальном законодательстве.

Возможность расширения самостоятельности дознавателя в рамках расследования преступлений позволит обеспечить достижения цели постепенной унификации форм предварительного расследования в российском уголовно-процессуальном праве. Напомним, что в отличии от дознавателя следователь в уголовном процессе рассматривается как абсолютно самостоятельная фигура. Более того, разрешение указанного вопроса позволит существенно ускорить процесс расследования уголовного дела в ходе дознания, что обеспечит реализацию ключевой цели уголовного процесса – быстрого расследования преступлений. Таким образом, представляется возможным расширение и конкретизация самостоятельных полномочий следователей в уголовном процессе, включая полномочия по началу непосредственного расследования преступления, полномочий по приостановлению рассмотрения уголовного дела и т.д.

Отметим, что ряд проблем современного дознания носит более общий характер и относится к числу общих проблем предварительного расследования в уголовном процессе Российской Федерации. Так, к примеру, к числу указанных проблем можно отнести чрезмерно обвинительный характер уголовного процесса в Российской Федерации. В рамках института дознания также просматриваются обвинительные черты, которые в условиях сжатого срока расследования проявляются гораздо более ярко, чем в условиях предварительного следствия. Таким образом, на практике перед дознавателем ставится задача по обязательному изобличению виновного, при этом времени на реальное установление объективной истины по уголовному делу попросту не остается. Такая ситуация приводит к появлению ошибок в ходе расследования и признанию обвиняемыми людей, которые не являются субъектами расследуемого преступления.

К примеру, Тюменским областным судом была рассмотрена жалоба Г., который ссылался на необоснованность приговора, которая явилась следствием допущенных в ходе проведения дознания ошибок. Суд установил, что в рамках производства по уголовному делу в отношении Г. дознаватель осуществил допрос представителя потерпевшего по уголовному делу в отношении Г., которое не было связано с уголовным делом, находящимся в производстве у данного дознавателя. Более того, в ходе производства по уголовному делу в качестве доказательства использовались экспертизы, которые были назначены и проведены в момент приостановления производства по данному уголовному делу. На основании указанных доводов суд принял решение об отмене обвинительного приговора в отношении Г. [10]. Такие случаи в правоприменительной практике не единичны.

Стоит отметить, что вопросы сроков рассмотрения уголовного дела в порядке дознания особенно ярко выражены в рамках производства дознания в сокращенной форме. К примеру, предусмотренного отечественным законодательством пятнадцатидневного срока для расследования преступления зачастую оказывается попросту недостаточно для расследования преступления. Так, к примеру, постановлением Рудничного районного суда г.Прокопьевска Кемеровской области было вынесено решение о возврате уголовного дела для дальнейшего производства дознания в общей форме в виду того, что в обвинительном постановлении в отношении подсудимого Ш. были не в полной мере учтены все подлежащие доказыванию события преступления и виновности лица в совершении преступления (обстоятельства, раскрывающие умысел лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ) [11].

Недостаточный срок сокращенного дознания на практике приводит к тому, что многие уголовные дела, рассматриваемые в указанном порядке, возвращаются прокурору для дальнейшего рассмотрения в форме обычного дознания. Например, Мокшанским районным судом Пензенской области была рассмотрена апелляционная постановление государственного обвинителя прокуратуры Мокшанского района Пензенской области О. на Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Мокшанского района Пензенской области от 17 марта 2020 года, которым прокурору Мокшанского района Пензенской области возвращено уголовное дело в отношении З, обвиняемой в совершении преступлений, которые предусмотрены статьями 322.2, 322.3, 322.3, 322.3, 322.3 УК РФ. В ходе рассмотрения апелляционного постановления районный суд пришел к выводу, что собранных по делу З. доказательств недостаточно для постановления приговора, а срока сокращенного дознания недостаточно для оценки всех доказательств. На основании указанных доводов суд постановил, что имеющееся по делу обвинительное постановление препятствует постановлению законного и обоснованного приговора, о чем мировым судьей было правильно указано в обжалуемом постановлении [12].

В данном случае возникает вопрос о необходимости нахождения баланса между желанием законодателя упростить и ускорить процесс рассмотрения уголовного дела и реальной возможностью установления истины по делу.

Более того, на практике предусмотренные законодателем сжатые сроки дознания в сокращенной форме постоянно нарушаются в виду их реальной недостаточности для установления объективной истины по уголовному делу. Байкитский районный суд Красноярского края вынес апелляционное постановление по жалобе заместителя прокурора Эвенкийского района Красноярского края Фатеева А.А. за нарушение сроков сокращенного дознания. Судом было установлено, что в рамках производства дознания в сокращенной форме дознаватель не уложился в предоставленный ему пятнадцатидневный срок (далее продленный еще до десяти дней) и вынес обвинительное постановление за пределами срока дознания в сокращенного дознания. В рамках судебного разбирательства Судья Байкитского районного суда Красноярского края принял решение о необходимости о возвращении уголовного дела прокурору [13].

Материалы судебной практики свидетельствуют о необходимости увеличения срока расследования уголовных дел в рамках производства дознания в сокращенной форме. Так, на наш взгляд, представляется возможным увеличить указанный срок до двадцати дней, что позволит выделить дополнительные пять дней для сбора необходимых доказательств и установления объективной истины по уголовному делу.

Таким образом, предлагаем сформулировать положения пункта 1 статьи 226.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следующим образом:

«Дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 20 суток…».

Стоит отметить, что ряд существенных проблем дознания вызваны недостаточным уровнем профессионализма лиц, осуществляющих предварительное расследование. Так, к числу указанных проблем можно отнести:

- недостаточное уделение внимание качеству производимых следственных действий, в ходе чего могут быть утеряны необходимые для расследования доказательства по уголовному делу;
- недостаточный уровень культуры оформления процессуальных документов, в которых на практике могут появляться существенные ошибки, требующие реального обжалования указанных документов в судебном порядке;
- высокий уровень уголовных дел, в рамках которых не была реально достигнута цель по установлению объективной истины по уголовному делу, что противоречит общим принципам уголовного процесса в Российской Федерации.

Разрешение указанных нами ранее проблем должно стать ключевой тенденцией развития института дознания в уголовном процессе Российской Федерации. В то же время в современных научных кругах можно встретить различные мнения касательно будущего указанного института в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации.

Малышева О.А. в своей работе выделяет ключевые аргументами в пользу упразднения дознания

в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. К числу таких аргументов относятся:

- ненужность системы разграничения различных форм предварительного расследования в российском уголовном процессе. Стоит отметить, что на сегодняшний день содержание дознания и предварительное следствия действительно является достаточно близким, таким образом, некоторые авторы придерживаются мнения о том, что разграничения указанных форм предварительного расследования носит чисто формальный характер и не имеет реального практического значения [14];
- общая направленность уголовно-процессуального законодательства на унификацию его положений, в том числе в рамках реализации положений о формах предварительного расследования;
- негативное влияние разделения предварительного разделения на две формы на принцип единообразия, заложенных в рамках осуществления полномочий органов следствия и дознания [15].

Указанные аргументы представляются нам достаточно серьезными. В то же время упразднение дознания в уголовном процессе Российской Федерации может привести к возникновению дополнительных проблем. Так, речь идет об увеличении нагрузки на следователей и следственных органов, что негативно отразится на качестве расследования преступлений. Во-вторых, такая мера потребует серьезной переработки действующего законодательства, к чему, на наш взгляд, не готов современный отечественный законодатель.

Одной из ключевых тенденций развития дознания в уголовном процессе Российской Федерации является постепенная унификация форм предварительного расследования. Отметим, что основной целью такой унификации является единообразное применение уголовно-процессуального законодательства в рамках организации расследования преступлений. При этом унификация форм предварительного расследования в российском праве вовсе не означает, что предварительное следствие и дознание должно полностью смешаться в рамках уголовного процесса. Унификация форм предварительного расследования, на наш взгляд, должна в первую очередь означать установление равных стандартов качества для следователей и дознавателей. При этом некоторые элементы современного дознания должны быть приведены в соответствии со стандартами предварительного следствия (речь в данном случае, к примеру, о повышении уровня самостоятельности дознавателя в рамках уголовного процесса).

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что ключевыми тенденциями развития института дознания в современном уголовном процессе Российской Федерации должно стать:

- разрешение основных проблем указанного института в российском уголовно-процессуальном праве;
- изменение чрезмерно обвинительного характера уголовного процесса и усиление закрепление идей равноправия сторон в ходе расследования преступлений;
- унификация форм предварительного расследования и приведения их к единому стандарту качества;
- конкретизация норм отечественного законодательства, затрагивающих вопросы порядка производства дознания.

Список источников

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (дата обращения: 16.11.2022).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2022 года // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/33388812/ (дата обращения: 16.11.2022).
4. Василенко Л.А., Науменко О. А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право. 2013. № 2 (44).
5. Кудряшова Е.С. О некоторых процессуальных аспектах обеспечения качества дознания в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №. 1 (33).
6. Хисамутднинов Ф.Р. Сокращенное дознание: быть или не быть // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1.
7. Фролов И.Ю. Вопросы реформирования дознания в общем порядке // Трибуна ученого. 2021. № 1.
8. Кузнецов А.Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92).
9. Гамид М.М. О некоторых проблемах правового статуса дознавателя // Государственная служба и кадры. 2019. № 2.
10. Апелляционное постановление Тюменского областного суда № 22-724/2020 от 23 апреля 2020 г. // URL: https://sudact.ru/regular/doc/n0edWAgdfMJc/?page=4&regular-court=&regular-

date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt= дознавателем+были+допущены+нарушения+уголовно-процессуальных+норм+&_=1670194738599&regular-judge=&snippet_pos=942#snippet (дата обращения: 01.12.2022).

11. Постановление Рудничного районного суда г.Прокопьевска Кемеровской области № 1-440/2017 от 22 декабря 2017 г. по делу № 1-440/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/aMFANU8y48xw/?regular-txt=+производства+дознания+в+общем+порядке.&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+226.5.+Особенности+доказывания+при+производстве+дознания+в+сокращенной+форме%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1634916068006&snippet_pos=726#snippet (дата обращения: 16.11.2022).

12. Апелляционное постановление Мокшанского районного суда Пензенской области № 10-3/2020 от 15 мая 2020 г. по делу № 10-3/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/bpQ05Vdnx8QK/?regular-txt=о+направлении+уголовного+дела+дознавателю+для+производства+дознания+в+общем+порядке&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+75.+Недопустимые+доказательства%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1670191175753&snippet_pos=3400#snippet (дата обращения: 02.12.2022).

13. Апелляционное постановление Байкитского районного суда Красноярского края Российской Федерации № 10-4/2016 от 17 августа 2016 г. по делу № 10-4/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/2YzV1QeTMEmR/?regular-txt= срок+дознания&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+226.6.+Срок+дознания+в+сокращенной+форме%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=20&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1667210712803&snippet_pos=1840#snippet (дата обращения: 16.11.2022).

14. Прохорова Е.А., Саморока В.А., Балаянц М.С. Дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.

15. Малышева О.А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118).

References

1. Bezlepkin B.T. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article): with amendments and additions, introduced. Feder. Laws No. 329-FZ, 331-FZ, 375-FZ. Moscow: Prospect, 2017 (In Russ.)

2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2021 // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552 / (accessed: 11/16/2022).

3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - September 2022 // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/33388812 / (date of appeal: 11/16/2022).

4. Vasilenko L.A., Naumenko O. A. Inquiry in abbreviated form and its effectiveness in pre-trial proceedings. *Society and Law*. 2013. No. 2 (44). (In Russ.)

5. Kudryashova E.S. On some procedural aspects of ensuring the quality of inquiry in criminal proceedings. *Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 1 (33). (In Russ.)

6. Hisamutdninov F.R. Abbreviated inquiry: to be or not to be. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2012. No. 1. (In Russ.)

7. Frolov I.Yu. Questions of reforming inquiry in the general order. *Tribune of the scientist.* 2021. No. 1. (In Russ.)

8. Kuznetsov A.N. On the ratio of the procedural powers of the head of the body of inquiry and the head of the department of inquiry at the stage of investigation of a criminal case in the form of an inquiry. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020. No. 1 (92). (In Russ.)

9. Hamid M.M. On some problems of the legal status of the investigator. *Public service and personnel.* 2019. No. 2. (In Russ.)

10. Appeal resolution of the Tyumen Regional Court No. 22-724/2020 of April 23, 2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/n0edWAgdfMJc/?page=4&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt= дознавателем+были+допущены+нарушения+уголовнопроцессуальных+норм+&_=1670194738599&regular-judge=&snippet_pos=942# snippet (accessed: 01.12.2022).

11. Resolution of the Rudnichny District Court of Prokopyevsk, Kemerovo region No. 1-440/2017 dated

December 22, 2017 in case No. 1-440/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/aMFANU8y48xw/?regular -txt=+production+inquiry+in+general+order.&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=Статья+226.5.+Особенности+доказывания+при+производстве+дознания+в+сокращенной+форме%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1634916068006&snippet_pos=726#snippet (accessed: 11/16/2022).

12. Appeal Decision of the Mokshansky District Court of the Penza Region No. 10-3/2020 dated May 15, 2020 in case No. 10-3/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/bpQ05Vdnx8QK/?regular-txt=о+направлении+уголовного+дела+дознавателю+для+производства+дознания+в+общем+порядке&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Article +75.+Inadmissible+evidence%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1670191175753&snippet_pos=3400#snippet (accessed: 02.12.2022).

13. Appeal Decision of the Baykitsky District Court of the Krasnoyarsk Territory of the Russian Federation No. 10-4/2016 dated August 17, 2016 in case No. 10-4/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/2YzV1QeTMEmR/?regular-txt = term+inquiries&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+226.6.+Срок+дознания+в+сокращенной+форме%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=20&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1667210712803&snippet_pos=1840#snippet (date of application: 11/16/2022).

14. Prokhorova E.A., Samoroka V.A., Balayants M.S. Differentiation of the criminal procedural form of preliminary investigation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020. No. 3. From 206.

15. Malysheva O.A. On the need to abandon the inquiry as a procedural form of investigation. *Actual problems of Russian law.* 2020. Vol. 15. No. 9 (118). (In Russ.)

Информация об авторах

В.Б. Палиев – кандидат педагогических наук, доцент
О.В. Субботина – магистрант

Information about the authors

V.B. Paliev – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
O.V. Subbotina – Master's student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted ; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 340.12

Правосознание и правовая культура российского общества как способ противодействия правовому нигилизму

© С.В. Склифус, 2023

Станислав Витальевич Склифус
Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия. sklifus@inbox.ru

Аннотация. В данной статье исследуется проблема правового сознания и правовой культуры российского общества на современном этапе. Обозначена важность данной составляющей в условиях развития правового государства и гражданского общества. Рассмотрена актуальность процесса повышения правосознания и правовой культуры российского современного общества с точки зрения борьбы с правовым нигилизмом.

Ключевые слова: правовой нигилизм, право, правовая культура, правосознание, общество, государство

Для цитирования: Склифус С.В. Правосознание и правовая культура российского общества как способ противодействия правовому нигилизму // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3(154). С.49-51

Original article

Legal consciousness and legal culture of Russian society as a way to counteract legal nihilism

Stanislav V. Sklifus
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. sklifus@inbox.ru

Abstract. This article examines the problem of legal consciousness and legal culture of the Russian society at the present stage. The importance of this component in the conditions of the development of the rule of law and civic society is indicated. The relevance of the process of increasing the legal awareness and legal culture of the Russian modern society, from the point of view of the fight against legal nihilism, is considered.

Keywords: legal nihilism, law, legal culture, legal consciousness, society, state

For citation: Sklifus S.V. Legal consciousness and legal culture of Russian society as a way to counteract legal nihilism. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 49-51 (In Russ.)

Настоящая статья носит обзорный характер. Ставится задача раскрыть актуальные проблемы правового сознания и правовой культуры в обществе. Отдельное внимание в статье уделяется вопросу правового сознания и правовой культуры российского общества. Актуальность, а также научная составляющая рассматриваемой темы не вызывает сомнений. Стоит отметить, что природа такого явления как правосознание и правовая культура несет на различных исторических этапах, в том числе на современном этапе, все более важное социально-правовое, политическое, этическое и иное значение. Поэтому обращение к данной тематике, по нашему мнению, выглядит необходимым. Необходимо рассмотреть данную тему более подробно, а также проанализировать основные, наиболее важные ее аспекты, связанные с таким негативным явлением как правовой нигилизм.

На сегодняшний день вопрос правового сознания и правовой культуры российского общества стоит достаточно остро.

Важной задачей является правовое просвещение и юридическое образование граждан. Правовое просвещение и правовое воспитание должно, на наш взгляд, осуществляться через учебные заведения, через средства массовой информации, через трудовые коллективы в организациях и не предприятиях. В то же время, важным фактором будет являться процесс правового самообразования. Граждане должны знать свои права и обязанности, а также свободы, которые предусмотрены законодательством и интересоваться данным аспектом. Должны следить за обновлением российского законодательства, за принятыми правовыми актами. И первоначальная задача государства, независимых СМИ – их в этом заинтересовать. Значимым аспектом будет являться деятельность органов государственной власти по соблюдению и защите основных прав и свобод граждан. Граждане должны чувствовать, ощущать свою правовую защищенность, что, соответственно, будет формировать положительное отношение к праву и правовым актам и к государственной власти, должностным лицам в целом.

Необходимый аспект, на наш взгляд, правовое воспитание молодого поколения. Современная молодежь должна формировать и повышать уровень правового сознания и правовой культуры, но, безусловно, для этого нужна определенная внутренняя мотивация и государство, а вместе с ним и гражданское общество, должны эту мотивацию сформировать, по крайней мере, поспособствовать этому. Конечно же, необходимой составляющей является формирование и укрепление патриотического чувства у молодого поколения, чувства уважения к своей стране, уважения национальных традиций и ценностей.

В том числе, стоит обратить внимание на то, что развитая правовая культура и правовое сознание зависят от уровня и качества жизни населения. Социальная незащищенность и материальная нестабильность человека часто проявляют себя как одна из причин совершения разных противоправных деяний, что в свою очередь является основой и одной из форм правового нигилизма. Обеспечение достойного, качественного уровня жизни граждан считается одним из важнейших условий не только поддержания правопорядка и законности на территории Российской Федерации, но и неотъемлемым элементом безопасности государства, противодействие правовому нигилизму как явлению, а также дальнейшему укреплению и развитию российского государства. В этой связи, необходимой задачей будет являться дальнейшее обеспечение экономической безопасности, а также роста, укрепления российской экономики, благосостояния граждан нашей страны.

Развитое гражданское общество и его институты, их работа, также будут являться необходимой составляющей для борьбы с правовым нигилизмом и правовым невежеством. Гражданское общество в нашей стране находится на пути своего развития и укрепления. Нахождение гражданского общества в процессе его развития актуализирует как экономическую сферу, так и формирует социальную основу демократии, то есть средний класс [1]. Институты гражданского общества также должны заниматься вопросом правового и политического просвещения и воспитания российских граждан, в том числе молодого поколения. С точки зрения М.Б. Смоленского, основным вектором современного российского государства является создание и развитие гражданского общества, в том числе формирование основ правового государства. Для этого существует необходимость в совершенствовании национального законодательства и подведении его в соответствие с основными общепризнанными международными правовыми принципами и нормами. При этом, оценивая сегодняшнюю систему законодательства и структуру ее развития, считается, что зависит она от складывающихся экономических отношений, притом не только отечественных, но и международных отношений, в которых участвуют национальные и международные экономические организации. Данное обстоятельство, естественно, не может не повлиять на эффективность законодательного регулирования [2].

На сегодняшний день Российская Федерация идет по пути укрепления правового государства. Необходимо отметить, что построение правового государства, на наш взгляд, будет способствовать, в том числе, борьбе с нигилистическими настроениями по отношению к закону в российском обществе, повышению уровня легитимности государственной власти, ее авторитета, доверия к нормативно-правовым актам. Важной составляющей, с точки зрения формирования правового государства, будет являться «идея народного суверенитета как основополагающего принципа существования и развития демократического государства» [3]. Именно развитое правовое государство, к формированию которого стремится Российская Федерация, будет готовить эффективную составляющую для развития и совершенствования гражданских институтов, повышению уровня правового сознания и правовой культуры населения, противодействовать правовому нигилизму. В этой связи, актуальным фактором будет являться соблюдение принцип равенства всех перед законом, чтобы закон работал эффективно, а не выборочно. Важным этапом в борьбе с правовым нигилизмом является, на наш взгляд, процесс укрепления и развития стабильной и независимой судебной системы и в целом укрепления системы разделения властей. Судебная система должна работать прозрачно и беспристрастно, а судебные решения должны быть основаны на объективизме.

Стоит обратить внимание, что высокие профессиональные качества государственных служащих, на наш взгляд, будут считаться необходимой составляющей как для формирования уважения и доверия к властным институтам, так и в обеспечении повышения уровня эффективности государственной власти. Правовая образованность формирует определенную основу правовой культуры лиц, находящихся у власти, их способность грамотно и ответственно руководствоваться законодательством, а также осуществлять управленческую деятельностью на благо народа. При этом уровень правовой культуры представителей властных структур зависит от различных социально-правовых, организационных, управленческих факторов и от уровня культуры вообще.

Отметим, что для повышения уровня правового сознания и правовой культуры государственных служащих, чиновников различных уровней, на наш взгляд, необходимы действия, которые несут следующий характер: прежде всего, постоянное совершенствование законодательной составляющей; систематическое проведение курсов повышения квалификации и профессиональной подготовки, а также переподготовки государственных служащих, направленной на выявление минусов в правовой

грамотности и повышение качества правового воспитания, в том числе, важность обращения отдельного внимания на уровень нравственной составляющей и моральный образ чиновников и государственных служащих при процессе их поступления на службу [4].

На основании вышесказанного в данной работе, следует сделать вывод, что проблема правового сознания, правовой культуры, а соответственно, правового нигилизма является действительно актуальной для современного российского государства и общества. Задача государственных институтов, общественных организаций и самого российского общества – бороться различными способами с таким негативным проявлением, как правовой нигилизм. Борьба с правовым нигилизмом будет считаться важным шагом и этапом с точки зрения повышения правового сознания, правовой культуры населения, а также с позиции построения правового государства и гражданского общества. Способы противодействия правовому нигилизму, описанные в данной статье, с нашей точки зрения, действительно будут эффективно препятствовать правовому нигилизму и вести борьбу с данным негативным явлением. Конечно же, проблема правового нигилизма, борьбы общества с ним требуют дальнейшего тщательного детального анализа.

Список источников

1. Антоненко Т.А., Милявская Ю.В. Демократия и форма государства (часть I) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019 № 5 (108). С. 17-22;
2. Смоленский М.Б. Российское право в условиях современной глобализации: социокультурный аспект, перспективы развития, связь с международным правом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021 № 2 (129).
3. Милявская Ю.В. Конституционализм и конституция в демократическом государстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 3 (142);
4. Склифус С.В. Правосознание и правовая культура государственных служащих как показатель эффективности деятельности власти // Вторая Всероссийская национальная научно-практическая конференция "Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности". ФГБОУ ВО РГУПС Ростов-на-Дону, 2018. С.256-261

References

1. Antonenko T.A., Milyavskaya Y.V. Democracy and the form of the state (part I). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): (In Russ.)
2. Smolensky M.B. Russian law in the context of modern globalization: socio-cultural aspect, development prospects, connection with international law. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): (In Russ.)
3. Milyavskaya Yu.V. Constitutionalism and constitution in a democratic state. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): (In Russ.)
4. Sklifus S.V. Legal consciousness and legal culture of civil servants as an indicator of the efficiency of the power. The Second All-Russian National Scientific and Practical Conference "Economic and Legal Mechanisms for Ensuring National Security". Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RGUPS Rostov-on-Don, 2018. P.256-261

Информация об авторе

С.В. Склифус – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

S.V. Sklifus – candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted ; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023

Научная статья
УДК 340

Правовые основы государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: история и современность

© М.П. Тишаков, 2023

Тишаков Максим Петрович
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия.
тmaxim7@yandex.ru

Аннотация. В исследовании с историко-правовых позиций содержательно рассматривается и акцентируется внимание на отдельных этапах трансформации правовых основы государственной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения. Отмечается, что политика государства в исследуемой сфере за столетний период характеризуется значительными преобразованиями, поиском наиболее оптимальных и эффективных путей снижения дорожно-транспортного травматизма и выработкой стратегических программ дальнейшего развития.

Ключевые слова: аварийность, безопасность дорожного движения, государственная политика, дорожный травматизм

Для цитирования: Тишаков М.П. Правовые основы государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: история и современность // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.52-56

Original article

Legal foundations of state policy in the field of road safety: history and modernity

© M.P. Tishakov, 2023

Maksim P. Tishakov
Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. тmaxim7@yandex.ru

Abstract. The study, from a history-of-law standpoint, substantively examines and focuses on individual stages of the transformation of the legal framework of state activities to ensure road safety. It is noted that the state policy in the area under study over a century has been characterized by significant transformations, the search for the most optimal and effective ways to reduce road traffic injuries and the development of strategic programs for further development.

Keywords: accident rate, road safety, government policy, road injuries

For citation: Tishakov M.P. Legal foundations of state policy in the field of road safety: history and modernity. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 52-56 (In Russ.)

Сфера обеспечения безопасности дорожного движения уже на протяжении последних десятилетий является одной из наиболее актуальных задач подавляющего большинства государств мира. Тем не менее, данная проблема, в силу ее сложности и многоаспектности, наличия значительного количества причин и факторов, требует постоянного поиска наиболее оптимальных путей решения, уменьшения влияния негативных аспектов автомобилизации, повышения эффективности принимаемых мер в сфере противодействия аварийности на автотранспорте.

Современная государственная политика по обеспечению безопасности дорожного движения прошла довольно тернистый путь своего становления и развития. Как известно, политика неразрывна с правом, ведь именно от наличия или отсутствия правового регулирования можно говорить о самой политике либо о произволе [1, с. 383]. Данный подход свойственен и государственной политике в разнообразных сферах, в том числе в рассматриваемой области – обеспечении безопасности дорожного движения, приобретающей все более важное значение в современных условиях.

Проблема противодействия аварийности на автотранспорте уже давно вышла за рамки государств. Ежегодно во всем мире в дорожно-транспортных происшествиях, согласно сведениям Всемирной организации здравоохранения, погибает около 1,3 миллиона человек [2]. А ведь в начале 1990-х годов данные показатели находились на уровне 250 тысяч погибших в год [3, с. 3]. Такие негативные тенденции потребовали незамедлительного приложения значительных усилий всего мирового сообщества. Поэтому еще в 2010 году Организацией Объединенных Наций принята Резолюция, провозгла-

сившая 2011–2020 годы «Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения» [4]. А учитывая значимость проблемы, Генеральная Ассамблея 2021–2030 годы провозгласила вторым аналогичным Десятилетием [5], что еще раз подчеркивает важность данного вопроса для всего мирового сообщества. С учетом сложности и многоаспектности обеспечения безопасности дорожного движения в каждой стране затронутой проблематике должно уделяться первостепенное внимание на государственном уровне.

Отечественная государственная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, в отличие от ряда зарубежных государств, прошла несколько меньший путь своего развития, что сказывается и на ее правовых основах. В первую очередь это обусловлено более поздним периодом начала активной автомобилизации и его менее интенсивного проявления, до недавнего времени. В России на дореволюционном этапе проблематика обеспечения безопасности дорожного движения не имела особой актуальности, ведь автомобильный парк страны имел довольно незначительное количество [6, с. 5]. Даже темпы автомобилизации Советского Союза значительно отставали от общемировых показателей. Только за последние десятилетия количество автомобилей на душу населения в России стало приближаться к наиболее развитым мировым державам.

Во-вторых, следует также акцентировать внимание и на специфике самой государственной политики, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения, которая до недавнего времени не находила своего отдельного нормативного закрепления и использования программно-целевого подхода. Примечательно, что в СССР отсутствовал единый законодательный акт, регламентирующий правоотношения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В свою очередь правовая регламентация отдельных аспектов государственной политики в данной сфере на общегосударственном уровне находила свое отражение в различных подзаконных актах, в основном это были постановления правительства, а также ведомственные приказы.

С другой стороны, появление советского государства значительно активизировало процессы автомобилизации, что, конечно же, требовало соответствующего правового регулирования. Однако специфика автомобилизации вызывала в первую очередь необходимость наличия дорог с твердым покрытием для круглогодичного использования, соответствующего технического обеспечения, водительских кадров, заправочных станций. Все это обусловило появление автотранспорта и его высокой концентрации в первые годы советской власти в крупных городах, среди которых наиболее подходящими для этого были Петроград (Ленинград) и Москва. Однако необходимо учитывать и тот факт, что в силу географических, социально-экономических и демографических факторов, первыми с негативными аспектами автомобилизации столкнулись именно данные мегаполисы, которые начали внедрять соответствующие организационно-правовые меры.

Принятие различных актов местного значения, которые в последующем оказывали влияние на государственную политику в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, свидетельствует об отсутствии единого подхода в данной сфере в первые десятилетия советской власти. С другой стороны, уже в 1930-е годы проблема аварийности на автотранспорте стала приобретать угрожающие масштабы и оказывать негативное влияние, что обусловило создание 3 июля 1936 года Государственной автомобильной инспекции НКВД СССР, которая, имея надведомственные полномочия, стала активно реализовывать ключевые аспекты государственной политики по противодействию аварийности на автотранспорте, упорядочению автомобильного движения, выработке соответствующих типовых правил, установлению основ подготовки водительских кадров и т.п.

К тому же, как в свое время отмечал Главный государственный автомобильный инспектор МВД СССР: «Оценивая значение обеспечения безопасности дорожного движения в социальном плане, следует отметить, что эта проблема имеет специфические особенности, ее решение выходит за рамки ведомственной деятельности и носит широкий социальный характер» [6, с. 7]. Это, конечно же, обуславливало наделение Госавтоинспекции функциями надведомственного характера и предопределило ее роль как центрального органа в реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Конечно, к реализации программно-целевого подхода государственной политики в обозначенной сфере государство пришло не сразу. Необходимо отметить тот факт, что даже первые советские правила дорожного движения, принятые столетие назад, основывались на местных правилах. Так, Правительством, в силу значимого характера, было высоко оценено постановление исполкома Моссовета от 28.05.1920 г. «Об урегулировании автомобильного движения по городу Москве». Поэтому, с целью усиления государственного управления автомобильным транспортом данному совету было дано поручение на создание комиссии, с целью разработки проекта правил движения. В кратчайшие сроки – к 10.06.1920 г. результатом данной деятельности стал проект, который был незамедлительно утвержден декретом Правительства РСФСР «Об автодвижении по городу Москве и ее окрестностям» [7, с. 37-38]. Данные, первые, советские правила дорожного движения состояли из нескольких десятков пунктов.

Именно 1920-е годы по праву можно считать началом становления отечественных правил дорожного движения, при этом наиболее весомую роль в формировании и установлении правовых норм для участников дорожного движения играли органы местной власти, которые непосредственно своими решениями определяли порядок и особенности движения транспорта и пешеходов.

В дальнейшем, циркуляром Главного Управления РК Милиции НКВД СССР 20 апреля 1940 г были утверждены соответствующие типовые правила движения [8]. На основе данных правил начальниками УРКМ разрабатывались региональные правила движения для республик, краев и областей, которые представлялись на утверждение в местных советах. Действовавшие на тот период правила уличного движения корректировались в соответствии с типовыми правилами, в них вносились надлежащие дополнения и изменения исходя из местных условий. В соответствии с циркуляром Главного управления милиции было предписано организовать изучение правил уличного движения со всем составом милиции, а также принять меры к организации изучения правил водителями транспорта и популяризации их среди пешеходов.

В заключительном разделе типовых правил указывалось, что водители авто-мототранспорта, трамваев и троллейбусов, а также начальники гаражей (парков), руководители учреждений, организаций, предприятий, которым принадлежит транспорт, индивидуальные владельцы и другие лица, ответственные за состояние и эксплуатацию транспорта, виновные в нарушении правил, подвергаются взысканиям налагаемые Государственной автомобильной инспекцией управления милиции, а в случаях, предусмотренных законом, привлекаются к уголовной ответственности. В свою очередь, пешеходы, велосипедисты и водители гужевого транспорта привлекались к ответственности за нарушение Правил в порядке, предусмотренном постановлением местных советов депутатов трудящихся. Например, Постановление №29 Исполкома Сталинского Облсовета от 31 октября 1940 г., утверждавшего «Правила движения по дорогам в городах и селах Сталинской области», которое после освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков было в последующем продлено [9, л. 157], обязательное постановление №13 Исполкома Ворошиловградского городского совета от 11 октября 1943 года «О правилах движения пешеходов, автотранспорта, гужтранспорта и велосипедов по г. Ворошиловграду» [10, л. 6], обязательное постановление Исполкома Сталинского городского совета №3 от 11 февраля 1948 г. [11], Решение №763 исполкома Сталинского областного совета от 25 мая 1951 год «О правилах уличного движения в городах, населенных пунктах и на дорогах Сталинской области» [12, л. 320] и т.д. Данный порядок принятия правил дорожного движения просуществовал еще два десятилетия.

Дальнейших ход событий засвидетельствовал необходимость расширения правовых основ функционирования сферы обеспечения безопасности дорожного движения, унификации существующих правил не только внутри государства, но и с учетом складывающихся международных требований. Уже в августе 1959 года Советский Союз стал участником Конвенции о дорожном движении 1949 года и Протокола о дорожных знаках и сигналах, что, конечно же, потребовало внесения соответствующих корректив на общесоюзном уровне. Этому способствовало и значительное увеличение межрегиональных перевозок автотранспортом, как грузов, так и пассажиров. В итоге Правительство СССР приняло вполне обоснованное и логическое решение о необходимости скорейшей разработки и принятия единых общегосударственных правил дорожного движения, которые бы отвечали складывающейся обстановке на дороге, соответствовали международным тенденциям, а также позволили консолидировать усилия всех органов власти по обеспечению безопасности дорожного движения.

В результате уже к 11.01.1960 г. приказом №25 МВД Советского Союза утверждены общегосударственные Правила движения по улицам и дорогам страны, которые вступили в действие 1 января 1961 года [13, с. 79]. Таким образом, данные Правила завершили собой сорокалетний период, когда основным документом, регулирующим порядок организации дорожного движения и обеспечения его безопасности на территории советского государства, являлись местные правила дорожного движения, которые хоть и были унифицированы в ключевых вопросах, тем не менее, отличались значительным разнообразием и спецификой.

В целом политика государства в области обеспечения безопасности дорожного движения начала приобретать централизованный и более прогрессивный характер в послевоенные годы. Общесоюзное законодательство в военный период не имело детальной правовой регламентации по вопросам предотвращения аварийности на автотранспорте. Правовые основы по обеспечению безопасности дорожного движения зачастую формировались на республиканском уровне [14, с. 19]. Ведь первый акт общесоюзного значения, отражавший особенности государственной политики в данной сфере, в частности вопросы борьбы с аварийностью, появился только в 1959 году [15].

В 1963 году также было принято «Типовое положение о Государственной автомобильной инспекции Министерства охраны общественного порядка союзной республики» [16], которое стало олицетворением новых подходов государства по обеспечению безопасности дорожного движения.

В дальнейшем, учитывая все более весомую и возрастающую роль автомобильного транспорта в социально-экономической сфере, увеличение его интенсивности использования и как следствие рост аварийности, на правительственном уровне принимались соответствующие акты по стабилизации ситуации. В частности – Постановления Правительства Союза ССР, которые очерчивали основные векторы государства в сфере повышения безопасности движения (1967 г.), принятии дополнительных мер в данном направлении (1972 г.), предотвращении дорожно-транспортных происшествий при перевозках пассажиров (1973 г.), предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий» (1976 г.), а также обеспечении безопасности движения на автомобильном и железнодорожном транспорте (1988 г.) и многие другие ведомственные нормативно-правовые акты.

Последующие процессы трансформации государственности на рубеже 80–90-х гг. XX века, отразились на всей общегосударственной системе управления, не обошло это внимание и обеспечение безопасности дорожного движения, а существующие организационно-правовые подходы не смогли в полной мере удовлетворить проблемы все возрастающей автомобилизации, и как следствие дорожной аварийности.

На современном этапе, стоит отметить смену подходов государства по обеспечению безопасности дорожного движения, особенно это проявилось в принятии первого за всю долгую историю автомобилизации страны соответствующего законодательного акта – «О безопасности дорожного движения», в котором законодателем целая глава посвящена государственной политике в обозначенной сфере. В результате произведенных преобразований в настоящее время наблюдается переход к стратегическому, долгосрочному планированию, постепенному и целенаправленному повышению безопасности дорожного движения, принятии и выполнении соответствующих национальных целевых программ и стратегии безопасности дорожного движения, а также дальнейшей активизация усилий в данном направлении.

Следует отметить вывод специалистов, что проблема предотвращения дорожно-транспортных происшествий является комплексной, что обуславливает сосредоточение совместных усилий различных государственных органов, предприятий и организаций [3, с. 4]. В то же время, современные технологии позволяют эффективно решать многие проблемы в сфере противодействия аварийности, которые ни один десяток лет не находили своего должного разрешения, на что и должно быть акцентировано последующее внимание государственной политики в обозначенной сфере безопасности дорожного движения.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что за более чем столетнюю историю отечественная государственная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения прошла сложный эволюционный путь своего развития, который характеризуется отсутствием должной централизации на первоначальном этапе становления, поиском наиболее оптимальных путей развития и необходимости выработки общегосударственной стратегии безопасности дорожного движения.

Список источников

1. Юридический словарь / автор-сост. А.Ф. Никитин. М., 2004.
2. Дорожно-транспортные травмы // URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries (дата обращения: 25.11.2022).
3. Россинский Б.В. Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения: (тенденции, проблемы и перспективы развития): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
4. Повышение безопасности дорожного движения во всем мире: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 2 марта 2010 года №64/255 // URL: https://undocs.org/ru/A/RES/64/255 (дата обращения: 25.11.2022).
5. Повышение безопасности дорожного движения во всем мире: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 августа 2020 года №74/299 // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/226/33/pdf/N2022633.pdf?OpenElement (дата обращения: 25.11.2022).
6. Лукъянов В.В. Безопасность дорожного движения. 2-е изд., М.: Транспорт, 1983.
7. История ГАИ: К 60-летию Госавтоинспекции МВД России / М.Б. Афанасьев, Л.А. Кочетов, Б.В. Россинский и др. М., 1996.
8. Типовые правила движения по улицам и дорогам Союза ССР. Москва, 1940.
9. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 120.
10. Луганский государственный архив. Ф. Р-693. Оп. 3. Д. 2.
11. Правила уличного движения по городу Сталино / Сост. Д.В. Башлаев. Сталино, 1948.
12. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 660.
13. Золотая книга Госавтоинспекции в 3-х томах. Том I. М., 2006.
14. Тишаков М.П. Государственная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в первые послевоенные годы // Юридическая наука. 2020. №7.

15. Об усилении борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте: Постановление Совета Министров СССР от 16 июля 1959 года № 793. URL: http://docs.cntd.ru/document/765713503 (дата обращения: 25.10.2022).

16. Об утверждении Типового положения о Государственной автомобильной инспекции Министерства охраны общественного порядка союзной республики: Постановление Совета Министров СССР от 30 сентября 1963г. №1022 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1963. №19. Ст. 193.

References

1. Legal dictionary / author-comp. A.F. Nikitin. M., 2004. 640 p. (In Russ.)
2. Road traffic injuries. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries [Accessed 25 November 2022]. (In Russ.).
3. Rossinsky B.V. State road safety system: (trends, problems and prospects of development): autoref. dis. ... Dr. yurid. M., 1993. (In Russ.).
4. Improving global road safety: UN General Assembly Resolution of March 2, 2010 №64/255. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/64/255 [Accessed 25 November 2022]. (In Russ.).
5. Improving global road safety: UN General Assembly Resolution of August 31, 2020 №74/299. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/226/33/pdf/N2022633.pdf?OpenElement 255 [Accessed 25 November 2022]. (In Russ.).
6. Lukyanov V.V. Road safety. 2nd ed., Moscow: Transport, 1983. 262 p. (In Russ.).
7. The history of the traffic police: To the 60th anniversary of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia / M.B. Afanasyev, L.A. Kochetov, B.V. Rossinsky and others M., 1996. (In Russ.)
8. Standard rules of traffic on the streets and roads of the USSR. – Moscow, 1940. (In Russ.).
9. Donetsk State Archive. F. R-2794. In. 1. A. 120. (In Russ.)
10. Lugansk State Archive. F. R-693. In. 3. A. 2. (In Russ.)
11. Rules of street traffic in the city of Stalino / Comp. D.V. Bashlaev. Stalino, 1948. (In Russ.).
12. Donetsk State Archive. F. R-2794. In. 1. A. 660. (In Russ).
13. The Golden Book of the State Traffic Inspectorate in 3 volumes. Volume I. M., 2006. (In Russ.).
14. Tishakov M.P State policy in the sphere of ensuring road safety in the first post-war years // LegaL Science. 2020. №7. (In Russ).
15. On strengthening the fight against accidents in road transport: Resolution of the Council of Ministers of the USSR № 793 of July 16, 1959. URL: http://docs.cntd.ru/document/765713503. URL: [Accessed 25 November 2022]. (In Russ.).
16. On approval of the Model Regulation on the State Automobile Inspection of the Ministry of Public Order Protection of the Union Republic: Resolution of the Council of Ministers of the USSR of September 30, 1963 №. 1022 // Collection of Resolutions of the Government of the USSR. 1963. №. 19. St. 193. (In Russ.).

Информация об авторе

М.П. Тишаков – кандидат юридических наук

Information about the author

M.P. Tishakov – Candidate of Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 6.12.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 6.12.2022; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 28.02.2023

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 349.3

Принцип законности в сфере социального обеспечения: актуальные направления исследования и проблемы реализации

© И.В. Абдурахманова, А.Н. Сетраков, 2023

Ирина Вениаминовна Абдурахманова[1], Александр Николаевич Сетраков[2]
[1] Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия. ira_rd@rambler.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия. aleksandr–maior@inbox.ru

Аннотация. В статье актуализировано исследование принципа законности в сфере социального обеспечения с учетом современных социально-экономических, общественно-политических и цифровых реалий. Авторы исходят из того, что социальное обеспечение является формой реализации социальной политики и социальной функции государства, направленной на гарантированную Конституцией Российской Федерации социальную защиту граждан. В статье сформулированы факторы, негативно влияющие на реализацию принципа законности в сфере социальной защиты, в целом, и социального обеспечения, в частности.

Ключевые слова: законность, социальная политика, социальное государство, социальное обеспечение, социальная защита граждан, социальные права граждан, цифровизация

Для цитирования: Абдурахманова И.В., Сетраков А.Н. Принцип законности в сфере социального обеспечения: актуальные направления исследования и проблемы реализации // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.57-62

Original article

The principle of legality in the field of social security: current research directions and problems of implementation

© I.V. Abdurakhmanova, A.N. Setrakov, 2023

Irina V. Abdurakhmanova[1], Alexander N. Setrakov[2]
[1] Rostov State University of Economics, Rostov–on–Don, Russia. ira_rd@rambler.ru
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia. aleksandr–maior@inbox.ru

Abstract. The article actualizes the study of the principle of legality in the field of social security, taking into account modern socio-economic, socio-political and digital realities. The authors proceed from the fact that social security is a form of implementation of social policy and social function of the state aimed at the social protection of citizens guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The article formulates factors that negatively affect the implementation of the principle of legality in the field of social protection in general and social security in particular.

Keywords: legality, social policy, welfare state, social security, social protection of citizens, social rights of citizens, digitalization

For citation: Abdurakhmanova I.V., Setrakov A.N. The principle of legality in the field of social security: current research directions and problems of implementation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):57-62 (In Russ.)

Вопросы, связанные с реализацией принципа законности в сфере социального обеспечения, обладают на современном этапе особой актуальностью. Теоретическая значимость исследования обусловлена разработкой и теоретико-концептуальным обоснование принципиально новой модели социального обеспечения в новых геополитических, финансово-экономических, технологических, цифровых реалиях. Данная проблема является интегративной, поскольку находится на стыке теоретико-правовой и отраслевых наук: конституционного, гражданского, трудового права. Кроме того, сама категория законности нуждается в более детальном анализе в теоретико-правовом аспекте.

Проблема обеспечения законности в сфере социальной защиты и социального обеспечения в значительной степени актуализирована новым вектором социальной политики государства. Это социальные гарантии и социальная защита участников специальной военной операции и членов их семей.

Несмотря на неотложность разработки и реализации государственных мер в этом направлении, все эти вопросы требуют научного концептуального осмысления.

Новые аспекты актуальности соблюдения и защиты прав граждан, в том числе и в социальной сфере, обусловлены и денонсацией Российской Федерацией целого ряда международных договоров.

Реализация социальной политики, в целом, и социального обеспечения, в частности, обусловлена в значительной степени принципом законности, который закреплен Конституцией в качестве основы конституционного строя. Само понятие законности как основы социальной защиты и социального обеспечения сегодня тоже нуждается в переосмыслении в новых цифровых и финансовых реалиях, как и способы ее обеспечения. Цифровизация, с одной стороны, расширяет возможности социального обеспечения, с другой – порождает угрозы нарушения прав из-за несовершенства информационных систем. В этой связи законодательство в этой сфере должно акцентировать внимание на гарантии прав и законных интересов граждан.

Говоря о законности применительно к социальной сфере, необходимо исходить из закрепленного Конституцией социального характера государства, значимости социальной политики и социального обеспечения в современных условиях активизации дестабилизирующих факторов внутреннего и внешнего происхождения. Принцип законности, закрепленный статьей 15 Конституции РФ, означает деятельность государственных органов и иных субъектов строго в соответствии с законом, обязательное соблюдение всеми Конституции и иных нормативно-правовых актов. Это распространяется и на деятельность государства в реализации социальной политики. Она имеет приоритетный статус особенно сегодня, что получило закрепление в редакции Основного закона от 01 июля 2020 г. Многие из этих поправок непосредственно затрагивали сферу социальных прав граждан. Социальное обеспечение является формой реализации социальной политики, социальной функции государства, направленной на социальную защиту граждан. По мере реализации новых правовых норм, направленных на защиту прав участников специальной военной операции и членов их семей, вопросы законности приобретают особую значимость.

Законность как принцип деятельности государственных органов и учреждений распространяется на законодательную, исполнительную и судебную власть. Взаимный контроль ветвей власти, предусмотренный Конституцией и иными актами, тоже призван обеспечить реализацию законности, что приобретает особое значение, поскольку вопросы социального обеспечения находятся в ведении как законодателей, так и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях.

Как подчеркивают ученые, «законность является одновременно и принципом, и требованием, индикатором уровня демократизма и социальности государства» [1, с.23]. При разработке проекта действующей Конституции Российской Федерации обеспечению законности и правопорядка отводилось особое место. Имелось ввиду соблюдение предписаний закона всеми физическими и юридическими лицами, включая органы государственной власти. Соблюдение законов рассматривалось как взаимная обязанность граждан и государства, как важное условие взаимной ответственности личности и государства, как основа гражданского общества. Соблюдение законности является условием реализации приоритетов государственной политики, среди которых на первом месте по значимости стоят социальные. Как пишет Е.В. Колесников, «универсальный характер законности предполагает единство правовой и судебной системы Российского государства, прямое действие Конституции и законов, гарантированность закона, прав и свобод человека» [1, с.24].

Подзаконность законодательных органов власти означает конституционный запрет принятия «неправовых» законов, то есть тех, которые противоречат положениям о правах и свободах человека и гражданина. Кроме того, не допустимо принятие нормативных и правоприменительных актов, противоречащих Основному закону государства.

Совершенствование законодательства о социальном обеспечении граждан позволит более полно реализовать принцип законности и в отношении деятельности соответствующих органов власти, и в отношении реализации гражданами своих социальных прав и их защиты.

Вопросы повышения эффективности социальной защиты актуальны всегда в силу конституционного статуса норм о праве граждан на социальное обеспечение и приоритетов государственной политики. Однако на современном этапе эта проблема еще более актуальна по причине новых вызовов и угроз, которые стоят перед нашим государством и всеми без исключения сферами его функционирования. Это и экономические, и геополитические, и социокультурные вызовы, связанные, например, с масштабными экономическими санкциями. Это не только вызовы государственному суверенитету, безопасности, экономике и финансовой системе, но и социальной сфере, включая социальную защиту и социальное обеспечение. Новые вызовы ставят перед государством задачу экстренно реагировать и принимать решения, в том числе и социального значения, в чрезвычайных условиях.

Согласимся с мнением специалистов, что негативные последствия санкций уже очевидны, а многие из них, как полагают специалисты, будут иметь отложенный характер [2, с.12]. В этой связи значительным потенциалом обладает исследование опыта реализации социальной политики, направ-

ленной на минимизацию негативных последствий для граждан, периода пандемии. Тогда государство путем мер дополнительной поддержки смогло обеспечить защиту наиболее уязвимых групп населения, особенно семей с детьми. Даже в этих условиях государство должно решать задачи по предупреждению бедности и гарантированию каждому гражданину и каждой семье достойных условий жизни. Тогда снижение и потеря доходов были обусловлены ограничениями по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия граждан. Выход был найден во введении социальных выплат и натуральной помощи безработным, гражданам старше 65 лет, семьям с детьми. Меры были предусмотрены как на федеральном, так и региональном уровнях.

На современном этапе может быть использован опыт, когда дополнительные виды социального обеспечения исходят из оценки рисков данной конкретной ситуации. Сегодня перед органами государственной власти в связи с проведением специальной военной операции помимо задачи по минимизации рисков стоит еще и задача реализации новых нормативно-правовых актов о социальных гарантиях и социальной защите мобилизованных граждан и членов их семей, а также всех участников СВО Это, безусловно, порождает новые аспекты законности в сфере социальной защиты и социального обеспечения, которые нуждаются в осмыслении. Повышение уровня жизни наименее защищенных категорий граждан по-прежнему остается актуальным, несмотря на сложные геополитические, финансовые и иные проблемы и вызовы, с которыми наше государство никогда прежде не сталкивалось.

На протяжении ряда лет обозначились проблемы, которые определяют и проблемы права социального обеспечения, и направления их преодоления. Это и цифровизация, и необходимость адресности оказания социальной государственной помощи, и необходимость повышать эффективность работы негосударственных пенсионных и иных фондов. Определенные проблемы породила и пандемия, которая привела к существенным новшествам в социальном законодательстве для защиты наиболее уязвимых в этих условиях групп населения. Кроме того, динамизм законодательства порождает проблемы правоприменения, исполнения новых предписаний. И здесь контроль за соблюдением законности особо важен.

Чтобы обеспечить законность в новых реалиях, необходим анализ тенденций и перспектив развития законодательства в сфере социального обеспечения. Обеспечение законности в новых условиях имеет особенности. Новые тенденции развития законодательства, новые направления политики порождают новые аспекты обеспечения законности. При этом даже оперативное реагирование на новые вызовы должно быть обоснованным, а критерии – взвешенными и обоснованными.

Рассмотрим наиболее значимые проблемы, тенденции и перспективы развития законодательства о социальном обеспечении в новых реалиях. Уже на протяжении ряда лет социальная сфера подвержена изменениям, вызванным цифровизацией экономики. Ее влияние, как отмечают специалисты, довольно противоречиво. С одной стороны, цифровизация расширяет возможности реализации и защиты социальных прав. С другой – порождает угрозы нарушения прав из-за несовершенства информационных систем. В этой связи законодательство в этой сфере должно акцентировать внимание на гарантиях прав и законных интересов граждан. В этот процесс необходимо вовлекать всех субъектов хозяйственной деятельности, включая и тех, кто еще не охвачен системой обязательного социального страхования: самозанятых и фрилансеров.

С развитием технологий преобразуется и вся социальная сфера. Чем более доходна экономика, тем более эффективны социальная политика и выполнение государством своих социальных обязательств. Это позволит сделать социальное обеспечение и социальную помощь более эффективными и адресными. Речь идет о совершенствовании механизмов оказания социальной поддержки населения, об устранении бюрократических барьеров. Проблема состоит в том, что законодательство о социальном обеспечении ориентировано на традиционные правоотношения по трудовому договору, на деятельность индивидуальных предпринимателей. На самозанятых оно не распространяется в полной мере. Работающие в онлайн-платформах не получают социального обеспечения на достаточном уровне, а системы социального страхования дестабилизируются.

Необходимо вовлекать новых субъектов в систему социального обязательного страхования, менять порядок уплаты страховых взносов индивидуальными плательщиками. Например, индивидуальные предприниматели, адвокаты, нотариусы выплачивают страховые взносы в обязательном порядке на пенсионное страхование; в добровольном – на социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и по материнству. А лица свободных профессий, которые тоже получают доход, не охвачены системой социального страхования. Это касается и так называемых зависимых самозанятых, которые тоже пользуются здравоохранением, получают пенсии.

Еще одно новшество, связанное с цифровой экономикой, это расширение электронного взаимодействия граждан с органами государства по социальному обеспечению, бесконтактное получение социальных услуг. В этой связи возникает одновременно и правовая, и техническая проблема защиты от неправомерного доступа к персональным данным. Обозначилась и проблема злоупотребления информацией со стороны негосударственных пенсионных фондов. Подобные нарушения зафиксированы

и стали предметом судебных разбирательств, в ходе которых граждане смогли возместить ущерб, возникший при переходе из одного фонда в другой. Как пишет О.В Чесалина, «дистанционные электронные сервисы, используемые Пенсионным фондом, не являются совершенными и не позволяют исполнить удаленно идентификацию гражданина, установления его волеизъявления» [4, с.58]. Возникает связанная с обеспечением законности задача устранить возможность использования мошеннических схем при переходе из фонда в фонд.

Единый портал государственных услуг существенно упростил предоставление государственных социальных услуг. Однако цифровое сопровождение механизмов социального обеспечения нуждается в совершенствовании. Эти механизмы должны ориентироваться на индивидуальные потребности граждан. В качестве перспективного направления совершенствования законодательства назовем использование потенциала искусственного интеллекта по обобщению больших баз данных, что позволит создать алгоритмы адресности мер социальной поддержки, расширить критерии получателей, дифференцировать их. Цифровые технологии могли бы использоваться для анализа и оценки нуждаемости каждой конкретной семьи в тех или иных видах социального обеспечения.

Недостатком является отсутствие федерального нормативного акта, прописывающего методическое обеспечение оценки нуждаемости для предоставления в субъектах мер социальной защиты, поэтому правовое регулирование осуществляется региональными актами. Необходимо расширять использование цифровых технологий для оценки уровня имущественной обеспеченности граждан.

Цифровизация порождает новые риски социального характера, от которых государство обязано защитить своих граждан. Например, риск сокращения рабочих мест в результате роботизации и развития искусственного интеллекта; риск обесценивания профессиональной квалификации; появление новых форм занятости. Все эти риски требуют оценки с точки зрения обеспечения законности.

Цифровизация породила проблему сокращения и ликвидация рабочих мест. Исследователи называют цифру от 12 до 41 %. Это, безусловно, окажет негативное влияние на страхование по безработице и на стабильность систем социального страхования и социального обеспечения в целом. Сокращение числа застрахованных приведет к снижению взносов, нагрузка на социальное страхование значительно увеличится. В качестве способа минимизации данного риска в некоторых странах уже предлагается введение налога на роботов, за счет которых можно хотя бы частично восполнить финансовые потери.

Новые формы занятости должны привести к переосмыслению трудовых правоотношений и системы социального страхования. Это занятость в рамках интернет-платформ или мобильных приложений. По мере активизации форм самозанятых будет сокращаться число застрахованных, что представляет собой угрозу стабильности системы социального страхования. С другой стороны, возникает вопрос о социальном страховании тех, кто работает на интернет-платформах. Итак, цифровизация порождает ряд проблем в реализации права социального обеспечения, исходя из которых можно сформулировать направления совершенствования законодательства.

Еще одна группа проблем связана с недостаточной эффективностью деятельности уполномоченных органов, которые должны преодолевать дефекты законодательства. В этой связи необходимо активизировать мониторинг правоприменения, который должен стать основой совершенствования действующего законодательства.

Не менее существенной проблемой является, по мнению специалистов, отсутствие единых федеральных стандартов социальной помощи и социального обслуживания. Бремя ответственности за социальное обеспечение переложено на субъекты, которые в силу разницы бюджетных возможностей по-разному регулируют эти вопросы. Такие стандарты необходимо разрабатывать и вводить в действие, что позволит более полно реализовать на практике принцип законности в контексте равных прав граждан страны не зависимо от субъекта.

Одну из самых значимых проблем, негативно влияющих на реализацию принципа законности в этой сфере, ученые видят в разрозненности нормативно-правовых актов. Они доказывают необходимость кодификации сферы социального обеспечения, вполне обоснованно критикуя сложившуюся ситуацию, когда эти правоотношения регулируются 125 нормативными актами [5, с.88]. Они определяют порядок назначения государственных пенсий, обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, пожилых граждан, а также иных пособий и гарантий социального обеспечения граждан. Принятие соответствующего кодифицированного акта в очередной раз продемонстрирует приоритетность данной сферы в государственной политике и конституционализацию социальных прав.

Во многих странах и даже в субъектах РФ уже действуют аналогичные кодексы, практику применения которых необходимо изучать, обобщать и использовать. Так, социальный кодекс Волгоградской области систематизировал более 170 актов, что позволило устранить пробелы и противоречия, реализовать принципы адресности и нуждаемости. Это упростит применение, а следовательно, повысит эффективность реализации конституционных прав граждан в области социальной защиты.

Кодекс должен способствовать закреплению единого стандарта в данной области, повышению уровня социальных гарантий, стабилизации нормативной системы и позволит сформулировать перспективы развития социальной политики не только на ближайшую, но и отдаленную перспективу с учетом долгосрочных стратегий развития России в различных областях. Кроме того, работа по кодификации позволит внести актуальные изменения в действующее законодательство, редактировать коллизионные нормы и устранить выявленные пробелы.

Обеспечению законности в сфере социального обеспечения препятствуют терминологические разночтения. Анализ различных подходов к соотношению и взаимосвязи терминов доказывает наличие пробелов в понятийном аппарате, что, учитывая значимость этих правоотношений сегодня, просто недопустимо. Единообразие категориального аппарата позволит совершенствовать концепцию социальной защиты и социального обеспечения в новых реалиях, более эффективно достигать самой главной цели государственной политики – обеспечить достойный уровень жизни граждан. Речь должна идти не только об унификации терминологии, но и унификации данных правоотношений. Мы разделяем мнение специалистов, что необходимо в целях повышения эффективности реализации конституционных прав граждан по социальному обеспечению разработать единый нормативный документ, который будет закреплять единую систему социального обеспечения. В рамках этого законодательного акта можно было бы сформулировать и определение, и признаки социального обеспечения как элемента социальной защиты населения. Конституция же в силу своего политико-правового характера содержит только ориентиры, нуждающиеся в более конкретной регламентации.

Но, несмотря на разрозненную правовую базу, объем полномочий, степень участия в социальном обеспечении, главным принципом является принцип законности. Пока недостаточно определены и разработаны категории социальной защиты, социального обеспечения, их соотношение. Социальная защита может иметь объектом и те общественные отношения, которые выходят за рамки социального обеспечения. В условиях пенсионной реформы необходим кодифицированный акт, который позволит обеспечить защиту прав как пенсионеров, так и лиц предпенсионного возраста.

Еще одна проблема, которая препятствует эффективной реализации права социального обеспечения и обеспечению законности, связана с низким уровнем правосознания и правовой информированности граждан. Однако и сами должностные лица сталкиваются с целым рядом трудностей, которые проистекают из разрозненности законодательства. Вносимые поправки и изменения в законодательство о социальном обеспечении приводят к коллизиям, различным толкованиям, что недопустимо, поскольку это порождает различные нарушения закона и снижает эффективность социальной политики в целом. Ученые констатируют тенденцию дифференциации правового регулирования в зависимости от организационно-правовой формы (страховой или не страховой). Наряду с расширением государственной социальной помощи необходимо закрепить приоритет адресной социальной поддержки, определив более узкий круг нуждающихся лиц. Особенность правового регулирования права социального обеспечения – это его двухуровневый характер, поскольку социальное обеспечение относится к сфере совместного ведения федерации и ее субъектов.

Итак, в качестве направлений совершенствования законодательства в этой сфере назовем преодоление разбросанности правовых норм относительно социальных выплат, что существенно затрудняет правоприменение и снижает эффективность относительно поставленных задач. В действующем законодательстве не предусмотрен единый подход к бюджетным и внебюджетным источникам финансирования данных выплат. Основной задачей государственной социальной защиты должно стать социальное вспомоществование в форме долгосрочных программ помощи многодетным, престарелым, лицам с ограничениями по здоровью, а также в форме натуральной помощи. Они нуждаются в развитии в силу доступности как для государственных, так и частных организаций.

В контексте совершенствования законодательства по социальному обеспечению стоит задача децентрализации социальной защиты в целях передачи функций социальной защиты общественным организациям и местным властям. Важным направлением может стать создание новых социально ориентированных общественных движений и благотворительных организаций. Развитие новых форм социального обслуживания на местах должны сочетаться с формами централизованной политики. Это позволит обеспечить баланс рынка, экономических свобод и социальной справедливости.

Еще одним направлением совершенствования права социального обеспечения должно стать совершенствование механизмов защиты социальных прав граждан. Перспективным направлением в этой связи может стать специализация прокурорского надзора за соблюдением конституционного права на социальное обеспечение. В этом направлении необходимо создавать специальные отделы в органах прокурорского надзора в субъектах Российской Федерации. Дополнительные защитные функции должна взять на себя и Федеральная инспекция труда – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий контроль и надзор в сфере труда, социальной защиты населения и предоставления социальных гарантий.

Перспективно, на наш взгляд, уделить особое внимание совершенствованию досудебной защиты права на социальное обеспечение, поскольку она имеет ряд недостатков, к которым, в том числе, относится длительность разрешения судом социально-обеспечительных споров и низкий уровень осведомленности граждан. В качестве эффективного средства преодоления названных недостатков можно предложить развитие внесудебных способов защиты, которые позволят гораздо более оперативно восстанавливать законность в случае нарушения соответствующих прав граждан.

Список источников

1. Колесников Е.В. Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти // Российская юстиция. 2020. №5.
2. Гусева Т.С., Семянникова Д.А. Развитие российского законодательства о социальном обеспечении в условиях распространения коронавирусной инфекции // Социальное и пенсионное право. 2020. №4.
3. Каменская С.В. Социальное обеспечение граждан в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2021. №9
4. Чесалина О.В. Вызовы цифровой экономики для систем социального страхования и права социального обеспечения // Пермский юридический альманах. 2019. №1.
5. Буянова А.В., Куракин А.С. Социальный кодекс РФ как необходимая мера защиты прав граждан в свете новой пенсионной реформы // Законы России. 2020. №1

References

1. Kolesnikov E.V. Legality as a principle of organization and activity of state authorities. *Russian justice*. 2020. No.5 (In Russ.)
2. Guseva T.S., Semyannikova D.A. The development of Russian legislation on social security in conditions of the spread of coronavirus infection. *Social and pension law*. 2020. No. 4 (In Russ.)
3. Kamenskaya S.V. Social security of citizens in conditions of digital Economics. *Journal of Russian Law*. 2021. No.9 (In Russ.)
4. Chesalina O.V. Challenges of the digital economy for social insurance systems and social security law. *Perm Legal Almanac*. 2019.No. 1 (In Russ.)
5. Buyanova A.V., Kurakin A.S. The Social Code of the Russian Federation as a necessary measure to protect the rights of citizens in the light of the new pension reform. *Laws of Russia*. 2020. No. 1 (In Russ.)

Информация об авторах

И.В. Абдурахманова – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
А.Н. Сетраков – начальник кафедры специальных дисциплин

Information about the authors

I.V. Abdurakhmanova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
A.N. Setrakov – Head of the Department of Special Disciplines

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 15.03.2023. The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 15.03.2023

Научная статья
УДК 342.9:343.9

Проблемы реализации сотрудниками ГИБДД отдельных полномочий в области безопасности дорожного движения

© Н.В. Демченко, М.В. Богачева, 2023

Николай Викторович Демченко[1], Мария Валерьевна Богачева[2]
[1,2] Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия
[1] nvdemchenko@yandex.ru
[2] bogacheva.marya@yandex.ru

Аннотация. Реализация сотрудниками ГИБДД отдельных полномочий по обеспечению безопасности дорожного движения осуществляется в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, регламентирующих их деятельность. С целью выполнения сотрудниками ГИБДД возложенных на них функций, государство наделяет их определенными полномочиями. На сегодняшний день в действующем законодательстве существуют некоторые пробелы и коллизии реализации некоторых из них. С целью повышения показателей результативности и эффективности деятельности сотрудников ГИБДД необходимо устранить существующие пробелы, результатом которых будет являться достижение соответствующего уровня безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: сотрудники ГИБДД, полномочия по обеспечению безопасности дорожного движения, убеждение, принуждение, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Демченко Н.В., Богачева М.В. Проблемы реализации сотрудниками ГИБДД отдельных полномочий в области безопасности дорожного движения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С.63-68

Original article

On exercising of some powers by traffic police officers to ensure road safety

Nikolay V. Demchenko[1], Maria V. Bogacheva[2]
[1,2] Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia
[1] nvdemchenko@yandex.ru
[2] bogacheva.marya@yandex.ru

Abstract. The exercising by traffic police officers of certain powers to ensure road safety is carried out in accordance with the requirements of regulatory legal acts regulating their activities. In order to perform the functions assigned to them by traffic police officers, the state gives them certain powers. To date, there are some gaps and conflicts in the implementation of some of them in the current legislation. In order to improve the performance and efficiency indicators of traffic police officers, it is necessary to eliminate existing gaps, the result of which will be the achievement of an appropriate level of road safety.

Keywords: traffic police officers, powers to ensure road safety, persuasion, coercion, road safety

For citation: Demchenko N.V., Bogacheva M.V. On exercising of some powers by traffic police officers to ensure road safety. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 63-68 (In Russ.)

Безопасность дорожного движения – одна из важнейших составляющих безопасности общества в целом. Транспорт является наиболее востребованной сферой, поскольку каждый гражданин ежедневно пользуется услугами транспорта и неважно, личный это транспорт или общественный. В целом, транспорт выполняет важную функцию перемещения пассажиров и грузов, что особенно актуально в современном мире. Без использования транспорта развитие общества довольно сложно представить.

Однако наше государство заинтересовано не только в развитии транспорта, но и в обеспечении его безопасности. С этой целью государство создает специализированные подразделения и наделяет их соответствующими полномочиями. Ключевым подразделением в реализации данной деятельности выступает Государственная инспекция безопасности дорожного движения.

Данная служба известна нашему обществу достаточно давно: 3 июля 1936 года Совет Народных Комиссаров СССР постановлением № 1182 утвердил Положение о Государственной автомобильной инспекции. С этого момента всем известная служба и берет свое начало. Момент возникновения Государственной автомобильной инспекции неразрывно связан с интенсивными темпами развития автомобильного транспорта. Его стало настолько много, что появилась необходимость в разработке правил дорожного движения, при соблюдении которых обеспечивалась бы его безопасность. Однако не менее важным моментом было и то, что соблюдение правил дорожного движения должно контролироваться. Если в настоящее время этот процесс все больше и больше автоматизируют, устанавливая различные технические средства, например камеры, реагирующие на превышение водителем разрешенной скорости, то тогда научно-технический прогресс еще не знал таких достижений. Понятно было, что осуществлять контроль за соблюдением дорожного движения должны именно люди.

В то время сотрудники такого подразделения были элитой и наделялись полномочиями, которыми не обладал ни один другой сотрудник иного подразделения.

Времена постепенно менялись, изменения претерпевала и Государственная автомобильная инспекция. Их полномочия урезались, а задачи усложнялись, что обусловлено бурным развитием транспорта. Кроме того, выпускалось все больше и больше нормативных актов, регламентирующих деятельность инспекции. К сожалению, росло только количество, качество нормативных актов оставляло желать лучшего: многочисленные коллизии и пробелы вызывали большое количество споров, что значительно осложняло правоприменительную деятельность сотрудников автомобильной инспекции.

В настоящий момент времени вопросы обеспечения безопасности дорожного движения ничуть не утратили своей актуальности. Интенсивность развития транспортной отрасли нашего государства идет семимильными шагами, что требует соответствующего контроля со стороны государства. Такой контроль осуществляется государственной инспекцией безопасности дорожного движения, причем довольно результативно. Однако для достижения максимальной эффективности деятельности по контролю и надзору за соблюдением требований в области безопасности дорожного движения его участниками, необходимо совершенствовать правовую базу.

Деятельность ГИБДД осуществляется в соответствии с требованиями нормативных актов, регламентирующих деятельность данной службы, однако на сегодняшний день законодателем не устранены некоторые пробелы и коллизии. На наш взгляд, принятие мер по их ликвидации будет способствовать оптимизации деятельности ГИБДД, что повысит показатели её результативности и эффективности. Главным достижением деятельности по совершенствованию законодательства будет безопасность на дорогах.

Таким образом, актуальность данной тематики не вызывает сомнений, как и её необходимость.

С целью выполнения сотрудниками ГИБДД возложенных на них функций государство наделяет их определенными полномочиями.

Поскольку круг полномочий сотрудников ГИБДД по обеспечению безопасности дорожного движения довольно обширен, возникает вопрос о том, как именно их реализовывать. Совокупность средств, методов и приемов реализации полномочий сотрудников полиции представляют собой методы административной деятельности полиции. На сегодняшний день известны два таких метода, активно используемые сотрудниками ГИБДД.

Итак, свои полномочия сотрудники реализуют двумя основными методами административной деятельности – убеждением и принуждением.

Метод административной деятельности – это способ практического осуществления целей, выполнения задач и функций административной деятельности полиции. Вообще, методы отличаются друг от друга по своему внутреннему содержанию, но в принципе преследуют одну и ту же цель – обеспечить общественную безопасность.

Говоря о таком термине как «убеждение» в общем смысле, стоит отметить его многоаспектность, поскольку он встречается практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Убеждение представляет собой совокупность взглядов, мнение человека на конкретную проблему и его отношение к ней. В целом, убеждение можно обозначить как мировоззрение человека – система взглядов на мир. Убеждение формируется у человека на протяжении всей его жизни под влиянием различных факторов: ближайшего окружения, условий деятельности, обстановки в обществе и государстве. Немалую долю влияния на мировоззрение человека оказывает и существующая мода.

В административной деятельности полиции убеждение понимается как определенное психологическое воздействие, его объект при этом не лишен выбора насчет предпочитаемой модели поведения, в отличие принуждения. Цель такого метода – «убедить» лицо в том, что его поведение должно соответствовать требованиям субъекта, осуществляющего административную деятельность, а также закона. Отсюда вывод, что убеждение имеет профилактическую направленность и воспитательный характер, однако он далеко не всегда оказывается эффективным для воздействия на лиц, отличающихся девиантным поведением.

Убеждение и принуждение являются противоположными по своей природе: последний характеризуется насильственной направленностью, что напрочь отсутствует в первом методе.

Метод принуждения занимает центральное место в административной деятельности полиции несмотря на то, что законодатель указывает на превалирующую роль именно убеждения. Законодатель считает, что, прежде всего, применению подлежит метод убеждения, что выступает одной из гарантией реализации принципа гуманизма, являющимся основополагающим в деятельности современной полиции.

Не можем не согласиться с выдвинутой позицией, однако считаем необходимым указать на необходимость индивидуального подхода к каждому случаю. Порой промедление может стоить жизни самому сотруднику полиции или может создать угрозу для жизни других лиц, что недопустимо. В этой связи метод принуждения безусловно будет эффективнее и целесообразнее, нежели чем метод убеждения.

На наш взгляд, убеждение необходимо применять в случае угрозы совершения нарушения, не несущего большой общественной опасности, когда правонарушитель может отделаться лишь устным предупреждением. Кроме того, данный метод очень важен в работе с несовершеннолетними нарушителями, что также встречается в деятельности сотрудников ГИБДД.

Во всех остальных случаях применению подлежит принуждение, причем действия сотрудника полиции должны осуществляться твердо, уверенно и без промедления. Только при таком подходе возможно выполнить задачи, поставленные государством перед сотрудниками полиции.

Административное принуждение представляет собой метод государственного управления, состоящий в применении субъектами исполнительной власти установленных нормами административного и административно-процессуального права принудительных мер воздействия, направленных на обеспечение неукоснительного выполнения юридических обязанностей лицами в связи с совершением ими противоправных действий или при возникновении обстоятельств, угрожающих безопасности личности либо общественной безопасности [1].

Налицо насильственный характер метода принуждения, поскольку он реализуется независимо от воли и желания конкретного лица. Однако, метод принуждения реализуется строго в рамках закона.

В деятельности сотрудников ГИБДД наибольшее внимание отводится именно методу принуждения. Сотрудники Госавтоинспекции применяют меры административного принуждения ежедневно: останавливают транспортные средства, проверяют документы и др. Все эти действия объединяются общей целью обеспечения безопасности дорожного движения и осуществляются в соответствии с требованиями действующего административного законодательства.

При этом под действующим административным законодательством необходимо понимать не только КоАП РФ, но и нормативные акты ведомственного уровня. Например, Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения утвержденным приказом МВД России от 23 августа 2017 года № 664 [2], определяющий основания осуществления остановки транспортного средства, причем данный перечень исчерпаем.

Необходимо отметить, что механизм реализации некоторых административных мер, установленных Административным регламентом, имеет проблемные моменты, а потому нуждается в качественной доработке.

Так, в соответствии с п. 93 Административного регламента сотрудник вправе предложить участнику дорожного движения: выйти из транспортного средства (подп. 93.1), переместить транспортное средство в иное указанное сотрудником место (подп. 93.2) и занять место в патрульном автомобиле либо пройти в служебное помещение, когда его участие необходимо для оформления процессуальных документов [2].

Хотелось бы отметить преемственный характер Регламента, поскольку он в точности повторяет положения уже утратившего сила регламента. На наш взгляд, это не всегда уместно: законодательство необходимо качественно менять, а не переписывать те же самые положения в новых нормативных актах.

Так, основаниями для предложения водителю выйти из транспортного средства (подп. 93.1) являются: наличие у водителя признаков опьянения и (или) болезненного состояния; необходимость проведения личного досмотра, осмотра или досмотра транспортного средства и груза; когда требуется его участие в осуществлении процессуальных действий; для оказания помощи другим участникам дорожного движения или сотрудникам полиции и т.д. [2] В регламенте приводится исчерпывающий перечень таких оснований.

Если проанализировать содержание описанных выше положений, то определенные несостыковки вызывает слово «предложить водителю». Предложить – значит предоставить выбор, т.е. водитель может выйти из транспортного средства, а может и остаться в нем, поскольку закон это позволяет. На наш взгляд, это недопустимо: не может быть диспозитивности в документе, содержащем четкую регламентацию. Кроме того, это недопустимо в рамках обеспечения личной безопасности сотрудников ГАИ.

Предлагаем внести изменения в данный пункт Административного регламента, заменив слово «предложить» на «потребовать». Отсюда понятно, что требование не оставляет водителю выбора варианта поведения, диспозитивность нормы будет исключена. Кроме того, в данном положении нормативного акта будет исключена двусмысленность, что особенно важно для современного законодательства. Отсутствие возможности двусмысленно толковать норму способно предотвратить множество ошибок правоприменительной практики.

На наш взгляд, нормы, направленные на обеспечение безопасности дорожного движения, должны носить строго императивный характер, поскольку из безопасности дорожного движения вытекает безопасность человеческих жизней. Конституцией Российской Федерации жизнь человека провозглашена высшей ценностью [3], а потому ее сохранность должна обеспечиваться надлежащим образом.

Далее, положения Административного регламента будут более логичными, поскольку досмотр транспортного средства возможен только после того, как водитель с пассажирами покинут салон автомобиля. Следовательно, если водитель отказывается, то и досмотр не может быть проведен. Такая несуразица устраняется предложенными нами изменениями в законодательство. Если на водителя будет возложена обязанность выйти из автомобиля, то и вопросов с дальнейшим досмотром не должно возникнуть.

При дальнейшем изучении Административного регламента возникают вопросы касательно положений п. 93.2, содержащего основания, при наличии которых сотрудник ГИБДД вправе предложить участнику дорожного движения переместить транспортное средство [2].

Так, если транспортное средство в месте его остановки создает угрозу либо помеху другим участникам дорожного движения, сотрудник полиции обязан потребовать переместить транспортное средство в безопасное место. Данное основание вытекает из непосредственных обязанностей сотрудника полиции по обеспечению общественной безопасности и поддержанию правопорядка, предусмотренные Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [4].

Второе основание предполагает, что водитель может переместить транспортное средство в случае, если нахождение сотрудника ГИБДД на проезжей части при обращении к водителю создает угрозу личной безопасности сотрудника.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в данном пункте также необходимо изменить «вправе предложить» на «обязан потребовать». В данном случае двусмысленность толкования норм будет исключена, что значительно повысит эффективность деятельности сотрудников ГИБДД.

Не менее актуальным остается вопрос об обязанности водителя при нарушении требований БДД проследовать в патрульный автомобиль или в служебное помещение для составления протокола. Административный регламент указывает на то, что сотрудник ГИБДД вправе предложить водителю сделать это. Опять же, налицо создание возможности диспозитивного выбора для нарушителя.

В случае отказа составление протокола становится невозможным, что противоречит требованиям административного законодательства. В полномочия сотрудника полиции входит составление протокола об административном правонарушении в случае его совершения [5]. Кроме того, протокол составляется при обязательном участии нарушителя [6], поскольку требуются его подписи, что исключает возможность произвола со стороны сотрудников правоохранительных органов.

На практике инспектор ГИБДД чаще всего составляет протокол об административном правонарушении, находясь возле автомобиля нарушителя. При такой ситуации создается угроза личной безопасности сотрудника полиции, что недопустимо.

На наш взгляд, для устранения двусмысленности толкования норм об осуществлении производства по делу об административном правонарушении подпункт 93.3. рассматриваемого регламента требует изменений, в частности слово «предложить» необходимо поменять на «потребовать».

Права и обязанности сотрудников ГИБДД обусловлены общими задачами, которые определяются действующим законодательством Российской Федерации в сфере безопасности дорожного движения. Эти акты определяют основные понятия и положения. В зависимости от специфики того или иного региона издаются подзаконные и ведомственные нормативные акты, конкретизирующие основные положения для данного субъекта Российской Федерации.

При таком подходе обеспечение безопасности дорожного движения достигает максимальной результативности. Однако во всех нормативных актах, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, мы видим один и тот же недостаток – создание возможности диспозитивного выбора для водителя-нарушителя.

Обобщая вышесказанное, деятельность сотрудников ГИБДД реализует важнейшее направление государственной политики по обеспечению безопасности дорожного движения.

С этой целью сотрудники наделяются кругом определенных полномочий. Данные полномочия довольно разнообразны, поэтому вполне закономерно возникает вопрос о том, как именно необходимо реализовывать предоставленные полномочия. Средства и методы реализации полномочий сотрудников полиции получили название методов административной деятельности полиции. В настоящее время известны 2 таких метода – убеждение и принуждение.

В административной деятельности полиции убеждение понимается как определенное психологическое воздействие, его объект при этом не лишен выбора насчет предпочитаемой модели поведения, в отличие принуждения. Отсюда вывод, что убеждение имеет профилактическую направленность и воспитательный характер, однако оно далеко не всегда оказывается эффективным для воздействия на лиц, отличающихся девиантным поведением. С этой целью законодатель наделяет сотрудников полиции полномочиями по применению мер административного принуждения, являющихся наглядным примером реализации метода принуждения.

При этом сотрудники ГИБДД в своей деятельности руководствуются довольно обширной нормативной базой.

Прежде всего необходимо упомянуть Конституцию Российской Федерации, поскольку та прямо закрепляет жизнь человека в качестве наивысшей ценности и призывает государство осуществлять ее защиту [3]. Поставленную задачу осуществляет полиция, в том числе и Государственная автомобильная инспекция.

При всем этом, большинство нормативных актов требует внесения доработок, поскольку уже существующие положения многократно устарели. По нашему мнению, серьезных доработок требует Административный регламент, определяющий порядок действий сотрудников полиции в их служебной деятельности.

Основным недостатком рассматриваемого нормативного акта мы отметили его диспозитивность. Все формулировки «вправе предложить» необходимо заменить на «обязан потребовать». Только при таком подходе сотрудник ГИБДД сможет максимально эффективно реализовывать поставленные перед ним задачи. В целом, нормативные акты подобной категории не должны содержать в себе положений, которые могут двусмысленно толковаться, это недопустимо. Для исключения такого толкования необходимы четкие формулировки без предоставления возможности выбора варианта поведения для нарушителя.

Считаем, что предложенные изменения способны многократно повысить эффективность деятельности сотрудников ГИБДД по обеспечению безопасности дорожного движения. Кроме того, считаем, что рассмотренная нами проблема является, безусловно, актуальной, а потому подлежит изучению в целях разработки новых механизмов по обеспечению безопасности дорожного движения.

Список источников

1. Чебаков А.И. Понятие и виды методов административной деятельности полиции // Теория и практика общественного развития. 2015. №21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-metodov-administrativnoy-deyatelnosti-politsii.

2. Приказ МВД России от 23 августа 2017 года № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2017. № 232.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

6. Приказ МВД России от 30 августа 2017 года № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Chebakov A.I. The concept and types of methods of administrative activity of the police // Theory and practice of social development. 2015. №21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-metodov-administrativnoy-deyatelnosti-politsii.

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 664 dated August 23, 2017 "On approval of the Administrative Regulations for the Execution by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the State Function for the Implementation of Federal State Supervision over Compliance by road Users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety". *Rossiyskaya Gazeta*. 2017. No. 232.

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 31. Article 4398.

4. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On the Police". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 7. Art. 900.

5. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1). Article 1.

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 30, 2017 No. 685 "On officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to draw up protocols on administrative offenses and carry out administrative detention" // SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторах

Н.В. Демченко – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин
М.В. Богачева – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин

Information about the authors

N.V. Demchenko – Deputy Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Candidate of Legal Sciences
M.V. Bogacheva – Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 342/.7

Правовые вопросы обеспечения безопасности человека в сфере трансплантологии в условиях высокотехнологичного развития здравоохранения в России

© О.Г. Казанцева, Е.В. Макаренко, 2023

Ольга Геннадьевна Казанцева [1], ***Елена Васильевна Макаренко*** [2]
[1] Донской государственный технический университет; Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. kazantseva10@mail.ru
[2] Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Россия. elena_rostov87@mail.ru

Аннотация. Авторами рассмотрена актуальная проблема правового регулирования донорства органов и тканей в Российской Федерации с конституционно-правовой точки зрения. Подвергнуты анализу понятия донорство и презумпция согласия, выявлены характерные черты трансплантации. Изучен подход Российской Федерации к регулированию донорства органов и тканей человека, показаны юридические модели забора органов и тканей человека. Авторы указывают на некоторые пробелы современного законодательства, в том числе и уголовного, в области трансплантации органов и тканей человека и формулируют предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: конституционное право на жизнь, незаконная трансплантация тканей и органов человека, право на медицинскую помощь, высокотехнологичная помощь, покупка и продажа органов и тканей человека, уголовная ответственность, проблемы судебной практики, защита безопасности человека

Для цитирования: Казанцева О.Г., Макаренко Е.В. Правовые вопросы обеспечения безопасности человека в сфере трансплантологии в условиях высокотехнологичного развития здравоохранения в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.69-72

Original article

Legal issues of ensuring human safety in the field of transplantology in the context of high-tech development of healthcare in Russia

Olga G. Kazantseva [1], ***Elena V. Makarenko*** [2]
[1] Don State Technical University; Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. kazantseva10@mail.ru
[2] Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia. elena_rostov87@mail.ru

Abstract. The authors consider the topical problem of legal regulation of organ and tissue donation in the Russian Federation from the constitutional-law point of view. The concepts of donation and presumption of consent are analyzed, the characteristic features of transplantation are revealed. The approach of the Russian Federation to the regulation of human organ and tissue donation is studied, legal models of human organ and tissue sampling are shown. The authors point out some gaps in modern legislation, including criminal legislation, in the field of transplantation of human organs and tissues and formulate proposals for its improvement.

Keywords: constitutional right to life, illegal transplantation of human tissues and organs, the right to medical care, high-tech assistance, purchase and sale of human organs and tissues, criminal liability, problems of judicial practice, protection of human safety

For citation: Kazantseva O.G., Makarenko E.V. Legal issues of ensuring human safety in the field of transplantology in the context of high-tech development of healthcare in Russia. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):69-72 (In Russ.)

В настоящее время в трансплантологии в нашей стране существует целый ряд проблем, в том числе и с позиции правового регулирования. Сущность последней заключается в решении юридического вопроса о законности изъятия органов и тканей, у живых людей, у трупов для цели дальнейшей трансплантации.

Основой функционирования всех видов донорства являются конституционные права и свободы. Донорство в Российской Федерации также является одной из специфических форм реализации прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на достоинство личности. Хоть в тексте Конституции отсутствует прямое указание на право или свободу, предусматривающие возможность человека свободно распоряжаться своим организмом. Поскольку перечисление основных прав и свобод не должно толковаться как умаление или отрицание других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 55 Конституции), одним из личных прав возможно признать право человека на физическую свободу. По поводу данного права ведутся активные дискуссии. Трансплантология включает в себя соответствующий раздел медицины и биологии, посвящённый проблемам трансплантации органов и тканей, а также созданию и использованию искусственных органов.

Современное состояние трансплантологии способно оказать помощь большому количеству пациентов, нуждающихся в этом, зачастую находящимся в критическом состоянии. С этой точки зрения при помощи трансплантологии можно улучшить качество жизни человека и даже продлить жизнь. Вместе с тем, она должна быть основана на строгом соответствии российскому законодательству в этой сфере, а также на провозглашенных международных принципах.

В связи с актуальностью данной проблемы на законодательном уровне был принят Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», содержащий общие положения, без конкретизации основных положений. Существующие нормы уголовного закона лишь в общем виде содержат описание преступлений в данной области, которые не позволяют в полной мере дать им оценку. По этой причине субъекты, выступающие в правовых отношениях в указанной области в повседневной жизни, вынуждены опираться на ведомственные нормативно-правовые акты, которые были изданы в служебных целях и потому недоступны для населения.

Следует отметить, что подавляющее большинство преступных деяний, которые связаны с продажей органов, остается латентным, преобразуя их в очень прибыльную незаконную деятельность. Зачастую такая деятельность приобретает черты «трансплантационного туризма», при котором заказчиком органов является гражданин развитого государства, который самостоятельно в преступных целях посещает страну, где на низком уровне находятся меры, направленные на предупреждение преступлений в этой сфере.

Однако стоит отметить и наметившуюся тенденцию размещения в сети Интернет предложения о продаже органов и (или) тканей человека. При этом количество подобных объявлений впечатляет. Есть доля подобных предложений, размещённых в сети в целях розыгрыша, однако существуют и реальные, когда пользователи создают свой сайт и размещают на нём соответствующие предложения. На наш взгляд, в данном случае стоит говорить о незаконной рекламе трансплантации органов или тканей человека.

Показатель трансплантаций органов в России увеличивается с каждым годом. Так, с начала 2021 года в России было проведено уже 1582 трансплантации органов, в том числе 192 ребенка, что больше, чем за аналогичный период рекордного 2019 года. А за 11 месяцев 2022 года уже выполнено 2 386 [1]. Тем не менее, число людей, нуждающихся в донорских органах, также растет. Так, согласно статистическому анализу, в 2019 году было проведено 2427 операций, а в 2020 году число людей, зарегистрированных в списке ожидания подходящего донора, превысило 9500 [2]. Основываясь на статистике, мы можем сделать вывод, что многие правила, действующие сегодня в этой области, не выдерживают трансплантации консультативного органа и (или) органа.

Дилеммой развития здравоохранения и правонарушающего поведения является незаконная трансплантация человеческих тканей и (или) органов. Незаконная трансплантация посягает на жизнь и здоровье человека, охраняемые уголовным законодательством.

Согласно действующему законодательству, а именно Закону «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [3], предполагается согласие лица на донорство, за исключением случаев, когда лицо при жизни либо его близкие родственники отказались от пересадки органов.

Следовательно, без согласия лица или лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 5 ФЗ «О погребении и похоронном деле» [4], органы (ткани) не могут быть изъяты. Одновременно с этим, в соответствии с Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека», в Российской Федерации действует презумпция согласия на изъятие органов и тканей. Иными словами, каждый гражданин Российской Федерации автоматически выступает донором после своей смерти, за исключением случаев, когда лицо при жизни либо его близкие родственники отказались от пересадки органов.

В 1992 году создавался Российский национальный Комитет по биоэтике, который разработал и представил законопроект «О правовых основах биоэтики и гарантиях её обеспечения» [5], который в последующем не был принят. В то время учёные в области медицины отрицательно высказывались о нём, уличив разработчиков в недостаточной компетенции в области медицины.

Вместе с тем, очевидно плюсом указанного законопроекта являлось то, что в нём предлагалось закрепить презумпцию несогласия на забор органов и (или) тканей человека.

На практике применяется закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Однако бывают случаи, когда родственники умершего пытаются привлечь к ответственности врачей, которые взяли органы (ткани) умершего, хотя ни он, ни его родственники не отказались от процедуры до процедуры, то есть согласились на изъятие.

В феврале 2016 г. Конституционный Суд РФ вновь рассмотрел жалобу, в которой заявитель оспаривал конституционность статьи 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (№ 224-О) [6]. Процитировав ряд международных актов, Конституционный Суд РФ обращает внимание на то, что из положений международно-правовых актов не следует, что право ближайших родственников возражать против трансплантации органов умершего лица является автономным правом, которое может быть осуществлено по их усмотрению. Родственники могут согласиться или возражать против трансплантации органов покойного в той степени, в какой это выражает его волю. Таким образом, в решении, которое вынес Конституционный Суд РФ, говорится о том, что трансплантация органов или тканей человека – средство спасения жизни и восстановления здоровья людей. Так, в 2016 году Конституционный Суд постановил: «Презумпция согласия на изъятие органов не противоречит Конституции РФ и способствует развитию трансплантологии». Конституционный Суд не раз отмечал, что презумпция согласия забора органов или тканей после смерти –не новое изобретение Российской Федерации, а уже устоявшаяся ранее практика во многих зарубежных странах.

Одной из острых и серьезных проблем является коррупционная составляющая медицинской деятельности. Коррупция в этом случае выражается в трансплантации органов или тканей человека за определенное финансовое вознаграждение [7,8]. То есть здесь не стоит вопрос о цене операции, а вопрос касается изъятия, принуждения к изъятию, убийства человека для целей изъятия органов.

Российский уголовный закон не содержит нормы, по которым наступала бы ответственность медицинских учреждений, незаконно занимающихся трансплантологической деятельностью. Это является одним из ключевых вопросов уголовного законодательства в сфере регулирования трансплантации органов и тканей человека. В целях устранения данного недостатка, т.е. законодательного пробела, предлагается внести изменения в Уголовный кодекс РФ [9]. Например, внести в ст. 235 вышеназванного закона часть 3, включающую в себя обязательное условие осуществления незаконной медицинской деятельности с целью оказания услуг по трансплантации органов и тканей человека с целью привлечения к ответственности лиц-руководителей этих медицинских учреждений.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем разработку нормативных актов, в которых будет закреплены определенные нормы, регулирующие:

1) использование средств массовой информации в сфере трансплантологии, включающих как общие сведения о проблемах, так и юридическое обоснование с минимальным использованием специальной терминологии;

2) дополнение в существующую ст. 235 Уголовного кодекса РФ часть третью, которая бы содержала в качестве обязательного условия осуществление незаконной медицинской деятельности с целью оказания услуг по трансплантации органов и тканей человека;

3) размещение информации по трансплантологии на официально зарегистрированных сайтах: медицинских, юридических, образовательных;

4) обязательное включение темы: «Трансплантология и донорство: правовые проблемы» для преподавания в высших учебных заведениях медицинского и юридического профиля.

Побочный эффект развития медицины в нашей стране привёл к возникновению новых преступных деяний, таких как незаконное получение донорских органов и их трансплантация, незаконная торговля человеческими органами, и многие другие.

Исходя из этого, появляется необходимость создания устойчивой нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность в сфере оказания медицинских услуг в сфере трансплантологии.

По нашему мнению, использование высокотехнологичных методов работы в медицине в настоящее время значительно опережает их правовое регулирование, что препятствует реализации и охране конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Список источников

1. Россия установила рекорд по трансплантации органов // URL: https://vz.ru/news/2021/9/27/1121119.html (дата обращения: 01.12.2022).
2. Пандемия – 2020. Как трансплантология пережила этот год и что изменилось в донорстве органов в России // URL: https://minzdrav-donor.lenta.ru/kak-transplantologiya-perezhila-etot-god.html
3. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 01.09.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета, № 4. 09.01.1993.

4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О погребении и похоронном деле» (с изм. 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 146.
5. О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения: проект Федерального закона: внесен депутатами Государственной Думы В. Ф. Шараповым (НДР), В. И. Давиденко (ЛДПР) // http://www.sudmed-nsmu.narod.ru/ (дата обращения: 10.01.2023).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 N 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 3. Ст. 675.
7. Захарова Е.Ю., Носаненко Г.Ю. Коррупция в медицине // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 4.
8. Семенцова И.А., Федорова Е.А. Детерминанты коррупционных проявлений в сфере здравоохранения и меры профилактик и причин, и условий, способствующих укоренению коррупции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25, Ст. 2954.

References

1. Russia has set a record for organ transplantation // URL: https://vz.ru/news/2021/9/27/1121119.html (accessed: 01.12.2022). (In Russ.)
2. Pandemic 2020. How transplantology survived this year and what has changed in organ donation in Russia // URL: https://minzdrav-donor.lenta.ru/kak-transplantologiya-perezhila-etot-god.html (date of appeal: 10.01.2023). (In Russ.)
3. Law of the Russian Federation No. 4180-1 of 22.12.1992 (ed. from 01.09.2022) "On transplantation of organs and (or) human tissues". *Rossiyskaya Gazeta*. No. 4, 09.01.1993. (In Russ.)
4. Federal Law No. 8-FZ of 12.01.1996 (ed. from 30.04.2021) "On burial and funeral business" (as amended on 01.01.2023). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 15.01.1996. No. 3. Article 146. (In Russ.)
5. On the legal foundations of bioethics and guarantees of its provision: draft Federal Law: introduced by deputies of the State Duma V. F. Sharapov (NDR), V. I. Davidenko (LDPR). Access mode: http://www.sudmed-nsmu.narod.ru / a^z/BiIk/bioeshsz.I (accessed: 10.01.2023). (In Russ.)
6. Zakharova E.Yu., Nosanenko G.Yu. Corruption in medicine. *Azimut of scientific research: economics and management*. 2017. No. 4. (In Russ.)
7. Sementsova I.A., Fedorova E.A. Determinants of corruption manifestations in the field of healthcare and preventive measures and causes and conditions that contribute to the rooting of corruption. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2018. No. 5 (In Russ.)
8. Criminal Code of the Russian Federation No. 63 – FZ of 13.06.1996 (ed. of 29.12.2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 17.06.1996, No. 25, Article 2954 (In Russ.)

Информация об авторах

Е.В. Макаренко – ассистент кафедры пропедевтики внутренних болезней
О.Г. Казанцева – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

E.V. Makarenko – Assistant of the Department of Propaedeutics of Internal Diseases
O.G.Kazantseva – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 342.56

Государственный язык России:
конституционно-правовые ракурсы и сопряжения

© Мархгейм М.В., 2023

Марина Васильевна Мархгейм
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. markheim@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлена канва авторских рассуждений относительно конституционно-правовой формализации статуса государственного языка Российской Федерации с учетом законодательных новелл 2023 г. Представлены результаты сравнения конституционного гарантирования языков народов России и языковых прав граждан. В иллюстративных целях приведены варианты конституционного закрепления государственного/официального языка и законодательных статусов языка в качестве общеупотребительного или языка делопроизводства. На основе научных версий определения государственного языка предложено авторское видение признаков этого конституционного феномена: государственный язык обязательно формализуется в качестве такового, имеет свой статус на всей территории государства, служит для общения большинству населения, обязателен для использования в установленных сферах, поддерживается специальными правилами употребления и соответствующими статусу гарантиями защиты со стороны государства. Сделан вывод об обоснованности принятия дополнительных дефинитивных, регулятивных, институциональных и гарантирующих мер в пользу чистоты и развития государственного языка Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, государственный язык, государственный язык Российской Федерации, родной язык, язык общения

Для цитирования: Мархгейм М.В. Государственный язык России: конституционно-правовые ракурсы и сопряжения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 73-80

Original article

The state language of Russia:
constitutional-law perspectives and interfaces

© M.V. Markhgeym, 2023

Marina V. Markhgeym,
National Research University «BelSU», Belgorod, Russia, markheim@bsu.edu.ru

Abstract: The article presents the outline of the author's arguments regarding the constitutional-law formalization of the status of the state language of the Russian Federation, taking into account the legislative innovations of 2023. The results of comparing the constitutional guarantee of the languages of the peoples of Russia and the linguistic rights of citizens are presented. For illustrative purposes, the variants of the constitutional consolidation of the state/official language and the legislative statuses of the language as a commonly used or clerical language are given. Based on scientific versions of the definition of the state language, the author proposes their vision of the signs of this constitutional phenomenon: the state language is necessarily formalized as such, has its status throughout the state, serves for communication to the majority of the population, is mandatory for use in established areas, is supported by special rules of use and guarantees of protection corresponding to the status. The conclusion is made about the validity of taking additional definitive, regulatory, institutional and guaranteeing measures in favor of the development of the state language of the Russian Federation.

Keywords: constitution, state language, state language of the Russian Federation, native language, language of communication.

For citation: Markhgeym M.V. The state language of Russia: constitutional-law perspectives and interfaces. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2023. No 3 (154): 73-80 (In Russ.)

В условиях современных вызовов и угроз Российская Федерация расширяет систему мер, направленных на обеспечение государственного суверенитета. Как следует из ст. 67 Конституции России [1], «2.1. Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета». В числе такой защитной меры расцениваем уточнение правил использования государственного языка России на всей ее территории, поскольку без преувеличения можно утверждать, что государственный язык принадлежит к разряду символов государства.

Уточним, что право законодательной инициативы в силу ч. 4 ст. 104 Конституции России по поводу уточнения правил использования и защиты русского языка как государственного реализовало Правительство Российской Федерации, адресовав Государственной Думе законопроект о внесении изменений в Федеральный закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [2].

Сразу после принятия Государственной Думой данного закона во втором и третьем чтениях развернулась дискуссия по поводу необходимости расширения и конкретизации сфер обязательного использования государственного языка и оправданности его защиты от чрезмерного употребления иностранных слов. Применительно к регулированию языковых отношений можно выделить некоторые закономерности, свойственные не только для нашей страны.

Исходная закономерность состоит в признании государствами и обществами, что язык относится к универсальным средствам социального общения, к основополагающим факторам культурной идентичности народа, к объектам трепетного отношения со стороны носителей языка и их публичных представителей. Именно поэтому язык получил свою формализованную долю значимости через закрепление на конституционном уровне. Вариации разные, но все определенно важные.

Итак, Конституция Российской Федерации закрепила ряд положений о языке, которые композиционно находятся во второй (Права и свободы человека и гражданина) и третьей (Федеративное устройство) ее главах. Следуя логике конституционного текста, отметим, что в ч. 1 ст. 19 язык назван в числе критериев недопустимости дискриминации, а также запрета любых форм ограничения по языковой принадлежности.

С этим универсальным принципом недопустимости дискриминации по любому основанию генетически связана норма ч. 2 ст. 26, где язык, во-первых, представлен в качестве конституционного права, во-вторых, охарактеризован как «родной язык» и как «язык общения». Важным заслоном «языковому самомнению» выступает конституционный запрет пропаганды языкового превосходства, что изложено в ч. 1 ст. 29.

Приведенная группа конституционных норм, связанных с языком, не может быть изменена путем внесения поправок, в силу ст. 135: «1. Положения глав 1, 2, 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием». Зато в контексте конституционных норм палатами Федерального Собрания положения, касающиеся языка, обновляются и конкретизируются путем внесения изменений в Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями, внесенными соответствующими федеральными законами от 27 июля 1998 г., 11 декабря 2002 г., 02 июля 2013 г., от 12 марта 2014 г., 31 июля 2020 г., 11 июня 2021 г.) [3]. В частности, ст. 9 данного закона введено право граждан на выбор языка образования в качестве варианта использования языка народов Российской Федерации: «1. Граждане Российской Федерации имеют право свободного выбора языка образования в соответствии с законодательством об образовании» [3].

Возвращаясь к Конституции России, отметим, что положения о языке из третьей ее главы могут изменяться в порядке внесения поправок. Поскольку данная глава связана с конституированием территориальной организации публичной власти в Российской Федерации, постольку вполне логично обращение в ней к государственному языку и государственным языкам республик в составе России, которые, как следует из ч. 2 ст. 68, могут устанавливаться наряду с русским. Здесь же в корреляции с языковыми правами народов России закреплено, что она «гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Указанные конституционные положения вкупе с реальной практикой вдохновили ученых-юристов на исследования соответствующих общих [4] и специфических [5] проблем.

Подчеркиванию значимости языков в государственном строительстве России служит новая, введенная в поправочном процессе 2020 г. часть ст. 69 Конституции, согласно которой «2. Государство … гарантирует сохранение … языкового многообразия».

Изложенное указывает на еще одну закономерность: из совокупности приведенных конституционных положений явствует куда большее радение Российского государства о языках народов России, чем о языке государственном. Почему так? Может потому, что ему пока не виделось особых угроз? Ведь это язык меньшинства может быть утрачен без государственной поддержки. А какие риски у языка большинства? Оказывается, наличествуют. Исследователями неоднократно обращалось внимание, например, на опасность отсутствия реальных законодательных мер по защите русского языка как

государственного, на законодательное придание государственному языку инструментальных функций как языка межнационального общения и др. [6], на отсутствие формализованного определения государственного языка и его соотношения с русским литературным языком [7] и официальным языком [8] мн. др.

К закономерному процессу развития регулирования языковых отношений позволю себе причислить конкретизацию конституционной нормы ч. 1 ст. 68 о государственном языке в рамках конституционных поправок 2020 г., когда русский язык помимо статуса государственного объявлен языком «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [1].

Изначально односложная формулировка ч. 1 ст. 68 возвела в ранг государственного языка Российской Федерации русский язык на всей ее территории. Ожидание законодательных уточнений регулирования государственно-языковых отношений затянулось до середины 2005 г., когда после жарких депутатских дискуссий Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» оказался принятым. Формализованного определения государственного языка в нем не оказалось, хотя ранее представлялись юридико-научные версии отличительных черт государственного языка, на основе которых вполне могло бы получиться его определение. Так, Н.В. Шелютто еще в 1990 г. предложен перечень признаков государственного языка: «… устанавливается законом, берется государством под защиту и применяется в качестве официального языка, т.е. употребляется в законодательстве, делопроизводстве госаппарата, судопроизводстве. Это и язык обучения в учебных заведениях, язык, который преимущественно используется на телевидении и радио, в издании газет и журналов» [9, с. 11]. Комментируя ст. 68 Конституции Российской Федерации, А.С. Пиголкин отличил государственный язык по следующим основаниям: родной язык большинства или значительной части населения страны; является наиболее употребимым; на нем государственная власть общается с населением; на нем публикуются законы и иные правовые акты; на нем осуществляется работа государственных органов, делопроизводство, официальная переписка [10, с. 214-215]. В этом подходе, заметим, государственный язык представлен в сопряжении с «родным языком», который тоже имеет конституционное закрепление.

Государственный язык продолжает волновать исследователей по поводу его легального определения. В частности, предложено трактовать его как «язык, которому законодательством придается особый статус, выраженный в возложении на всех субъектов права обязанности употреблять указанный язык в сферах официального общения и обеспеченный мероприятиями государственной защиты языка» [11, с. 44].

В целом с этими подходами вполне можно согласиться, уточнив значимость признака связи государственного языка со всей территорией конкретного государства. К примеру, не во всех субъектах Российской Федерации большинство населения имеет русский язык родным, не во всех субъектах население преимущественно разговаривает на русском языке, не во всех субъектах он наиболее употребим, но он является государственным на всей территории России. А это, помимо прочего, значит, что акты органов публичной власти для придания им статуса официального документа должны быть опубликованы на русском языке.

Соответственно, государственный язык обязательно формализуется в качестве такового, имеет свой такой статус на всей территории государства, служит для общения большинству населения, обязателен для использования в установленных сферах, поддерживается специальными правилами употребления и соответствующими статусу гарантиями защиты со стороны государства. Важно, чтобы в отношении защиты русского языка как государственного Российская Федерация в лице своих уполномоченных публичных органов не допускала крайностей: ни языковых спекуляций, ни демонстрации неспособности подобрать и принять адекватные ситуации меры.

Закономерностью полагаем и то, что изначальная конституционная норма о государственном языке России была принята всенародным голосованием, поправочная – одобрена общероссийским голосованием. Такая народовластная поддержка русского языка и как государственного, и как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» соответствует статусу языка. Тем самым, полагаем, расставлены важные акценты: во-первых, русский язык наконец на конституционном уровне оказался связанным с «государствообразующим народом» – с русскими; во-вторых, отражено вхождение носителей русского языка как родного, как языка общения в «многонациональный союз» народов России; в-третьих, подчеркнуто равноправие всех народов России вне зависимости от национальности и языка, от национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Закономерным является и то, что конкретизация исходной и обновленной конституционной нормы осуществлена Федеральным законом 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [2], в который неоднократно (02 июля 2013 г., 05 мая 2014 г., 30 апреля 2021 г., 28 февраля 2023 г.) вносились изменения федеральными законами. Импульс обсуждениям защиты государственного языка России придал закон, принятый 28 февраля 2023 г. во изменение ряда положений Федерального закона о «Государственном языке Российской Федерации», когда вдруг правила использования государственного языка и меры его защиты воспринялись как избыточные и посягающие на языковую свободу граждан.

Этот Федеральный закон 28 февраля 2023 г. №52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»» включил в себя обновленную конституционную формулировку сопряжения государственного языка с государствообразующим народом, ряд изменений о сферах и правилах использования русского языка как государственного. Изменения оказались весьма обсуждаемыми уже на этапе принятия закона Государственной Думой. Что же взволновало граждан? А то, на наш взгляд, что пошатнулась в их восприятии привычность правил использования русского языка как языка государственного в части, касающейся:

– требования соблюдать в очерченных законом сферах (например, в деятельности органов публичной власти, в их официальной переписке с гражданами, в оформлении документов удостоверяющих личность, документов об образовании, в почтовых адресах и др.) «норм современного русского литературного языка», под которыми «понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках»;

– недопустимости употребления «слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в вышеозначенных нормативных словарях.

Из этих очевидно полезных для государственного языка требований, вдруг родились дискуссии из разряда гротеска: будет ли допустимо пользоваться такими воспринятыми русским языком словами латинского/греческого/французского/немецкого и др. происхождения, как конституция, президент, парламент, бутерброд и мн. др. Задавались и вопросом о допустимости творческого самовыражения на иностранном языке и с использованием иностранных слов. Возможно, это результат снижения запроса российских граждан на чистоту русского языка. Так, если в 2008 г. по данным ВЦИОМ 87 % российских граждан считали необходимой борьбу за чистоту русского языка [6], то в 2019 г. их было 68%, а в 2023 г. – только 56% [12].

Возможно, граждан волнует эксцесс исполнителя, который способен диаметрально отклониться от законодательного замысла. Но такой риск может касаться любой сферы. Однако сам факт дискуссии о правилах использования русского языка как государственного только подчеркивает значимость регулирования языковых отношений.

Обобщенно представим новые правила регулирования отношений в сфере использования русского языка как государственного.

Во-первых, сузился круг норм, определяющих сферы обязательного использования государственного языка: теперь это только законодательные нормы.

Во-вторых, конкретизирован публичный субъект, обеспечивающий защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации: это органы государственной власти Российской Федерации. Им же предписывается обеспечивать право граждан на пользование государственным языком Российской Федерации.

В-третьих, на законодательном уровне прописано понимание норм современного русского литературного языка (правила использования языковых средств) и формы их фиксирования – нормативные словари, справочники и грамматики. Ранее была отсылочная норма, что такой порядок определяется Правительством Российской Федерации. В новом законе Порядок формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, требования к составлению и периодичности издания нормативных словарей предписывается Правительству Российской Федерации на основании предложений Правительственной комиссии по русскому языку.

Уточнения коснулись и сферы использования русского языка как государственного в части, касающейся:

– официальных взаимоотношений и официальной переписки организаций всех форм собственности с гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства;

– документов, оформление которых предусмотрено на государственном языке Российской Федерации: это документы, удостоверяющие личность, бланки свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, документы об образовании и другие.

Кстати, осуществлены не только редакционные изменения Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», но и структурные. Так, появился ряд новых пунктов статьи 3.

В частности, новый пункт 8^1 касается использования государственного языка при оформлении адресов отправителей и получателей телеграмм и почтовых отправлений, пересылаемых в пределах Российской Федерации, почтовых переводов денежных средств; пункт 9^3 фиксирует использование государственного языка России в «государственных и муниципальных информационных системах», а пункт 9^4 «в информации, предназначенной для потребителей товаров (работ, услуг)» [2].

В целом применение государственного языка Российской Федерации может распространяться и на иные законодательно устанавливаемые сферы. При особенности осуществления деятельности в отдельных сферах в соответствии с законодательством допускают использование государственного языка с учетом этих особенностей.

Закономерным и значимым изменением, внесенным в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», является уточнение гарантирующих положений. В частности, в целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции:

– принимают государственные программы,

– обеспечивают при необходимости с привлечением специалистов лингвистическую экспертизу и редакционную правку текстов проектов нормативных правовых актов для оценки на соответствие нормам современного русского литературного языка;

– обеспечивают гарантии свободного доступа граждан Российской Федерации к изучению русского языка, создают условия для изучения русского языка иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации и за ее пределами;

– оказывают поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в получении и распространении информации, пользовании информацией на русском языке на территориях государств проживания соотечественников;

– осуществляют государственную поддержку издания словарей, справочников и грамматик русского языка, создания информационных ресурсов, содержащих информацию о нормах современного русского литературного языка.

Вот такой комплекс статусных, терминологических, регулятивных, гарантирующих и иных мер, призванных обновить и осуществлять единую государственную политику в сфере сохранения, защиты и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Следующая закономерность состоит в том, что забота на государственном уровне о языке как главном факторе культурной идентичности народа, во-первых, не является чисто российской проблемой, во-вторых – последовала за активизацией международного общения, языком которого признан английский язык, в-третьих – многонациональным характером государств, обусловливающим языковое многообразие.

Ставя лишь иллюстративную цель обозначить конституционные модели иных стран формализации и защиты государственного языка, приведем некоторые примеры из разряда «как у них?». Так, по Конституции Австрии «Немецкий язык является государственным языком Республики» (ст. 8); по Конституции Испании «Кастильский является официальным языком Испанского государства. Все испанцы обязаны знать его и имеют право им пользоваться» (ч. 1 ст. 3.1). Обращает на себя внимание сопряжение государственного языка исходно с «обязанностью», а затем с «правом».

По Конституции Швейцарии «Официальными языками Союза являются немецкий, французский и итальянский» (ч. 1 ст. 70), а «Языками страны являются немецкий, французский, итальянский и ретороманский» (ст. 4). В данной конституционной версии присутствует различение языков «Союза» и «страны».

В Конституции Италии нормы, посвященной государственному/официальному языку, нет. Но в законе «Нормы по поддержке исторических лингвистических меньшинств» (1999 г.) зафиксировано, что «официальный язык Республики – итальянский» (ст. 1) [13]. Так реализована закономерность о поддержке в первую очередь языков меньшинства.

В Германии на конституционном уровне также не отражен статус немецкого языка, нет и законодательного его определения в качестве государственного, но в ряде законов он получил статус языка делопроизводства. Федеральное правительство и власти земель пытаются воздействовать на эту ситуацию путем рекомендаций по использованию немецкого языка. Но это не дает желаемого результата. Он очень засорен англицизмами [14].

Во Франции на конституционном уровне определено, что «Язык Республики – французский» (1958 г.), без каких-либо статусных уточнений. Первый закон «Об использовании французского языка» был принят еще в 1975 г. и исходно назывался «О защите французского языка». К доработке регулирования языковых отношений во Франции возвращались неоднократно, мотивировав это угрозой, нависшей над французским языком по причине «чрезмерного употребления иностранных терминов», подчеркивалась необходимость сохранения языка как «национального сокровища» [15]. Возникла идея о законодательно закрепленном предписании использовать соответствующую французскую тер-

минологию в ключевых функциональных сферах языка. В настоящее время действует закон об использовании французского языка 1994 г., который задумывался как «закон умонастроений», но путем принимаемых декретов и циркулярных писем он получил широкую практическую направленность [15].

По Конституции Бразилии «Португальский язык – это официальный язык Федеративной Республики Бразилия» (ст. 13).

По Конституции Индии «Официальным языком Союза является хинди в написании деванагари» (ч. 1 ст. 343).

Китай и в этом отношении пошел своим путем: ни в конституции, ни в законах нет определения статуса государственного или официального языка, а используется определение «общеупотребительный» язык. В КНР принят закон об общеупотребительном языке и письменности. В нем установлено, что «Использование общеупотребительного языка и письменности должно служить делу государственного суверенитета и национального достоинства; должно способствовать консолидации государства и единению народа, развитию материальной и духовной социалистической культуры» [16].

Приведенные примеры конституционно-правовых решений зарубежных стран в отношении государственного/официального языка, языка делопроизводства или общеупотребительного позволяют убедиться, что языковые отношения находятся в фокусе внимания государства не только с констатирующей, но и защитительной позиции.

Подытоживая, отметим, что в сравнении с языками народов России и языковыми правами, которые в своем большинстве получили особые гарантии в неизменяемой второй главе Конституции нашей страны, государственному языку Российской Федерации отведена одна норма. Ее содержание приросло в ходе конституционных поправок, связавших русский язык как государственный язык Российской Федерации с языком государствообразующего народа, заложивших ориентиры для законодательной конкретизации правил и порядка его использования в этом статусе с учетом изменяющихся условий и новых вызовов.

Признаки государственного языка в отсутствие законодательной дефиниции выведены из научных интерпретаций, и сделан вывод, что: государственный язык обязательно формализуется в качестве такового, имеет свой статус на всей территории государства, служит для общения большинству населения, обязателен для использования в установленных сферах, поддерживается специальными правилами употребления и соответствующими статусу гарантиями защиты.

Законодательные требования соблюдать правила использования государственного языка Российской Федерации касаются преимущественно: сферы деятельности органов публичной власти, их официальной переписки с гражданами, оформления документов удостоверяющих личность, документов об образовании, почтовых адресов и др. Определенности правилам использования языковых средств добавляет фиксирование норм русского литературного языка в нормативных словарях, справочниках и грамматиках». Правила употребления иностранных слов и выражений установлены в целях защиты русского языка в качестве государственного.

Зарубежные страны также заботит чистота своего языка, как бы он ими не именовался – государственным, официальным, общеупотребительным или делопроизводственным, прежде всего ввиду их чувствительной засоренностью англицизмами.

Государственный язык заслуживает того, чтобы продолжать его исследовать с позиции различных наук. Юристам предстоит еще многое осмыслить в части, касающейся новых аспектов законодательного регулирования государственно-языковых отношений в Российской Федерации с учетом и практики реализации новых установлений, и последовательности защиты русского языка в качестве государственного, в том числе с учетом прежнего отечественного опыта.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // http://duma.gov.ru/news/55446/

2. Федеральный закон от 01 июня 2005 г. N 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a7313/

3. Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями, внесенными соответствующими федеральными законами от 27 июля 1998 г., 11 декабря 2002 г., 02 июля 2013 г., от 12 марта 2014 г., 31 июля 2020 г., 11 июня 2021 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/

4. Курманов М.М. Конституционный Суд Российской Федерации, рассуди: чей предмет ведения - государственный язык республики? // Российский судья. 2004. № 6. С. 14-16.

5. Кряжков В.А. Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы // Государство и право. 2018. № 5. С. 52-59.

6. Севастьянов А.Н. Русский язык как государственный: угрозы и вызовы // Национальные приоритеты России. 2018. № 3 (30). С. 45-51.

7. Мякшева О.В., Сиротинина О.Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 3. С. 22-26.

8. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12 (132). С. 8-20.

9. Шелютто Н.В. Законодательство о развитии и использовании языков народов СССР. О правовом статусе языков в СССР. М., 1990.

10. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: БЕК, 1996. 664 с. С. 214-215.

11. Солодов А.В. Государственный язык Российской Федерации: проблемы легального определения // Российский юридический журнал. 2004. № 3 (43). С. 37-44.

12. URL: https://rossaprimavera.ru/news/2bb25c86

13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-politiki-gosudarstva-zakonodatelnye-urovni-teoriya-i-praktika-na-primere-italyanskoy-respubliki-1946-2017-gg/viewer

14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-nemetskogo-yazyka-i-yazykovaya-situatsiya-v-germanii/viewer

15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnye-osnovy-sovremennoy-politiki-frantsii-v-otnoshenii-frantsuzskogo-yazyka/viewer

16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-yazyka-v-konstitutsii-i-zakonah-sovremennogo-kitaya/viewer

References

1. The Constitution of the Russian Federation (Adopted by popular vote on December 12, 1993, taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ) // http://duma.gov.ru/news/55446/

2. Federal Law No. 53-FZ of June 01, 2005 (as amended on 02/28/2023) "On the State Language of the Russian Federation" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537e8c071d3/

3. Law of the Russian Federation No. 1807-1 of October 25, 1991 "On the Languages of the Peoples of the Russian Federation" (as amended by the relevant federal laws of July 27, 1998, December 11, 2002, July 02, 2013, March 12, 2014, July 31, 2020, June 11, 2021) // https://www.consultant.ru/document/W_15524/

4. Kurmanov M.M. Constitutional Court of the Russian Federation, judge: whose subject matter is the state language of the republic? *Russian judge.* 2004. No. 6.

5. Kryazhkov V.A. The state language of the republic in the context of the Karelian situation: constitutional and legal issues. *State and Law*. 2018. No. 5. pp. 52-59.

6. Sevastyanov A.N. Russian as the state language: threats and challenges. *National priorities of Russia.* 2018. No. 3 (30). pp. 45-51.

7. Myaksheva O.V., Sirotinina O.B. Modern Russian literary language as the state language of the Russian Federation. *Russian Language at School*, 2019. Vol. 80. No. 3. pp. 22-26.

8. Dorovskikh E.M. On the question of the differentiation of the concepts of "state language" and "official language". Journal of Russian Law. 2007. No. 12 (132).

9. Shelyutto N.V. Legislation on the development and use of languages of the peoples of the USSR. On the legal status of languages in the USSR. M., 1990.

10. Commentary to the Constitution of the Russian Federation. M.: BECK, 1996. 664 S. S. 214-215.

11. Solodov A.V. The State language of the Russian Federation: problems of legal definition. *Russian Law Journal.* 2004. No. 3 (43).

12. https://rossaprimavera.ru/news/2bb25c86

13. https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-politiki-gosudarstva-zakonodatelnye-urovni-teoriya-i-praktika-na-primere-italyanskoy-respubliki-1946-2017-gg/viewer

14. https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-nemetskogo-yazyka-i-yazykovaya-situatsiya-v-germanii/viewer

15. https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnye-osnovy-sovremennoy-politiki-frantsii-v-otnoshenii-frantsuzskogo-yazyka/viewer

16. https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-yazyka-v-konstitutsii-i-zakonah-sovremennogo-kitaya/viewer

Информация об авторе

М.В. Мархгейм – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института

Information about the author

M.V. Markhgeym – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 342.56

Правозащитный ресурс Верховного Суда Российской Федерации

© А.Е. Новикова, В.А. Зайцев, 2023

Алевтина Евгеньевна Новикова [1], ***Василий Андреевич Зайцев*** [2]
[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, novikova_a@bsu.edu.ru. ORCID 0000-0001-7001-4908
[2] Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия. rabbitbugz@rambler.ru AuthorID: 753668

Аннотация. В статье обоснованы и раскрыты некоторые направления правозащитной деятельности Верховного Суда Российской Федерации в качестве высшей судебной инстанции. Конституционное право на обращение в суд является признанным, востребованным и популярным правозащитным ресурсом. Однако самостоятельные научные исследования о правозащитном потенциале Верховного Суда Российской Федерации отсутствуют. Данная статья направлена на восполнение этого доктринального пробела.

На основе осуществленного анализа современного отечественного законодательства, а также судебной практики авторами сделан вывод о сопряжении правозащитной деятельности Верховного Суда Российской Федерации с такими его полномочиями, как осуществление правосудия и участие в нормотворческой деятельности (законодательная деятельность, разъяснение судам по вопросам судебной практики и составление обзоров). Выявленные сопряжения дополняют и современную конституционную теорию судебной власти, и конституционную правозащитную теорию, обладающие как доктринальным значением, так и содействующие в прикладном аспекте реализации единства правозащитного пространства Российской Федерации в условиях современных вызов и рисков.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, правосудие, правозащитная деятельность, постановления, законодательная инициатива, обзор

Для цитирования: Новикова А.Е., Зайцев В.А. Правозащитный ресурс Верховного Суда Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3(154). С.81-85

Original article

Human rights resource of the Supreme Court of the Russian Federation

Alevtina E. Novikova[1], ***Vasily A. Zaitsev***[2]
[1]Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. novikova_a@bsu.edu.ru
ORCHID 0000-0001-7001-4908
[2] St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia. rabbitbugz@rambler.ru. AuthorID: 753668

Abstract. The article substantiates and reveals some areas of human rights activities of the Supreme Court of the Russian Federation as the highest judicial instance. The constitutional right to appeal to the court is a recognized, sought-after and popular human rights resource. However, there are no independent scientific studies on the human rights potential of the Supreme Court of the Russian Federation. This article is aimed at filling this doctrinal gap.

Based on the analysis of modern domestic legislation, as well as judicial practice, the authors conclude that the human rights activities of the Supreme Court of the Russian Federation are interfaced with its powers such as the administration of justice and participation in rule-making activities (legislative activity, clarification to courts on judicial practice and drafting reviews). The revealed connections complement both the modern constitutional theory of the judiciary and the constitutional human rights theory, which have both doctrinal significance and contribute in the applied aspect to the realization of the unity of the human rights space of the Russian Federation in the conditions of modern challenges and risks.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, justice, human rights activities, resolutions, legislative initiative, review

For citation: Novikova A.E., Zaitsev V.A. Human rights resource of the Supreme Court of the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. № 3 (154):81-85 (In Russ.)

В качестве традиционного элемента государственной защиты прав и свобод личности выступают суды. Именно в силу того, что судебная защита осуществляется самостоятельным и независимым в системе государственной власти органом правосудия, специально предназначенным для обеспечения своей деятельностью прав и свобод человека и гражданина, она занимает особое место среди средств государственной защиты [1, с. 18-21].

Мы разделяем позицию А.В. Малько и В.А. Терехина, которые отмечают, что «в достаточно большом государственно-правовом арсенале институтов и средств, призванных реально обеспечить права, свободы и законные интересы человека, центральное место отводится суду. Судебная защита, будучи государственной и в то же время правовой защитой, является наиболее цивилизованной и эффективной из всех выработанных мировой практикой форм охраны личности» [2, с. 7].

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина закреплена ст. 46 российской Конституции и ее уровень является основным показателем правового характера государства и демократичности общества. «Расширение круга охраняемых законом прав личности, углубление их содержания в условиях многообразия современных экономических и социальных связей возлагает на суд особую ответственность и поднимает его значение как фактора утверждения экономической и социальной стабильности, как основного гаранта реализации прав и свобод граждан» [3, с. 34-37]. Справедливо, что «права и свободы человека, не подлежащие в силу каких-либо обстоятельств и причин фактической судебной защите, лишены правового значения» [4, с. 246].

В силу общепризнанности судебной правозащитной деятельности, полагаем закономерен соответствующий ресурс Верховного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам (с ч. 1 ст. 2) [5]. О востребованности непосредственного функционала – осуществления правосудия – свидетельствует опубликованная Верховным Судом Российской Федерации статистика «рассмотрения административных, гражданских, уголовных дел, экономических споров и дел об административных правонарушениях в первом полугодии 2022 года. Самой продуктивной оказалась коллегия по гражданским делам, которая разрешила почти 32 000 дел. Судьи экономколлегии разрешили 20 000 споров, а в дисциплинарную коллегию поступило 70 заявлений» [6]. Безусловно, не все из рассмотренных дел касались правозащитного аспекта. Полагаем, Коллегия по уголовным делам по сравнению с иными коллегиями наиболее соприкасалась с правозащитной тематикой, разобрав «в первом полугодии 2022 года коллегия 21 083 представления и жалобы. Судебные заседания прошли по 437 уголовным делам в отношении 531 человека» [6]. Эти данные мы расцениваем в качестве репрезентативных при осуществлении правосудно-правозащитной деятельности Верховным Судом Российской Федерации.

В рамках данной статьи затронем закреплённые ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации за Верховным Судом Российской Федерации право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, а также полномочие по разработке предложений по совершенствованию отечественного законодательства (ч. 6 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ).

От имени Верховного Суда Российской Федерации право законодательной инициативы реализует Пленум. В соответствии с ч. 2 ст. 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы осуществляется путем внесения законопроектов в Государственную Думу [7]. В Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации дополнительно установлено, что при внесении субъектом (субъектами) права законодательной инициативы в Государственную Думу законопроекта о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации наряду с прочим должны быть представлены официальные отзывы Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (п. «к» ч. 1 ст. 105) [8].

Уточним, что с 2019 г. Верховным Судом Российской Федерации было внесено в Государственную Думу 25 законопроектов. При этом законопроекты касались не только трансформаций отдельных статей нормативных правовых актов [9], но и составляли самостоятельные законы, в последующем принятые российским парламентом (к примеру, федеральный закон 29.12.2020 г. № 466-ФЗ «О территориальной юрисдикции гарнизонных военных судов» [10]).

Полагаем, «основательно утверждать, что институт права законодательной инициативы Верховного Суда Российской Федерации высокоперспективен для обеспечения учета положительных результатов судебной практики в законодательстве. Законодательная инициатива выступает средством совершенствования законодательства, которое способствует не только своевременному отражению изменений и потребностей общественной жизни в тексте закона, но и учету ценного опыта правосудия в законодательстве» [11, с. 39-43].

Еще одним аспектом, с которым связываем правозащитный ресурс Верховного Суда Российской Федерации, являются разъяснения судам по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (ч.ч. 2 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ). Данное

направление воплощается в принятии постановлений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Как верно отмечается в юридической литературе, действующим законодательством не установлен их точный статус. В ст. 126 Конституции Российской Федерации закреплено, что Верховный Суд Российской Федерации «дает разъяснения по вопросам судебной практики» [7]. «С одной стороны, данное положение устанавливает конституционный статус постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (акты, содержащие разъяснения по вопросам судебной практики). С другой стороны, Конституция Российской Федерации четко не устанавливает, являются ли постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации юридически обязательными документами» [12, с. 172-186]. Отсутствие конституционно-законодательной определенности порождает и отсутствие единой научной позиции о юридической природе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Ученые, которые не считают заявленные документы правовыми источниками, аргументируют это следующим:

«1) при помощи указанных постановлений формулируются не новые нормы, призванные восполнить пробелы действующего <…> закона, а рекомендации высшей судебной инстанции по спорным вопросам практического применения права в уголовном судопроизводстве;

2) основная задача этих постановлений – быть актами аутентичного нормативного толкования, служить правильному применению имеющихся правовых норм, способствовать их единому пониманию участниками <…> правоотношений;

3) Пленум Верховного Суда Российской Федерации структурно и по функциональному назначению относится к судебной, а не к законодательной власти, в силу чего он не вправе брать на себя функцию правотворчества, разрушая конституционный баланс сдержек и противовесов между различными ветвями государственной власти» [13, с. 88].

Вторая группа ученых признает постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в качестве источников права, отмечая их нормативно-правовые свойства, фактически восполняющие пробелы [14, с. 34-37].

Высказывалась даже позиция в пользу того, что на практике постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «являются еще более авторитетными, чем федеральные законы; порой содержат нормы права, которые изменяют законы; <…> обязательны не только для нижестоящих судов, но также в отношении других органов государственной власти, частных и юридических лиц, руководствующихся истолкованными в постановлениях законами. Судьи и другие органы рассматривают их как основание для легитимной профессиональной критики в случае, если они не станут следовать содержащимся в них разъяснениям» [12, с. 172-186].

Разделяя мнения о значимости постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в качестве правовых источников, уточним, что систематически в них воплощаются правозащитные позиции, адресованные различным статусам или субъективным правам и свободам [15, 16]. Кроме того, Верховный Суд своими постановлениями затрагивает и более глобальные вопросы, которые коррелируются, в том числе, с защитой прав личности. К примеру, Пленум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Постановление от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», предусмотревшее признаки таких актов, определенность даты признания их недействительными и т.д. [17]. В частности, в интересующем нас аспекте в Постановлении указывается, что «при оспаривании нормативного акта или акта, обладающего нормативными свойствами, в заявлении нужно указать, какие права, свободы и законные интересы нарушены или могут быть нарушены оспариваемым актом, или на то, что существует реальная угроза их нарушения. Если это не указано, то суд должен оставить заявление без движения. А если из заявления явно следует, что истец не может выступать субъектом отношений, регулируемых оспариваемым актом, либо акт не может нарушать или иным образом затрагивать его права, свободы, законные интересы, то суд откажет в принятии заявления к производству» [18, с. 4].

Составление обзоров судебной практики считаем еще одним полномочием, в рамках которого реализуется правозащита. «В данном случае Верховный Суд РФ не устанавливает никаких общих и тем более императивных правил, а лишь обращает внимание судов на типичные случаи, встречающиеся в их деятельности, на допускаемые судебные ошибки и т.п. Издание таких обзоров представляет собой не прямую, а косвенную организационную форму влияния высшей судебной инстанции на складывание стабильной судебной практики по конкретным категориям уголовных и гражданских дел» [19, с. 38-40].

Подводя итог осуществлённого исследования, уточним, что, как минимум, три основных направления деятельности Верховного Суда Российской Федерации обладают правозащитным ресурсом. На наш взгляд, выявленные сопряжения дополняют и современную конституционную теорию судебной власти, и конституционную правозащитную теорию, обладающие как доктринальным значени-

ем, так и содействующие в прикладном аспекте реализации единства правозащитного пространства Российской Федерации в условиях современных вызов и рисков.

Представляется действующее законодательство о статусе Верховного Суда Российской Федерации включает еще ряд сопряжённых с правозащитной деятельностью направлений, требующих самостоятельного исследования и приглашения в этой связи к научной дискуссии.

Список источников

1. Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А. К вопросу о содержании института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве // Конституционное и муниципальное право. 2015. №10.

2. Малько А.В., Терехин В.А. Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4.

3. Фомин А.А. Сущность и содержание права граждан на судебную защиту // Администратор суда. 2009. № 4.

4. Шевцов В.С. Право и судебная власть в Российской Федерации. М., 2003. 366 с.

5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022 г.). СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550; 2022. № 29 (часть I). Ст. 5200.

6. https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/31491/?ysclid=le84ikjarq845409343

7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

8. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 г. № 15 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального конституционного закона «О внесении изменения в статью 38 Федерального конституционного закона "О судах общей юрисдикции в Российской Федерации"». https://vsrf.ru/documents/own/31233/ (дата обращения 11.01.2023 г.).

10. Федеральный закон от 29.12.2020 г. № 466-ФЗ «О территориальной юрисдикции гарнизонных военных судов». СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 5.

11. Удодова М.А. Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации как средство совершенствования законодательства // Администратор суда. 2018. №2.

12. Бурков А.Л. Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5.

13. Сидоренко М.В. Постановления Пленума Верховного Суда в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5.

14. Климов А.А. Значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для восполнения пробелов в уголовно-процессуальном праве // Администратор суда. 2019. № 1. С. 34-37.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4; от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. №9.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

17. Постановление Пленума Верховного Суда Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Российская газета. 2019, 15 января.

18. Шестакова М. Оспаривание нормативных актов и их разъяснений: новое Постановление Пленума Верховного Суда // ЭЖ-Юрист. 2019. № 3.

19. Малько А.В., Тутынина Е.Г. Акты Верховного Суда Российской Федерации как важнейшие средства судебной политики // Российская юстиция. 2012. № 12.

References

1. Dzybova S.G., Parasyuk E.A. 2015. On the issue of the content of the institution of judicial protection of human and civil rights and freedoms in a State governed by the rule of law. Constitutional and Municipal Law, 10 (In Russ.)

2. Malko A.V., Terekhin V.A. 2010. Subjective rights, freedoms and legitimate interests of the individual as independent objects of judicial protection. Leningrad Law Journal, 4 (In Russ.)

3. Fomin A.A. 2009. The essence and content of the right of citizens to judicial protection. Court Administrator, 4 (In Russ.)

4. Shevtsov V.S. 2003. Law and judicial power in the Russian Federation. M., 366 p. (In Russ.)

5. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 05.02.2014 "On the Supreme Court of the Russian Federation" (ed. dated 14.07.2022). NW RF. 2014. No. 6. St. 550; 2022. No. 29 (Part I). St. 5200.

6. https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/31491 /?ysclid=le84ikjarq845409343

7. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the RF Amendments to the Constitution of the F No. 6-FKZ of 30.12.2008, No. 11-FKZ of 21.07.2014. Rossiyskaya Gazeta. 1993, December 25; 2020, July 4.

8. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 22.01.1998 No. 2134-II of the State Duma "On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". NW RF. 1998. No. 7. St. 801.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 dated 07.06.2022 "On Introducing into the State Duma of the Federal Assembly of the R F the Draft Federal Constitutional Law "On Amending Article 38 of the Federal Constitutional Law "On Courts of General Jurisdiction in the RF"". https://vsrf.ru/documents/own/31233 / (accessed 11.01.2023).

10. Federal Law No. 466-FZ of 29.12.2020 "On the Territorial Jurisdiction of Garrison military Courts". Federal Law of the Russian Federation. 2021. No. 1 (Part I). Article 5.

11. Udodova M.A. 2018. Legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation as a means of improving legislation. Court Administrator, 2 (In Russ.)

12. Burkov A.L. 2011. The status of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in legislation and judicial practice. News of universities. Jurisprudence, 5: 172-186. (In Russ.)

13. Sidorenko M.V. 2016. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court in the system of ensuring the certainty of Russian criminal procedure law. Criminal Law, 5 (In Russ.)

14. Klimov A.A. 2019. The significance of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation for filling gaps in criminal procedure law. Court Administrator, 1: 34-37. (In Russ.)

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 dated 24.02.2005 "On judicial practice in cases of protection of the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No. 4; "On consideration by courts of civil cases on disputes on consumer protection". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No 9.

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 dated 30.06.2015 "On the practice of application by courts of legislation ensuring the right to protection in criminal proceedings". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No 9.

17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 No. 50 "On the practice of consideration by courts of cases on challenging regulatory legal acts and acts containing explanations of legislation and having regulatory properties". Rossiyskaya Gazeta. 2019, January 15.

18. Shestakova M. 2019. Challenging regulations and their explanations: a new Resolution of the Plenum of the Supreme Court. EZH-Lawyer, 3: 4. (In Russ.)

19. Malko A.V., Tutynina E.G. 2012. Acts of the Supreme Court of the Russian Federation as the most important means of judicial policy. Russian Justice, 12: 38-40. (In Russ.)

Информация об авторах

А.Е. Новикова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права

В.А. Зайцев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права

Information about the authors

A.E. Novikova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law

V.A. Zaitsev – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 342/.7

Проблемные аспекты правовой оценки разглашения медицинской (врачебной) тайны в теории и судебной практике

© И.А. Семенцова, Н.В. Макаренко, 2023

Ирина Анатольевна Семенцова[1], Наталья Владимировна Макаренко [2]
[1] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru
[2] Бюро 38-филиал ФКУ «ГБ МСЭ по Ростовской области» Министерства труда России, Ростов-на-Дону, Россия. elena_rostov87@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы охраны и защиты права на сохранение медицинской (врачебной) тайны как важнейшего конституционного права человека и гражданина, проблемные аспекты разграничения незаконного разглашения медицинской тайны от других правонарушений. Авторами приводится судебная практика Конституционного Суда России, которая, по мнению авторов, должна быть воспринята законодателем для совершенствования нормативно-правовой базы по защите медицинской тайны, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: конституционное право, сохранность медицинской тайны, преступление, проблемы охраны медицинской (врачебной) тайны, правовая оценка, разглашение медицинской тайны, судебные ошибки

Для цитирования: Семенцова И.А., Макаренко Н.В. Проблемные аспекты правовой оценки разглашения медицинской (врачебной) тайны в теории и судебной практике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.86-89

Original article

Problematic aspects of legal assessment of disclosure of doctor-patient privilege in theory and court practice

Irina A. Sementsova[1], Natalia V. Makarenko[2]
[1] Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don; Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. irina_semen@inbox.ru
[2] Bureau 38-Branch of the Federal State Institution "GB ITU for the Rostov Region" of the Ministry of Labor of Russia. elena_rostov87@mail.ru

Abstract. The article considers the issues of protection and ensuring of the right to preserve medical (doctor-patient) privilege as the most important constitutional right of a person and a citizen, problematic aspects of distinguishing illegal disclosure of doctor-patient privilege from other offenses. The authors present the judicial practice of the Constitutional Court of Russia, which, according to the authors, should be perceived by the legislator to improve the regulatory framework for the protection of doctor-patient privilege, including by criminal-law means.

Keywords: constitutional right, doctor-patient privilege, crime, problems of protecting doctor-patient privilege, legal assessment, disclosure of doctor-patient privilege, judicial errors

For citation: Sementsova I.A., Makarenko N.V. Problematic aspects of legal assessment of disclosure of doctor-patient privilege in theory and court practice. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):86-89 (In Russ.)

Медицинская (врачебная) тайна относится к сведениям, непосредственно связанным с профессиональной деятельностью медицинских работников, доступ к которой ограничен на основании Конституции Российской Федерации и федеральных законов.

Необходимость неукоснительного соблюдения требований о неразглашении сведений, составляющих врачебную тайну, непосредственно закреплена в части 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации, где указано, что «*каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну*».

Врачебная тайна относится к частной жизни человека, и её суть заключается в защите права граждан на личную и семейную тайну от необоснованного и незаконного проникновения государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и негосударственных организаций, должностных и физических лиц.

Действующее законодательство защищает такие виды тайн, как семейная, банковская, тайна завещания, тайна переписки, врачебная тайна и др. Все эти виды тайн предполагают неразглашение личной информации о человеке без его согласия. Исключения из данного правила могут составлять положения закона, например, о необходимости проведения следственных действий, предоставление информации государственным органам и пр. [1, с.662].

Мамедова Г. М. [2, с.87] определяет врачебную тайну как обеспечение государством безопасности сохранения врачебной тайны путем установления специальных ограничений, а также правовой и юридической ответственности за ее разглашение.

Иными словами, в понятие «врачебная тайна» входят:

– сведения медицинского характера относительно того, имеется ли у лица какое-либо расстройство, заболевание либо существует определённый диагноз, а также другая информация о состоянии его здоровья;

– сведения немедицинского характера, заключающиеся в констатации самого факта обращения лица за медицинской помощью;

– иные сведения, которые были получены в результате прохождения обследования и лечения лица, например особенности конституции тела, группы крови, особенности поведения, факты интимной и семейной жизни и проч.

Во избежание ошибок в квалификации любого преступления и более углубленного исследования его признаков стало традиционным во время осуществления научных исследований определять критерии его отличия от тех преступлений, которые имеют с ним общие признаки.

Критериями отграничения могут быть лишь отличительные признаки. И если определение явно отличительных признаков трудностей не вызывает, то непростым является выявление неочевидных, скрытых отличительных признаков. Результата можно достичь только при условии использования правильной квалификации, что предполагает осуществление всех необходимых исследований системно, последовательно и логично.

В том случае, когда врачебная тайна стала известна дознавателю, следователю, прокурору, судьям в силу выполнения ими своих обязанностей, дальнейшее разглашения этой тайны должностными лицами может повлечь уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ (разглашение данных досудебного следствия или дознания) либо по ст. ст. 285 и 286 (злоупотребление должностными полномочиями или их превышение) или по ст. 293 (халатность). Но считаем, если разглашена именно информация медицинского характера, такие деяния необходимо квалифицировать как идеальную совокупность преступлений еще и по ст. 137 УК РФ.

Попутно заметим, что отличие рассматриваемого преступления от указанных очевидна, так как он имеет целый ряд других, присущих только ему признаков состава преступления.

Незаконное разглашение медицинской тайны отличается от других преступлений по специфике объективной стороны, выраженной действием в форме разглашения, и наступлением тяжких последствий; наличием предмета преступления (им является информация, отнесенная к врачебной тайне); субъектом преступления, а именно: если субъектом отдельных преступлений других разделов является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, то уголовная ответственность данному преступному деянию наступает для специально определенного круга лиц, а именно тех, которым стал известен предмет преступления в связи с выполнением ими профессиональных обязанностей.

Должны подчеркнуть, что наибольшую проблему при применении указанной нормы может составлять вопрос отграничения этого преступления от тех, которые имеют лишь несколько отличных (так называемых однородных) признаков состава преступления.

К однородным с разглашением медицинской тайны преступлениям можно отнести:

- нарушение неприкосновенности частной жизни (ст.137 УК РФ);
- злоупотребление должностными полномочиями (ст.285 УК РФ);
- превышение должностных полномочий (ст.286 УК РФ);
- халатность (ст.293 УК РФ).

Составы указанных преступлений содержат ряд тождественных признаков, что свидетельствует о том, что эти преступления являются смежными и практически в одинаковой степени претендуют на применение.

Для начала следует разграничить состав преступления ст.137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», который на данный момент фактически является составом и для разглашения медицинской тайны.

Как уже было указано, основным непосредственным объектом незаконного разглашения врачебной тайны является частная жизнь в части любых мер медицинского характера в отношении лица.

Непосредственным объектом этого преступления называют:

а) общественные отношения, которые обеспечивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну;

б) право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну;

в) общественные отношения, которые обеспечивают защиту права граждан на конфиденциальность информации относительно личной или семейной жизни;

д) право гражданина на неприкосновенность личной жизни и конфиденциальность информации о лице;

е) общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни лица в части сохранения конфиденциальной информации относительно нее;

ж) порядок реализации права гражданина на невмешательство в его личную и семейную жизнь [3, с.540].

Сейчас субъектом незаконного вмешательства в частную жизнь признано любое лицо, субъектом разглашения медицинской тайны являются лица, на которых возложена специальная обязанность хранить медицинскую тайну (врачи и иные медицинские работники, а также лица, обладающие этими сведениями ввиду выполнения профессиональных или служебных обязанностей).

Сведения, которые составляют врачебную тайну, по содержанию делятся на два вида: а) медицинские и б) прочие.

Итак, подводя итоги, можно заметить, что, невзирая на некоторое сходство незаконного разглашения врачебной тайны и других видов преступлений, рассматриваемое преступление имеет ряд лишь ему присущих признаков состава преступления, достоверное определение которых позволит правильно квалифицировать совершенное деяние.

13 января 2020 года Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ, Суд) вынес решение по одному из очень важных и актуальных вопросов – доступа к сведениям, составляющим врачебную тайну родственниками умершего гражданина.

Суд пришел к выводу, что положения ч. 2 и 3 ст. 13, п. 5 ч. 5 ст. 19 и ч. 1 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» противоречат нормам Конституции РФ, ее ст. 7 (ч. 2), 17, 19 (ч. 1 и 2), 21 (ч. 1), 24, 29 (ч. 4), 41 (ч. 1 и 3), 52 и 55 (ч. 3) и позиции КС РФ, изложенным им в своих более ранних решениях, в той мере, в какой действующее правовое регулирование создает неопределенность и не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодателю внести в действующее законодательство изменения, которые бы позволяли определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента. До внесения в законодательство необходимых изменений медицинским организациям надлежит по требованию супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) умершего пациента, лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента, с возможностью снятия своими силами копий (фотокопий), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме – предоставлять соответствующие электронные документы. При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если при жизни **пациент выразил запрет** на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну [4].

Проанализировав юридическую характеристику незаконного разглашения медицинской тайны, можно прийти к определенным выводам:

Преступление, связанное с незаконным разглашением врачебной тайны, непосредственно посягает на определенное личное право или свободу человека и гражданина лично распространять в отношении себя частную информацию, вообще, и информацию медицинского характера, в частности.

Незаконное разглашение медицинской тайны следует признавать законченным преступлением:

1) с момента передачи другому лицу или лицам определенного материального носителя с врачебной тайной в отношении лица;

2) с момента размещения врачебной тайны в отношении лица на материальном носителе в определенном месте и при таких обстоятельствах, когда возможно ознакомление с содержанием информации посторонних лиц;

3) с момента ознакомления постороннего лица или лиц с содержанием информации. В случае распространения информации, которая содержит врачебную тайну в отношении лица, в публичном выступлении, публично демонстрируемом произведении или средствах массовой информации, преступление должно быть оконченным с момента ознакомления посторонних лиц с содержанием информации или с момента реализации носителя такой информации или выставление для публичной демонстрации носителей такой информации.

Подытоживая рассмотрение субъективной стороны незаконного разглашения врачебной тайны, стоит заметить, что это преступление характеризуется различным психическим отношением субъекта

преступления к деянию в форме «разглашения» и его (тяжких) последствий. Поэтому разглашение может быть совершено как умышленно (с прямым и косвенным умыслом), так и по неосторожности. В свою очередь, «тяжкие последствия» являются результатом неосторожного отношения к этому субъекту преступления.

Итак, незаконное разглашение врачебной тайны отличается от других преступлений по специфике объективной стороны, выраженной действием в форме разглашения, и наступлением тяжких последствий; наличием предмета преступления (им является информация, отнесенная к врачебной тайне); субъектом преступления, а именно: если субъектом отдельных преступлений других разделов является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, то уголовная ответственность данному преступному деянию наступает для специально определенного круга лиц, а именно тех, которым стал известен предмет преступления в связи с выполнением ими профессиональных обязанностей.

По результатам проведенного исследования предлагается введение нового состава в УК РФ 137.1 «Незаконное разглашение медицинской тайны», положения которой следует представить следующим образом: «умышленное разглашение медицинской тайны лицом, которому она стала известна в связи с выполнением профессиональных или служебных обязанностей.

Данный состав следует определить как преступление с формальным составом, а в его квалифицированном составе предусмотреть причинение тяжких последствий.

Часть 2,3 ст. 137.1 УК РФ изложить в следующей редакции:

«2. Разглашение без согласия пациента медицинской тайны, совершенное любым лицом без профессиональной или служебной необходимости.

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом, которое выполняет профессиональные или служебные обязанности, или такие, которые повлекли наступления тяжких последствий.

Список источников

1. Пащенко П.С. Правовые проблемы врачебной тайны // E-Scio. 2020. № 10(49).
2. Мамедова Г.М. Этика врачебной тайны // Современная культурология: проблемы и перспективы: Сборник статей молодых ученых / Под ред. Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2022. 162 с.
3. Стяжкина С.А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4.
4. Конституционный Суд РФ о врачебной тайне https://zakon.ru/blog/2021/07/03/ks_rf_o_vrachebnoj_tajne (Дата обращения 12.02.2023)

References

1. Pashchenko P.S. Legal problems of medical secrecy. *E-Scio.* 2020. No. 10(49). (In Russ.)
2. Mammadova G.M. Ethics of medical secrecy. *Modern cultural studies: problems and prospects: Collection of articles by young scientists* / Edited by E.V. Listvina, N.P. Lysikova. Saratov: Publishing house "Saratov source", 2022. 162 p. (In Russ.)
3. Styazhkina S.A. Criminal and legal protection of a person's private life. *Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series*. 2019. Vol. 29. No. 4. (In Russ.)
4. The Constitutional Court of the Russian Federation on doctor-patient privilege. https://zakon.ru/blog/2021/07/03/ks_rf_o_vrachebnoj_tajne (Accessed 12.02.2023) (In Russ.)

Информация об авторах

И.А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент
Н.В. Макаренко – Руководитель Бюро

Information about the authors

I.A. Sementsova – Candidate of Law, Associate Professor
N.V. Makarenko – Head of Bureau

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 342/.7

О мерах защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в социальных сетях

© О.А. Цымлянская, К.Д. Шеленков, 2023

Ольга Афанасьевна Цымлянская [1], Константин Дмитриевич Шеленков[2]
[1] Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. ipidorfii@yandex.ru
[2] Южный Университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия. Azip3131@mail.ru

Аннотация. Авторами обращено внимание на развитие информационно-телекоммуникационных технологий, которое повлекло за собой появление новых форм преступных деяний. В данной статье анализируется нарушение такого конституционного права как неприкосновенность частной жизни, совершаемое в социальных сетях. Авторами статьи сформулированы меры его предупреждения путем применения норм законодательства, обозначаются проблемные аспекты правового регулирования данной защиты.

Ключевые слова: конституционная защита**,** информационные технологии, информационно-телекоммуникационные сети, социальные сети, частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, кибербуллинг, уголовно-правовая защита как вид конституционной охраны прав человека

Для цитирования: Цымлянская О.А., Шеленков К.Д. О мерах защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в социальных сетях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.90-94

Original article

On measures to protect the constitutional right to privacy in social networks

Olga A. Tsymlyanskaya[1], Konstantin D. Shelenkov[2]
[1] Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. ipidorfii@yandex.ru
[2] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. Azip3131@mail.ru

Abstract: The authors draw attention to the development of information and telecommunication technologies, which led to the emergence of new forms of criminal acts. This article analyzes the violation of such a constitutional right as the inviolability of private life committed in social networks. The authors of the article formulate measures to prevent it by applying the norms of legislation, identify problematic aspects of the legal regulation of this protection.

Keywords: constitutional protection, information technologies, information and telecommunication networks, social networks, private life, privacy, cyber bullying, criminal law protection, human rights

For citation: Tsymlyanskaya O.A., Shelenkov K.D. On measures to protect the constitutional right to privacy in social networks. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):90-94 (In Russ.)

Верховенство конституции выражает соотношение конституции с другими актами, действующими в государстве, определяет место конституции в обществе и государстве, а высшая юридическая сила проявляется в соответствии конституции всех нижестоящих актов.

Признание прямого действия Конституции РФ (ч.1 ст.15) является следствием многогранности любого среза общественных отношений. Невозможно заранее упорядочить при помощи норм права все направления жизнедеятельности общества. Однако для общества необходимы правила, согласно которым разрешались бы конфликты, возникающие при отсутствии норм права для конкретной жизненной ситуации. Этой специализированной цели и служат нормы конституции.

Нормы и принципы конституции могут быть положены в основу разрешения тех направлений жизнедеятельности, которые не урегулированы правом. Это ни в коей мере не противоречит тому, что нормы конституции, обладая более или менее общим характером, детально не регулируют общественные отношения. Любая конституционная норма обладает регулирующим характером.

Так, например, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст.2) влечет необходимость исходить из него при дальнейшем конституционном и отраслевом регулировании. Законы и другие правовые акты должны развивать и дополнять это положение Конституции РФ.

Действие конституции не утрачивает своего непосредственного характера даже тогда, когда осуществляется ее реализация совместно с отраслевыми нормами.

Стремительное развитие информационных технологий и интернета не только создает отличные возможности для развития разнообразных отраслей человеческой деятельности, но и становится фактором, который может приводить к совершению дополнительных преступлений.

Так, широкое распространение социальных сетей приводит к увеличению рисков нарушения права личности на неприкосновенность частной жизни, которое гарантируется статьей 23 Конституции Российской Федерации [1]. В рамках данной статьи указывается, что каждый человек обладает правом на тайну переписки и телефонных переговоров, а ограничиваться подобное право может только в случае вынесения соответствующего судебного решения. Дополнительные особенности регулирования социальных сетей описываются в рамках Федерального закона об информации и информационных технологиях [2], а также особенностях их защиты.

Подобные правонарушения регламентируются нормами Уголовного Кодекса Российской Федерации [3], в частности, статьей 137, где описывается нарушение неприкосновенности частной жизни, статьей 138, где описывается нарушение тайны переписки и телефонных переговоров, а также статьей 272, в рамках которой описывается получение неправомерного доступа к компьютерной информации.

Важно понимать, что все из перечисленных проступков подразумевают наступление ответственности согласно положениям действующего законодательства. В современном мире перечисленные проблемы являются крайне актуальными и распространенными. Одна из особенностей заключается в том, что достичь значимого прогресса в справедливом регулировании подобных отношений невозможно, если не будет совершено эволюционное закрепление приоритета по обеспечению интересов, свобод и прав личности.

Именно интернет и информационные технологии выступают в качестве факторов, которые приводят к формированию совершенно новой сферы жизни и взаимодействия общества. При этом статистика органов внутренних дел показывает, что ежегодно количество преступлений, совершенных в интернете, стремительно увеличивается. К примеру, в 2020 году была зафиксировано на 75,2% больше преступлений в интернете, чем в 2019 году [4].

На текущем этапе постоянно растет количество преступлений в интернете, связанных с нарушением права человека на неприкосновенность частной жизни. И практически все покушения на частную жизнь совершаются именно в интернете. Достаточно часто изображения, распространяемые в интернете, содержат материалы эротического характера. Стоит понимать, что достаточно часто подобные изображения получают заранее, пока между потерпевшим и преступником имелись доверительные отношения. Часто мошеннические действия совершаются в социальной сети «Вконтакте» или «Одноклассники», где изначально определить количество жертв невозможно.

Разумеется, нет никаких сомнений в том, что сам факт использования интернета является вполне законной деятельностью. Именно это обстоятельства используется в качестве основного или квалифицирующего признака для целого ряда составов преступлений, описанных в статье 137 Уголовного Кодекса Российской Федерации [5, с.280].

В рамках части 3 данной статьи содержится более конкретное указание на сеть Интернет, в частности, содержится отметка о том, что способом незаконного распространения информации является использование специальных информационно-телекоммуникационных сетей. При этом стоит отметить, что в рамках уголовного законодательства нет конкретных указаний на то, что необходимо рассматривать в качестве распространения информации о частной жизни. Решить данную проблему пытались разнообразные судебные инстанции. Здесь крайне примечательным является разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2005 года [6], в рамках которого указывается, что в качестве распространения сведений требуется рассматривать процесс их публикации в печати, а также трансляция по радио и телевидению, распространением в средствах массовой информации или сети Интернет. Также в рамках данного документа указывается, что для реализации подобных преступных мотивов могут использоваться и различные другие средства телекоммуникационной связи. Важнейшая заметка здесь также связана с тем, что передача подобных сведений лицу, с которыми подобные данные связаны, не могут считаться распространением. Немаловажная особенность также заключается в том, что в российском законодательстве действует принцип буквального толкования закона.

В связи с этим часть 3 и часть 1 статьи 137 УК РФ начинают противоречить друг другу, поскольку при их совместном использовании выходит, что распространение данных посредством сети Интернет не может рассматриваться в качестве преступления. Как результат, на текущем этапе крайне актуальной становится задача, связанная с ликвидацией подобной неточности, для чего требуется внести соответствующие изменения в действующее законодательство [7, с.95].

Другая значительная проблема, которая связана с квалификацией преступлений, подразумевающих использование сети Интернет, заключается в том, что в действующем законодательстве нет единообразия среди используемых формулировок. Так, в рамках Уголовного кодекса можно встретить обозначения сети Интернет как электронной, информационной и телекоммуникационной. Более того, зачастую в законах содержится указание не на интернет, а на какие-либо информационно-телекоммуникационные сети. Многие исследователи указывают, что законодательству требуется придать системный характер, что подразумевает повсеместное использование единства законодательного языка. Все перечисленные проблемы указывают на острую необходимость защиты неприкосновенности частной жизни в рамках сети Интернет. Таким образом, на текущем этапе крайне актуальной становится задача внесения изменений в действующее законодательство, чтобы обеспечить наиболее эффективную борьбу с преступлениями в интернете.

Если рассматривать действующее уголовное законодательство России, то можно будет обнаружить, что использование сети Интернет предусматривается в диспозициях минимум двадцати различных норм уголовного закона, если учитывать, в том числе, и квалифицирующие признаки для отдельных составов преступлений. Как результат, не совсем ясно, почему законодатель не уделяет достаточного внимания выделению соответствующего признака в рамках диспозиции нормы статьи 137 Уголовного Кодекса Российской Федерации, оставляя лишь указание на средства массовой информации. Важно понимать, что данная формулировка не будет включать в себя множество информационных интернет-ресурсов, которые не регистрировались согласно законодательству.

Таким образом, на основе рассмотренных тезисов можно сделать вывод о необходимости дополнения текущей нормы статьи 137 Уголовного Кодекса Российской Федерации дополнительным указанием на использование сети Интернет при совершении преступления. Вместе с этим следует предусмотреть в формулировке и использование нейронных сетей и искусственного интеллекта. Отмечается, что все перечисленные действия обладают повышенной опасностью, потому их следует помещать в часть 2 статьи 137 Уголовного Кодекса Российской Федерации [8, с.15].

Технологии наблюдения и распознавания лиц являются еще одним крайне серьезным нарушением неприкосновенности частной жизни. Нужно понимать, что подобные инструменты крайне активно используются, в том числе и государством, а также разнообразными органами власти и ведомствами. В случае если подобные инструменты используются для борьбы с преступностью в ходе правоохранительной деятельности, то они являются полезными для общества, однако существует крайне большое количество ситуаций, где использование инструментов прослушивания каналов связи и распознавания лиц может становиться причиной нарушения прав человека.

На сегодняшний день наблюдается тенденция, согласно которой цифровые технологии достаточно часто используются для осуществления массовой слежки, а также обладают огромным масштабом. Подобные подходы без каких-либо сомнений нарушают право человека на неприкосновенность частной жизни и другие права.

К примеру, среди подобных инструментов можно отметить различные типы слежения, мониторинг в интернете, разные меры для сбора данных, в частности, история просмотров в браузере, история покупок, история поиска. Более опасными считаются сбор данных о местоположении человека, его финансовые данные, а также данные о здоровье. Нужно понимать, что все эти массивы данных поступают в банки информации и затрагивают интересы каждого человека. Так, многие исследователи указывают, что в рамках подобных банков данных могут содержаться подробные описания характера и личностных особенностей человека, вся медицинская и финансовая информация, данные о родственниках и социальном происхождении. Очевидно, что такую информацию можно обрабатывать при помощи различных алгоритмов для решения самых разнообразных задач без какой-либо отчетности и контроля за результатами. Более того, значительная часть людей даже не будет догадываться о том, что существуют подобные банки данных.

Важно понимать, что недобросовестное использование интернета приводит к подрыву демократических устоев общества, поскольку позволяет распространять дезинформацию и нагнетать ненависть. Вместе с этим будет нарушаться право человека на получение достоверной информации.

К примеру, на сегодняшний день социальные сети очень часто используются именно для того, чтобы распространять опасную дезинформацию и фейковые новости, что позволяет разжигать вражду, дискриминировать различные группы населения. Если рассматривать непосредственно фейковые новости, то с точки зрения законодательства Российской Федерации при помощи данного термина рассматривается заведомо недостоверная общественно значимая информация, которая распространяется под видом достоверных данных. При этом подобная ложная информация несет определенную опасность для жизнедеятельности граждан.

Так, на текущем этапе стоит отметить, что государство не только должно законодательно установить конкретные права и обязанности для участников цифровых правоотношений, а также пределы потенциального использования информационных технологий, но и постоянно совершенствовать суще-

ствующие методики для защиты прав человека. Важнейшей задачей в рамках данной отрасли становится разработка особой концепции законодательства в области защиты прав человека в условиях цифровизации. Отметим, что при разработке подобного законодательства ключевой приоритет должен отводиться именно правам человека.

Вместе с этим крайне важно практически полностью переосмыслить существующие нормы права в области защиты частной жизни с учетом новых условий, формирующихся в результате стремительной цифровизации общества. Так, одной из важнейших задач становится решение противоречия между необходимостью обеспечения защиты персональных данных человека и практическим отсутствием инструментом, которые могли бы обеспечить полную защиту данных в интернете. Еще одной важной задачей становится введение строгого контроля за соблюдением норм и правил по работе с персональными данными для органов государственной власти и частных компаний. Так, очень важно, чтобы все они определяли конкретные цели обработки данных, а также предоставляли отчет о проводимой обработке и передаче информации. Вместе с этим нужно описывать гарантии безопасности механизма, используемого для предоставления данных, описывать конкретный алгоритм и инструмент для хранения данных [9, с.108].

Отдельного внимания заслуживает позиция разнообразных специалистов в области права, которые указывают, что для решения поставленных задач на текущем этапе наиболее целесообразно использовать специальный состав за нарушение правомерно установленного режима тайны, а также ввести административно-правовую ответственность за различные нарушения требований в области защиты информации. Также подобные исследователи указывают, что крайне важная задача заключается в разработке соответствующих мер ответственности за передачу информации ограниченного доступа через интернет без использования специальных инструментов для защиты подобной информации.

Стоит понимать, что зачастую подобные нарушения могут совершаться практически любым современным человеком, поскольку все сейчас имеют доступ к сети Интернет. Ключевая опасность подобного распространения заключается в том, что утекшая информация становится доступной н международном уровне. Таким образом, исследователи указывают, что в связи с тем, что за счет использования глобальной сети Интернет можно обеспечить беспрепятственное распространение информации, будет происходить кардинальное изменение качества преступления, что, очевидно, будет отражаться на степени его общественной опасности.

В рамках части 3 статьи 137 Уголовного Кодекса Российской особое внимание уделяется незаконному распространению информации о несовершеннолетнем лице, которое не достигло шестнадцати лет. Вместе с этим в положении подробнее описываются физические и нравственные страдания, которые были причинены в результате совершения подобных действий. Отмечается, что при квалификации подобных преступлений особое внимание следует уделять тому, имеет ли ресурс государственную аккредитацию, то есть, считается ли он средством массовой информации или нет. В зависимости от этого будет определяться и тот факт, можно ли использовать здесь соответствующий закон о СМИ.

В последнее время все большее распространение стал получать термин «кибербуллинг», который охватил практически весь интернет. Слово имеет англоязычный характер происхождения, поскольку описывает агрессивное систематическое преследование одного из членов коллектива при неравном соотношении между силами и возможностями сторон. Так, на сегодняшний день широкое распространение получила практика, подразумевающая создание особых страниц в интернете, направленных на издевательства и унижение чести человека. В частности, на подобных страницах происходит публикация издевательских карикатур, унизительных фотографий. Вместе с этим могут придумываться обидные прозвища, распространяться слухи. Особую популярность подобный формат травли получил среди подростков. Очень часто людей атакуют большим количеством агрессивных комментариев с оскорблениями и угрозами.

Сейчас в интернете достаточно легко найти множество различных роликов, посвященных травле различных людей. Как показывает практика, в большинстве случаев издеваются над несовершеннолетними или публичными людьми, хотя стоит понимать, что подобная агрессия может использоваться в отношении любого человека. Более того, опасность подобного явления заключается в том, что данная травля может зайти крайне далеко и оказать сильное негативное явление на социальный статус человека, а в некоторых случаях привести к самоубийству. Последнее достаточно часто встречается среди несовершеннолетних. Их права на неприкосновенность частной жизни также в полной мере защищает Конституция России.

Часть 3 статьи 137 УК РФ описывает положение о неприкосновенности частной жизни несовершеннолетних в Интернете. При этом само преступление относится к категории средней тяжести, что не является справедливым, поскольку подобное явление обладает крайне высокой общественной опасностью, в связи с чем его нужно рассматривать как тяжкое преступление.

Таким образом, на основе всех рассмотренных тезисов, можно сделать вывод, что государство использует крайне двойственную политику в вопросе обеспечения защиты персональной информации. Так, с одной стороны, законодатель на постоянной основе реализует определенные меры, направленные на повышение государственного контроля информационного пространства и обеспечения защиты личных данных. С другой стороны, на текущем этапе обеспечению защиты персональных данных уделяется не так много внимания, а все больший приоритет отдается обеспечению максимальной безопасности объектов критической информационной инфраструктуры.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // СПС Консультант Плюс.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС Консультант Плюс.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2020 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/19655871/ (дата обращения: 20.06.2021).
5. Горшенин А. А. Охрана неприкосновенности частной жизни в сети Интернет // Молодой ученый. 2018. № 19 (205).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" // СПС Консультант Плюс.
7. Семенов Е.Ю. Совершенствование правовых и организационных аспектов защиты персональных данных в Российской Федерации // Закон и право. 2022. №1.
8. Гарчева Л.П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2022. №1.
9. Эдилова Х.В. Неприкосновенность частной жизни в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" // Право и практика. 2017. №4.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). SPS Consultant Plus. (In Russ.)
2. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 29.12.2022) "On Information, Information Technologies and Information Protection". SPS Consultant Plus. (In Russ.)
3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ. SPS Consultant Plus. (In Russ.)
4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January 2020. URL: https://мвд.рф/reports/item/19655871 / (date of address: 06/20/2021).
5. Gorshenin A. A. Protection of privacy on the Internet. Young scientist. 2018. No 19 (205). (In Russ.)
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.02.2005 N 3 "On judicial practice in cases of protection of honor and dignity of citizens, as well as business reputation of citizens and legal entities". SPS Consultant Plus. (In Russ.)
7. Semenov E.Y. Improvement of legal and organizational aspects of personal data protection in the Russian Federation. *Law and Right.* 2022. No. 1.
8. Garcheva L. P. On some risks of human rights violations in the conditions of digitalization. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University*. *Legal sciences*. 2022. No. 1 (In Russ.)
9. Edilova H.V. Inviolability of private life in the information and telecommunication network "Internet". *Pravo i praktika*. 2017. No. 4 (In Russ.)

Информация об авторах

К.Д. Шеленков – магистрант
О.А. Цымлянская – кандидат экономических наук, доцент

Information about the authors

O.A.Tsymlyanskaya – Master's Degree Student
K.D. Shelenkov – Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 347.45

Некоторые вопросы заключения договоров об отчуждении недвижимости

© Т.А. Скворцова, Г.С. Працко, 2023

Татьяна Александровна Скворцова[1], Геннадий Святославович Працко[2]
[1] Ростовский государственный университет путей сообщения; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия. tas242@yandex.ru
[2] Ростовский государственный университет путей сообщения; Донской государственный технический университет; Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия. gpip@rgups.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов заключения гражданско-правовых договоров по отчуждению недвижимости. Исследуются вопросы согласования существенного условия таких договоров – о предмете (недвижимом имуществе). Рассматриваются проблемы закрепления требования о государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество. По итогам исследования авторами сделан вывод о необходимости приведения в соответствие норм Гражданского кодекса РФ и законодательства о регистрации недвижимости.

Ключевые слова: недвижимость, договоры о передаче права собственности, купля-продажа, рента, дарение, государственная регистрация недвижимости

Для цитирования: Скворцова Т.А., Працко Г.С. Некоторые вопросы заключения договоров об отчуждении недвижимости // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3(154). С.95-98

Original article

Some issues of concluding contracts on the alienation of real estate

© T.A. Skvortsova, G.S. Pratsko, 2023

Tatyana A. Skvortsova[1], Gennadiy S. Pratsko[2]
[1] Rostov State Transport University; Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. tas242@yandex.ru
[2] Rostov State Transport University; Don State Technical University; Rostov branch of the Russian state University of Justice. Rostov-on-Don, Russia. gpip@rgups.ru

Abstract. The article considers some issues of concluding civil law contracts for the alienation of real estate. The issues of agreeing on the essential condition of such contracts – on the subject (real estate) are investigated. The problems of fixing the requirement for state registration of the transfer of ownership of immovable property are considered. Based on the results of the study, the authors concluded that it is necessary to bring the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the legislation on registration of real estate into compliance.

Keywords: real estate, contracts for the transfer of ownership, purchase and sale, rent, donation, real estate state registration

For citation: Skvortsova T.A., Pratsko G.S. Some issues of concluding contracts on the alienation of real estate. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3(154):95-98 (In Russ.)

Недвижимость представляет собой один из наиболее значимых объектов гражданского права, поскольку его роль в жизни и деятельности физических и юридических лиц трудно переоценить. Объекты недвижимости используются гражданами для удовлетворения своих самых основных потребностей, связанных с жизнедеятельностью. Е.С. Болтанова в своем диссертационном исследовании замечает, что обладание недвижимостью в той или иной мере является гарантией устойчивого экономического положения субъекта [1].

В отношении права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи законодатель устанавливает правило об их обязательной государственной регистрации. Данное правило нашло отражение в ст.ст. 8.1 и 131 Гражданского кодекса РФ (далее также – ГК РФ). Кроме того, Федеральным законом от 21.12.2021 № 430-ФЗ в Гражданский кодекс РФ введена новая глава 6.1. «Недвижимые вещи», определяющая особенности статуса отдельных объектов недвижимости: земельных участков

(ст. 141.2 ГК РФ, зданий и сооружений (141.3 ГК РФ), помещений (141.4 ГК РФ), а также правила об образовании данных объектов недвижимости (ст. 141.5 ГК РФ). Все это еще раз подчеркивает важность недвижимого имущества как объектов гражданского оборота.

По поводу недвижимого имущества субъекты гражданского оборота могут совершать разнообразные сделки, включая самые распространенные, влекущие его отчуждение, – договоры купли-продажи, дарения, ренты и т.д.. Относительно договора продажи недвижимости заметим, что законодатель выделил данное соглашение в специфический вид купли-продажи, подчеркивая тем самым особенности, а также значимость недвижимости для гражданского оборота.

Договор по отчуждению недвижимости, как и любая иная сделка, считается заключенным по достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям договора в надлежащей форме (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

Римские юристы оставили весьма обширное наследие, часть которого образует учение о сделках. В соответствии с воззрениями древних римлян, в состав сделки входили три группы условий: существенные или необходимые для ее существования (assentialia), присущие сделке, которые, однако, могут отсутствовать или свободно изменяться (naturalia), и, наконец, включение которых зависит от усмотрения сторон (accidentalia). Указанный подход получил широкое распространение в отечественной доктрине гражданского права. В трактовке отечественных правоведов указанные группы условий носят следующие наименования: «существенные, обычные и случайные» [2].

Первые из названных условий представляют собой необходимые и достаточные элементы для заключения договора, влияющие на его заключенность [3]. Наиболее важное существенное условие договора – его предмет. Под предметом договора в юридической литературе традиционно понимается вещь либо иной объект гражданских прав. Такой подход исходит из положений гражданского законодательства.

Так, в качестве предмета договора продажи недвижимости соответственно выступает объект недвижимости, принадлежащий продавцу, как правило, на праве собственности. Действующее законодательство допускает случаи продажи недвижимости, отсутствующей на момент заключения договора. Однако условием правомерности договора, заключаемого о продаже отсутствующего товара, будет его создание или приобретение продавцом в будущем, что следует из положений ч. 2 ст. 455 ГК РФ.

Недвижимость, выступающая в данном случае предметом договора, отличается не только особым правовым режимом, но и индивидуальностью. Вывод о том, что недвижимость обладает индивидуально-определенными свойствами, вытекает из совокупности причин как естественного, так и юридического свойства. В качестве естественной причины можно назвать расположение жилого дома на определенном участке местности, в качестве юридической – индивидуализацию здания посредством постановки на кадастровый учет, в результате которого объект недвижимости приобретает характеристики, позволяющие четко выделить его из группы однородных объектов. Кадастровый номер, присваиваемый недвижимости при постановке на учет, является уникальным и неповторимым. Он неизменен весь период существования недвижимости в качестве единого объекта зарегистрированного права.

В соответствии с действующим законодательством допускается заключение договора об отчуждении части недвижимого имущества. В указанных случаях для указания на предмет договора требуется выделение части имущества или, иными словами, доли лица. В результате возникает собственность лица на выделенную часть недвижимости, которая в дальнейшем может стать предметом договора о передаче прав собственности в отношении недвижимости.

Например, М.Н. Илюшина отмечает, что ст. 454 ГК РФ императивно предусматривает порядок определения предмета в договоре продажи недвижимости: должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору, в том числе данные, определяющие расположение недвижимости на соответствующем земельном участке либо в составе другого недвижимого имущества [4]. То есть для признания предмета рассматриваемого договора согласованным необходимо:

– точно определить объект недвижимости, переходящий по договору к покупателю, для чего требуется учесть в тексте договора все средства его индивидуализации, предусмотренные действующим законодательством;

– определить основания и границы использования земельного участка, на котором расположен объект недвижимости.

Иначе договор, как правило, не признается заключенным. Однако здесь необходимо руководствоваться также разъяснениями судебных органов о том, что при отсутствии в договоре существенных условий, но при этом если одна сторона приняла от другой полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердила его действие, договор будет признан заключенным судебными инстанциями (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 [5], п. 7 Об-

зора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) [6]).

Предмет договора об отчуждении недвижимости должен быть согласован стонами в установленной форме. В большинстве случаев требуется простая письменная форма договора, причем заключаемого путем единого документа, подписанного сторонами. В настоящее время в качестве общего правила законодательство не предусматривает обязательного нотариального удостоверения сделок по отчуждению недвижимости. В качестве исключений выступают случаи, когда такое нотариальное удостоверение указывается в качестве обязательного в нормах закона. Например, нотариальному удостоверению подлежат сделки с долями, принадлежащими несовершеннолетним собственникам недвижимого имущества, а также договоры ренты.

Стороны должны надлежащим образом выразить свою волю на заключение договора. Например, по одному из дел договор купли-продажи земельного участка был признан недействительным, поскольку истец (продавец) не подписывал этот договор, участок выбыл из владения истца помимо его воли. Согласно оспариваемому договору истец продал земельный участок ответчику, расчет по договору произведен полностью до подписания договора. В день подписания договора между сторонами оформлен передаточный акт, по которому покупатель принял земельный участок; право собственности покупателя на земельный участок зарегистрировано. Впоследствии покупатель передал спорный участок третьему лицу по договору купли-продажи. В соответствии с заключением судебной почерковедческой экспертизы две подписи от имени истца и две рукописные записи, расположенные в строке «продавец» в договоре купли-продажи земельного участка, заключенном между истцом и ответчиком, и в передаточном акте, составленном между истцом и ответчиком, выполнены не истцом, а другим лицом. Суд также учел, что ответчик не доказал факта передачи денежных средств в оплату по договору [7].

Итак, предмет договора по отчуждению недвижимости – это весьма важное существенное условие, по которому сторонами обязательно должно быть достигнуто соглашение в договорном порядке. При несогласовании данного условия договор считается не заключенным, а в случаях отсутствия действительной воли одной из сторон на согласование данного условия и, соответственно, на заключение такого договора суд может признать данный договор недействительным.

Также в случаях отчуждения недвижимости следует совершить действия по регистрации перехода прав собственности в отношении объекта недвижимого имущества. С 2013 года сделки по отчуждению недвижимости в собственность другого лица не регистрируются. Подлежит регистрации лишь переход права собственности на объект. Более того, с 29 июня 2022 года на договоре или иной сделке, которая послужила основанием для государственной регистрации права собственности приобретателя, не проставляется, как это было ранее, так называемый «синий» штамп, то есть специальная регистрационная надпись Росреестра. При этом Росреестр считает, что безопасность сделок с недвижимостью вследствие его отсутствия не будет страдать [8].

Вместе с тем, анализ действующего законодательства в сфере государственной регистрации и практики его применения выявил наличие противоречий между нормами законодательства о государственной регистрации недвижимости и требованиями ГК РФ о необходимости регистрировать сделки по отчуждению недвижимости. Например, действующая редакция статьи 551 ГК РФ устанавливает правило: «Переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации», несмотря на то, что нормами Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» такая регистрация не предусмотрена и, соответственно, на практике не применяется.

Представляется целесообразным убрать из ГК РФ уже не работающие на практике нормы об обязательной государственной регистрации договоров продажи жилых помещений, предприятий, договоров дарения недвижимости, а также договоров ренты.

В связи с этим предлагается внесение следующих изменений:

П. 2 ст. 558 ГК РФ необходимо прописать в ГК РФ следующим образом:

«2. Переход права собственности к покупателю по договору продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры подлежит государственной регистрации»;

Соответственно, п. 3 ст. 560 ГК РФ – следующим образом:

«3. Переход права собственности к покупателю по договору продажи предприятия подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации».

П. 3 ст. 574 ГК РФ – следующим образом:

«3. Переход права собственности к одаряемому по договору дарения недвижимого имущества подлежит государственной регистрации».

И, наконец, ст. 584 ГК РФ нужно изложить следующим образом:

«1. Договор ренты подлежит нотариальному удостоверению.

2. При отчуждении недвижимого имущества под выплату ренты переход права собственности к плательщику ренты подлежит государственной регистрации».

В то же время для обеспечения защиты прав собственности граждан на недвижимость как на наиболее ценный объект гражданского оборота, учитывая отмену не только процедуры государственной регистрации сделок купли-продажи, но и необходимость проставления специальных печатей органа государственной регистрации на экземпляре договора купли-продажи, целесообразно максимальное расширение случаев, когда заключение сделок купли-продажи недвижимости будет требовать обязательной нотариальной формы. В частности, предлагаем установить нотариальную форму сделки купли-продажи жилых помещений и их частей.

Для этого необходимо внести в ст. 558 ГК РФ п. 3 в следующей трактовке:

«3. Договор купли-продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры подлежит нотариальному удостоверению».

Список источников

1. Болтанова Е.С. Договор купли-продажи недвижимости: Общие положения: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2001. 23 с.
2. Кузнецова Н.В., Меньшикова О.В. Условия гражданско-правового договора: теория и практика правового регулирования. Ижевск: Jus est, 2020. 71 с.
3. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций: Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах / Отв. ред. А.К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 511 с.
4. Илюшина М.Н. Новеллы Гражданского кодекса об опционных договорах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 3-10.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 11.01.2019. № 4.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
7. Определение Московского городского суда от 11.07.2016 № 4г-7017/2016 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
8. Росреестр разъясняет: отказ от регнадписи на договорах не повлияет на безопасность сделок. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-razyasnyaet-otkaz-ot-regnadpisi-na-dogovorakh-ne-povliyaet-na-bezopasnost-sdelok/?ysclid=l9rf48tqt1671923708

References

1. Boltanova E.S. Real estate purchase and sale agreement: General provisions: Abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Tomsk, 2001. 23 p. (In Russ)
2. Kuznetsova N.V., Menshikova O.V. Conditions of a civil contract: theory and practice of legal regulation. Izhevsk, Jus est, 2020. 71 p. (In Russ)
3. Ioffe O.S. Soviet Civil Law. Course of lectures: General part. Ownership. The general doctrine of obligations. Ed. by A.K. Yurchenko. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1958. 511 p.
4. Ilyushina M.N. Novellas of the Civil Code on option contracts. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, No. 2. pp. 3-10. (In Russ)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 No. 49 "On some issues of the application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract". *Rossiyskaya Gazeta.* 11.01.2019. № 4. (In Russ)
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.11.2020). "Consultant Plus". (In Russ)
7. Definition of the Moscow City Court of 11.07.2016 № 4g-7017/2016 // "Consultant Plus".(In Russ)
8. Rosreestr clarifies: the refusal of regnadpisi on contracts will not affect the security of transactions. URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr- (In Russ)

Информация об авторах

Т.А. Скворцова – кандидат юридических наук, доцент
Г.С. Працко – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор

Information about the authors

T.A. Skvortsova – Candidate of Law, Associate Professor
G.S. Pratsko – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 06.02.2023. The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 06.02.2023

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343

Оперативно-розыскная деятельность:
конституционные основы и проблемные вопросы организации и реализации

© О.И. Лозинский, К.В. Кравченко, А.Н. Джеев, 2023

Олег Иванович Лозинский[1], Константин Викторович Кравченко[2], Александр Николаевич Джеев[3]
[1,2,3] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия.
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] kostik00@mail.ru
[3] adzheev-18@edu.ranepa.ru

Аннотация. В статье изложены современные подходы к понятиям сущности и содержания конституционных и отраслевых принципов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Исследование проведено с учетом следующего: ОРД (гласная и негласная) является поисковой деятельностью, направленной на получение и фиксацию непроцессуальными способами информации о событиях, лицах и объектах, представляющей интерес для правоохранительных органов; в ФЗ «Об ОРД» нормативно закреплена возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе реализации ОРД; допустимость этого ограничения, его степень и инструментарий остаются дискуссионным вопросом в сфере правоприменительной практики; по-прежнему дискуссионным остается вопрос о механизмах легализации результатов ОРД и придания им доказательственной силы в уголовном процессе. Результатом исследования стали выводы о том, что, несмотря на всю специфичность ОРД, конституционные принципы по-прежнему остаются приоритетными в вопросах ее эмпирической реализации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конституционные основы оперативно-розыскной деятельности, защита прав личности, правоохранительные органы, конституционно-правовые проблемы организации и реализации оперативно-розыскной деятельности

Для цитирования: Лозинский О.И., Кравченко К.В., Джеев А.Н. Оперативно-розыскная деятельность: конституционные основы и проблемные вопросы организации и реализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С.99-104

Original article

Operational investigative activity:
constitutional foundations and problematic issues of organization and implementation

Oleg I. Lozinsky[1], Konstantin V. Kravchenko[2], Alexander N. Jeev[3]
[1,2,3] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] kostik00@mail.ru
[3] adzheev-18@edu.ranepa.ru

Abstract. The article presents modern approaches to the concepts of the essence and content of the constitutional and sectoral principles of operational investigative activity (hereinafter - the OIA). The study is conducted taking into account the following: OIA (public and unspoken) is a search activity aimed at obtaining and fixing by non-procedural means information about events, persons and objects of interest to law enforcement agencies; the Federal Law "On OIA" provides for the possibility of restricting the constitutional rights and freedoms of man and citizen during the implementation of OIA; the permissibility of this restriction, its degree and tools, remain a debatable issue in the field of law enforcement practice; the issue of mechanisms for legalizing the results of the OIA and giving them evidentiary force in criminal proceedings remains debatable. The result of the study was the conclusion that, despite all the specificity of the OIA, constitutional principles still remain a priority in matters of its empirical implementation.

Keywords: operational and investigative activities, constitutional foundations of operational and investigative activities, protection of individual rights, law enforcement agencies, constitutional-law problems of organization and implementation of operational and investigative activities.

For citation: Lozinsky O.I., Kravchenko K.V., Jeev A.N. Operational investigative activity: constitutional foundations and problematic issues of organization and implementation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):99-104 (In Russ.)

В современном мире происходит стремительная, в историческом плане, трансформация общественного сознания, характеризующаяся тягой к постоянному развитию и совершенствованию (как поступательному, так и сопряженному с «прорывами» в различных областях знания и его эмпирического применения). Указанное связано с постоянным ускорением темпа жизни и тотальной цифровизацией общества, подразумевающей все больший и повсеместный отход от непосредственного общения между людьми (с учетом постоянного внедрения различного рода дистанционных технологий).

Прогресс развития общества остановить невозможно, да и сам факт наличия этой возможности и желания ее реализации сам по себе является контрпродуктивным, поскольку снижает конкурентоспособность отдельного общества (государства) перед его внешним окружением, со всеми вытекающими из этого последствиями [1].

Увы, но и преступному миру тоже не чужды указанные процессы, он модернизируется и реструктуризируется, совершенствуя методы и средства совершения различного рода преступных деяний. Динамику общественного развития практически неразрывно сопровождает процесс криминализации все новых и новых проявлений общественной жизни (постоянное появление новых составов преступлений и расширение перечня квалифицирующих признаков по уже законодательно закрепленным в УК РФ). Так, например, спектр возможностей совершения состава мошенничества достиг небывалого уровня его реализации на практике (по сферам деятельности, по способу совершения, по кругу лиц и др.) и продолжает постоянно расширяться с учетом возникновения новых сфер общественной жизни и коммерческой деятельности.

Не обходят указанные процессы и сферы, неразрывно связанные с обеспечением безопасности государства и его граждан (террористические угрозы, экономическая безопасность, здравоохранение, экология и др.)

Изложенное возлагает на органы государственной власти и управления (к которым относятся и правоохранительные органы) обязанность своевременного и адекватного реагировать на новые вызовы и угрозы общественной безопасности.

Одной из мер эффективного реагирования на эти вызовы криминального мира является ОРД, которая представляет собой довольно специфическую сферу взаимодействия и взаимоотношений различных по своему правовому статусу и положению субъектов. При этом алгоритмы реализации задач ОРД не в полной мере попадают под традиционное представление граждан о процессе противостояния преступника и оперативного работника, и эта специфичность в последнее время обоснованно все более и более трансформируется и приобретает новые формы. Совсем недавно, по историко-правовым меркам (до 1992 года), ОРД имела весьма примитивный вид, носила преимущественно негласный характер и не имела нормативно-правовой базы на федеральном уровне (оставаясь на подзаконном уровне – ведомственные приказы, указания, инструкции и т.п., результаты передаваемого эмпирического опыта) и представляла собой какой-то не вполне легальный механизм получения необходимой информации на внутриведомственном уровне. Указанная ситуация всем представлялась естественной, причем даже довольно широко бытовало мнение о том, что благодаря негласному и непроцессуальному характеру ОРД, она может существенно помочь гласной следственной деятельности, «скованной» в процессе доказывания рамками уголовно-процессуального закона. При этом вопросы соблюдения прав и свобод человека и гражданина в процессе реализации ОРД мало кого интересовали, опять же с учетом ее негласности и непроцессуальности (ее как бы фактически, для внешней огласки, и не было вовсе). Главным аргументом практиков, с которым трудно поспорить, было то, что названные характеристики ОРД как раз и гарантируют ее эффективность, ведь она практически вся построена на различных формах агентурной работы (предать ОРД гласности значить самим разоблачить свою агентурную сеть, полностью лишив ее эффективности, а для кого-то из агентов (конфидентов) это может стать и угрозой жизни) [2].

В настоящее время ОРД более не выглядит и не является по факту примитивной, «подковерной внутриведомственной игрой». ОРД (ФЗ «Об ОРД» от 1992 г., а затем, ныне действующим от 1995 г.) придан официальный статус государственной деятельности, субъекты которой наделены полномочиями, которые реализуются в рамках правового поля, хоть его границы, по понятным причинам, в некоторой степени размыты за счет того, что нормы названного федерального закона во многом носят фундаментальный, декларативный характер, а область практического правоприменения по-прежнему очень во многом базируется на нормах и положениях ведомственных подзаконных актов и носит субъективный характер.

Теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая базы ОРД постоянно трансформируются, реагируя на изменения социальной среды и криминогенной обстановки, на государственные установки и вопросы целеполагания (в основном за счет создания и обоснования различных частных (специальных) теорий ОРД по различным направлениям деятельности, либо в рамках компетенции отдельных правоохранительных структур). При этом основная идея ОРД остается прежней – максимально уравнять баланс сил и возможностей между правоприменителем (находящимся в тисках норм и правил) и преступником (не соблюдающим никаких правил) и по возможности сместить этот баланс в сторону правоприменителя [3].

Не стоит ожидать, что преступник пренебрежет своей сутью и «выйдет из тени». Также очевидным является то, что гласная составляющая ОРД никогда не станет эффективнее ее негласной формы. Перевод ОРД преимущественно в гласную форму выхолостит саму суть ОРД и фактически просто сделает из нее дубликат процессуальной деятельности, производимой в соответствии с УПК РФ (со всеми ее недостатками и ограниченностью в вопросах доказывания).

Между тем, на что постоянно обращают внимание противники названных умозаключений, процессуальная деятельность в соответствии с нормами УПК РФ позволяет дать определенные гарантии соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а ОРД в такой же мере обеспечить незыблемость этих гарантий не может (теоретически и декларативно – да, а на эмпирическом уровне – далеко не всегда).

В связи с изложенным, вопрос сохранения баланса, где, с одной стороны, с целью поддержания эффективности ОРД ей необходимо сохранить в значительной части негласную форму реализации и существенную степень свободы действий, а с другой – не дать перерасти этой «степени свободы» в самоуправство, беспредел и различного рода должностные преступления, связанные с превышением должностных полномочий или злоупотреблением властью (пускай даже, как это обычно оценивают, «из ложно понятых интересов службы»), остается извечным и постоянно открытым (ОРД динамичный, «живой» процесс, и решить в нем что-то путем установления раз и навсегда каких-то рамок не получится, вопрос этой балансировки тоже должен оставаться динамичным). При этом ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, в случае их обоснованной необходимости, должны реализовываться на законной основе с соблюдением законных процедур, а не оправдываться только потребностями эффективности ОРД [4].

Кроме того, одним из наиболее значимых вопросов в сфере ОРД является вопрос о легитимности ОРД и, как следствие, вопрос о возможности и механизме придания ее результатам доказательственной силы в уголовном процессе. Этот вопрос возможности перехода непроцессуального в процессуальное по-прежнему остается дискуссионным и четких алгоритмов решения пока не нашел (максимум, что предлагается, это воспринимать результаты ОРД: как информацию для размышления; как информацию, принятую к сведению, и, при необходимости, принимать процессуальные меры к ее проверке и закреплению процессуальным путем, что нередко гласным образом осуществить невозможно).

Как уже отмечалось, преступная деятельность носит преимущественно тайный характер. При этом принимаются меры к сокрытию следов преступлений либо вообще сокрытию ее каких-либо внешних проявлений, преступная деятельность маскируется под неприступную, предпринимаются другие меры, существенно осложняющие раскрытие преступлений, а иногда делающие это невозможным гласным процессуальным путем. Указанное стало еще сложнее с появлением организованной преступности (преступных групп, сообществ, картелей, синдикатов и др.), зачастую имеющих транснациональный характер, практически не ограниченных в материальных средствах, имеющих свои силовые подразделения, структуры, связанные с адвокатской деятельностью, центры принятия решений и лиц, лоббирующих (естественно не на прямую, а опосредованно) их интересы в административно-управляющих и правоохранительных кругах и структурах [5].

Описанная ситуация еще раз подтвердила необходимость создания специфических государственных органов (подразделений, служб) и методик их деятельности для повышения эффективности борьбы с теми, кто, встав на преступный путь, цинично не соблюдает никаких правил, а зачастую использует имеющиеся правила как средство защиты и противодействия правоохранительным органам (действующим гласно в процессуальном формате).

В рамках повышения эффективности результатов этой борьбы и для создания противовеса нелегальной деятельности преступной среды в правоохранительных органах (ФСБ РФ, МВД РФ и др.) были разработаны методика использования различного рода агентурной деятельности (конфидентов на различной основе и др.) и система оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проводимых в закрытом режиме.

Продолжая настоящее исследование, необходимо отметить, что ФЗ «Об ОРД» определил и закрепил содержание ОРД и систему гарантий законности проводимых в ее ходе мероприятий. Так, под ОРД понимается вид деятельности, реализуемой гласными и негласными методами оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов, в пределах их полномочий, посредством проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

При этом задачами ОРД являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; выявление и установление лиц, их подготавливающих или совершающих; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания; розыск без вести пропавших; добывание информации о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ.

Кроме того, в ФЗ «Об ОРД» закреплено, что ОРД основывается на конституционных (общеправовых) принципах: законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина (что свидетельствует об общности ОРД с другими отраслями права, регламентирующими правоохранительную деятельность), а также на отраслевых принципах: конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств (что выделяет ОРД в отдельную отрасль права). При этом обсуждение принципов ОРД нельзя считать завершенным, их изучение требуется продолжать с целью вычленения и формулировки новых принципов, естественно, в основном за счет расширения системы отраслевых принципов (изменение системы конституционных принципов неразрывно связано с вопросами изменения общественного правосознания и различного рода социальными катаклизмами, что, естественно очень «болезненно» для общества, и подходить к этому, даже при наличии обоснованной необходимости, следует очень осторожно).

Спорных вопросов в названной сфере остается множество, периодически возникают новые, или обостряется степень обсуждения уже известных. Одним из наиболее спорных вопросов, обсуждаемых в научных кругах, является вопрос о возможности отнесения к принципам ОРД принципа гуманизма.

С одной стороны, представители либерального крыла наших ученых-правоведов постоянно настаивают на том, что любая сфера правоприменительной деятельности, в том числе и связанная с борьбой с преступностью, должна нести элементы гуманизма, в связи с чем принцип гуманизма, безусловно, украсил бы всю систему принципов ОРД. С указанной позицией соглашается большое количество ученых-теоретиков, для многих из которых формулировки принципов носят декларативный характер, и они не задумываются о том, как они пролонгируются на правоприменительную деятельность. На эту позицию активно возражают ученые, научная деятельность которых связана не только с разработкой теоретических обоснований, но и с анализом эмпирического опыта ОРД и разработкой правоприменительных алгоритмов [6].

Представляется, что с учетом имеющейся криминогенной обстановки, структуры преступности и того факта, что она тем или иным образом смогла проникнуть во все сферы общества, принимая во внимание, в том числе, и сложную внешнеполитическую обстановку, учитывая факт присоединения в новейшей истории к Российской Федерации нескольких новых субъектов федерации, степень соблюдения российской законности на территории которых, по понятным причинам, вызывает обоснованные сомнения, значительные объемы беженцев с названных территорий (структура которых весьма неоднородна - присутствует достаточное количество лиц с криминальными наклонностями и т.п.), наличие большого объема неучтенного оружия и боеприпасов, поступающих в нелегальную сферу торговли оружием с освобожденных территорий и из районов боевых действий, и другие негативные факторы, следует признать, что идеализировать ситуацию с преступностью в стране еще очень рано, в связи с чем говорить о гуманности в сфере ОРД сейчас где-то неуместно, а где-то и даже ошибочно [7].

Как уже неоднократно отмечалось в ходе настоящего исследования, преступники в своей деятельности умело (а в некоторых сферах и профессионально) используют тайные методы и способы реализации и сокрытия проявлений преступной деятельности, не особо обременяя себя при этом какими-либо моральными принципами и нормами, что, естественно, ничего общего с человеколюбием (гуманностью) не имеет.

С учетом изложенного, государство, создавая нормативно-правовую базу и предоставляя возможность ряду правоохранительных органов (структур) заниматься ОРД, с целью повышения эффективности борьбы с преступностью, было вынуждено разрешить им реализацию ОРМ, внешне не согласующихся с проявлением человеколюбия по отношению к лицам, преступившим закон, однако позволяющую более действенно преодолевать сопротивление преступного мира.

Такие оперативно-розыскные действия, как: прослушивание телефонных и других видов переговоров; вербовка конфидентов с использованием имеющегося на них компромата для принуждения к сотрудничеству; контролируемые поставки и закупки (нередко расцениваются как форма провокации), агентурная работа и другие действия – не всегда согласуются с понятием человеколюбия (гуманизма) в отношении лиц, хотя и совершающих преступные деяния, но остающихся людьми и гражданами нашей страны (при этом закон не ограничивает ОРД в проведении ОРМ в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства).

Все это, как уже отмечалось, приводит к постоянно колеблющемуся равновесию между желанием правоприменителей получить и сохранить максимально возможную свободу в вопросах ОРД и максимально легализовать результаты ОРД (на предмет предания им доказательственной силы в уголовном производстве) и позициями либерально настроенной части научного сообщества, различного рода «правозащитников», а также той части научного сообщества и общества в целом, которые, где-то даже не беспричинно, опасаются расширения этой свободы в ограничении конституционных прав и свобод граждан, которое вполне может, под различными благовидными предлогами, привести к правовому произволу со стороны различных, в том числе правоохранительных, государственных структур (увы, но как говорится «история знает примеры …»). При этом, как это уже отмечено, структура сторонников по обе стороны от паритета, далеко неоднородна, и мотивация их очень различна, иногда, как говориться «с точностью до наоборот» [8].

С целью сохранения и поддержания этого паритета вопросы преодоления преступных намерений, сопряженные с необходимостью ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, законодатель поставил под контроль суда, а в какой-то части и под надзор прокуратуры.

Тем самым, следует признать, что эмпирическая реализация задач ОРД далеко не всегда (или не в полном объеме) согласуется с теоретическим содержанием конституционных принципов этой деятельности, а тем более с принципом гуманизма, но будучи поставлена под судебный контроль и прокурорский надзор, остается законной и продолжает быть вполне эффективной в борьбе с преступностью.

Список источников

1. Давыдова С.А., Мясников А.П. Оперативно-розыскная деятельность и трансформация ее результатов в уголовное судопроизводство // Юрист-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 51-55.

2. Сергеева Ю.В. К вопросу о совершенствовании правовой регламентации задач оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 181-186.

3. Крылов А.Д. О принципах оперативно-розыскной деятельности как элементе конституционно-правового механизма ограничения прав и свобод человека и гражданина // Закон и право. 2018. № 8. С. 56-60.

4. Амирасланов Р.Р. О развитии законодательства об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации (историко-правовой аспект) // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 187-191.

5. Омелин В.Н. О законодательных условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Закон и право. 2019. № 10. С. 144-146.

6. Еркалов А.А. Правоприменение и акты правоприменения в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 91-96.

7. Хазов Е.Н., Овечкин Е.В., Богданов А.В. Конституционно-правовые принципы оперативно-розыскной деятельности // Криминологический журнал. 2020. № 3. С. 91-96.

8. Амичба Л.Р. Права личности и оперативно-розыскная деятельность // Молодой ученый. 2021. № 48 (390). С. 167-171.

References

1. Davydova S.A., Myasnikov A.P. Operative-search activity and transformation of its results into criminal proceedings*. Lawyer-Pravoved*. 2022. No. 2 (101):51-55 (In Russ.)

2. Sergeeva Yu.V. On the issue of improving the legal regulation of the tasks of operational-search activity. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 3 (59): 181-186 (In Russ.)

3. Krylov A.D. On the principles of operational-search activity as an element of the constitutional and legal mechanism for restricting the rights and freedoms of a person and a citizen. *Law and Right.* 2018. No. 8:56-60 (In Russ.)

4. Amiraslanov R.R. On the development of legislation on operational-search activity in the Russian Federation (historical and legal aspect). *Public Service and Personnel*. 2021. No. 5: 187-191 (In Russ.)

5. Omelin V.N. On the legislative conditions for conducting operational-search measures that limit the constitutional rights of citizens. *Law and Right*. 2019. No. 10:144-146 (In Russ.)

6. Erkalov A.A. Law enforcement and acts of law enforcement in the operational-search activity. *Legal Science*. 2022. No. 6: 91-96 (In Russ.).

7. Khazov E.N., Ovechkin E.V., Bogdanov A.V. Constitutional and legal principles of operational-search activity. *Journal of Criminology*. 2020. No. 3:91-96.

8. Amichba L.R. Personal rights and operational-search activity. *Young scientist.* 2021. No. 48 (390): 167-171 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
К.В. Кравченко – студент пятого курса юридического факультета
А.Н. Джеев – студент пятого курса юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
K.V. Kravchenko – Fifth-Year Student of the Faculty of Law
A.N. Jeev – Fifth-Year Student of the Faculty of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 343

Органы дознания: место в современной системе правоохранительных органов, правовой (процессуальный) статус, специфика деятельности

© О.И. Лозинский, В.М. Маковозов, М.Е. Гончаров, 2023

Олег Иванович Лозинский[1], Владислав Михайлович Маковозов[2], Максим Евгеньевич Гончаров[3]
[1,2,3] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия.
[1]oleg.lozz@yandex.ru
[2] vladislav.makovozov@bk.ru
[3] goncharov.maks.e@gmail.com

Аннотация. В статье изложены современные подходы к понятиям и сущности органов дознания. На основании результатов проведенного исследования определяются их место в современной системе правоохранительных органов, правовой (процессуальный) статус и специфика их деятельности. Результатом исследования стали выводы, обосновывающие место органов дознания в общей системе уголовно-процессуального регулирования и причины их наделения рядом полномочий полицейского характера.

Ключевые слова: органы дознания, досудебное производство, дознаватель, руководитель органа дознания, правоохранительные органы

Для цитирования: Лозинский О.И., Маковозов В.М., Гончаров М.Е. Органы дознания: место в современной системе правоохранительных органов, правовой (процессуальный) статус, специфика деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 105-109

Original article

Bodies of inquiry: place in the modern system of law enforcement agencies, legal (procedural) status, specifics of activity

Oleg I. Lozinsky[1], Vladislav M. Makovozov[2], Maxim E. Goncharov [3]
[1,2,3] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1]oleg.lozz@yandex.ru
[2] vladislav.makovozov@bk.ru
[3] goncharov.maks.e@gmail.com

Abstract. The article presents modern approaches to the concepts and essence of the bodies of inquiry. Based on the results of the study, their place in the modern system of law enforcement agencies, the legal (procedural) status and the specifics of their activities are determined. The study resulted in conclusions justifying the place of the bodies of inquiry in the general system of criminal procedure regulation and the reasons for their assignment of a number of police powers.

Keywords: bodies of inquiry, pre-trial proceedings, inquirer, head of the body of inquiry, law enforcement agencies.

For citation: Lozinsky O.I., Mukovozov V.M., Goncharov M.E. Bodies of inquiry: place in the modern system of law enforcement agencies, legal (procedural) status, specifics of activity. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):105-109 (In Russ.)

Одним из проявлений отечественной уголовной политики является созданный для обеспечения условий процессуальной экономии институт дознания. Названный процессуальный институт не является новым, однако он по-прежнему служит предметом дискуссий как среди ученых-процессуалистов, так и среди правоприменителей. Наиболее вероятной и существенной причиной названных дискуссий является неоднократно изменявшаяся в ходе исторического развития юридическая природа института дознания и как следствие место, осуществляющих его органов в системе правоохранительных органов, и место расследования в форме дознания в соотношении с расследованием в форме предварительного следствия.

Проведя краткий исторический экскурс по вопросам возникновения, становления и развития органов дознания, можно выделить основные вехи этого процесса:

- До 1864 г., имела место несудебная деятельность, состоявшая в установлении факта преступного деяния по горячим следам (первоначальное производство; особый вид производства, отличающийся от следствия). Отсутствовала четкая нормативно-правовая база, что влекло смешивание функций следствия и дознания, что приводило к неразберихе;

- 1864 г., произошли изменения, связанные с проведением Судебной реформы, которые выразились: в разграничении ведомств; судебная власть была обособлена и отделена от исполнительной; статус органов полиции был повышен, а их компетенция расширена, при этом они приобрели полномочия по производству дознания по уголовным делам, возбужденным по преступлениям, относящимся к категории малозначительных;

- 1918 г., дознание приобретает более упорядоченный характер в связи с законодательным закреплением его нормативно-правовой базы. В результате произошедших изменений милиция получила полномочия: по производству дознания по преступным проявлениям уголовного характера и проступкам; по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, в рамках отведенной компетенции; по производству неотложных следственных действий (в целях оперативного закрепления имеющейся доказательственной базы);

- 1960 г., в связи с изменениями, внесенными в УПК РСФСР, законодатель более явно разграничил компетенции органов предварительного следствия и дознания;

- 1963 г., создается следственный аппарат в органах МВД (объем уголовных дел, расследуемых органами дознания, существенно сокращается);

- Реформы 1990-х гг., в целом, были направлены на снижение значимости дознания как отдельной формы расследования преступных проявлений, вплоть до полного ее упразднения. При этом на ведомственном уровне МВД значение дознания только возрастало. С учетом изложенного дознание как форма расследования сохранилось, а круг его подследственности даже расширился до 57 составов преступлений;

- 2002 г., в связи с внесением в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) соответствующих изменений, круг органов дознания значительно расширился. При этом в законодательном порядке были закреплены понятия «дознание», «орган дознания», «дознаватель». Однако вопрос четкой регламентации и законодательного закрепления процессуальных полномочий органов дознания по-прежнему оставался открытым;

- 2013 г., происходит дифференциация дознания, оно выходит на новый качественный уровень, появляется сокращенная форма дознания;

- 2015 г., в УПК РФ законодательно закреплено понятие «начальник подразделения дознания». Понятие названного должностного лица имелось на эмпирическом уровне, но законодательное его закрепление отсутствовало.

- развитие нормативно-правовой базы деятельности органов дознания продолжается и в настоящее время, что отражено далее в настоящем исследовании [1].

В условиях реализации мер, принимаемых для построения правового государства, вопросы сдерживания и уменьшения роста преступности отнесены к первостепенным задачам, что отводит для органов дознания особое место в структуре правоохранительных органов.

УПК РФ закрепил, наряду со следователем, процессуальное положение дознавателя, и в настоящее время к его компетенции отнесено расследование более чем 120 составов преступлений. При этом, согласно статистическим данным, порядка 37% зарегистрированных преступлений расследуются в порядке дознания, что характеризует значимую роль органов дознания в правоприменительной области [2].

Существует довольно большое количество авторских определений понятия орган дознания, но наиболее обобщенным и официальным является то, согласно которому под ним предлагается понимать учреждение, должностное лицо, которым УПК РФ предоставлено право (или на них возложена соответствующая обязанность) производить деятельность (уголовно-процессуального или другого характера), связанную с обеспечением расследования уголовных дел, обусловленную наличием у них информации о возможном совершении противоправного деяния.

При этом полиция ОВД РФ, федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны, таможенные органы РФ, органы государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы, органы ФСБ, органы ФССП, органы ФСИН, органы Службы внешней разведки РФ и органы внешней разведки Министерства обороны РФ относятся к органам дознания – учреждениям.

Главы дипломатических представительств (консульских учреждений) РФ, начальники учреждений (органов) уголовно-исполнительной системы, капитаны морских и речных судов, начальники органов военной полиции ВС РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений или гарнизонов, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, руководители геологоразведочных партий и зимовок относятся к органам дознания – должностным лицам.

Принимая во внимание указанное, органы дознания можно разделить на две категории: универсальные и специализированные. К первой категории в настоящее время можно отнести только полицию в системе МВД России.

Расширение системы уголовного судопроизводства за счет специализированных органов дознания стало необходимым в связи с особенностями профессиональной деятельности и принадлежности субъектов преступной деятельности (военнослужащие, сотрудники ФСИН и др.); наличием особенностей статуса специальной подведомственной территории (воинская часть; учреждение ФСИН; находящееся в плавании судно и др.); наличием профильных преступных проявлений в узкой сфере деятельности, которая охраняется именно этими органами дознания (воинские преступления; таможенная сфера, преступления на транспорте и др.).

Рассматривая перечень органов, уполномоченных на проведение дознания, закрепленный в ст. 40 УПК РФ, нельзя не упомянуть причины, по которым законодателем в данной норме не приведен весь перечень названных органов. Ведь органы дознания упоминаются и в ч. 3 ст. 151 УПК РФ, где говорится о подследственности органов дознания. При этом перечень органов дознания (в соответствии с их подследственностью) существенно шире перечня органов, приведенных в ст. 40 УПК РФ.

Причины подобного видятся в следующем. У органов дознания (согласно положениям ст. 40 УПК РФ) имеются определенные особенности, которые заключаются в следующем:

- Специфика законодательной регламентации. Так, органы принудительного исполнения (ФССП) стали относиться к правоохранительным органам лишь с 01.01.2020 (ранее судебные приставы таковыми не являлись).

- Специфика объема процессуальных полномочий. Должностные лица ВС МО РФ (ранее перечисленные), отнесенные к органам дознания, не производят дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, по причине отсутствия в УК РФ соответствующих составов преступлений, отнесенных к их компетенции);

- Специфика организационно-структурного построения. Согласно положениям п. 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, органы государственного пожарного надзора ФПС РФ фактически являются структурой, сквозной для семи федеральных органов исполнительной власти [3].

Пограничные органы ФСБ РФ, ФСИН РФ, таможенные органы, ФСО РФ, СВР РФ таких особенностей не имеют (в ст. 40 УПК РФ не упоминаются, а приведены только в ст. 151 УПК РФ).

С учетом изложенного результаты анализа положений ст. 151 УПК РФ свидетельствуют о том, что дознание производится дознавателями названных структур и следователями СК РФ. При этом штатные дознаватели (по должности) отсутствуют у федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны; СВР РФ и ФСИН.

Таким образом, органы дознания можно разделить на четыре категории:

1. Органы дознания, в которых есть подразделения дознания, но нет оперативных подразделений.

2. Органы дознания, в которых есть оперативные подразделения, но нет подразделений дознаний.

3. Органы дознания - отдельные должностные.

4. Органы дознания, в которых есть и оперативные подразделения и подразделения дознания [4].

Продолжая настоящее исследование, необходимо отметить, что понятия «орган дознания», «дознаватель», «начальник подразделения дознания» и «начальник органа дознания» тесно связаны между собой и являются звеньями одной понятийной линии. С учетом указанного для прояснения вопросов компетенции было бы целесообразно заменить понятие «органы дознания» на понятие «органы, на которые возложено производство дознания» (что не исключает возможности наделения их и другими функциями), внеся соответствующие изменения в положения УПК РФ и другие нормативно-правовые документы в данной сфере.

Отличительными особенностями дознания являются: органы его производящие; объем дознания; сроки дознания; процессуальный и документальный характер оформления его производства и окончания.

Также необходимо отметить, что спектр задач органов дознания во многом зависит от возложенных на них видов деятельности, в том числе и не процессуального характера. К таким видам деятельности относится оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) в соответствии с ФЗ «Об ОРД» и внутриведомственной нормативно-правовой базой.

Обоснованность отнесения ОРД к функциям органов дознания достаточно спорна, в связи с чем продолжает оставаться объектом научных дискуссий и споров (ряд авторов считают эту позицию ошибочной).

Наряду с изложенным, имеет место коллизия между нормами ст. 13 ФЗ «Об ОРД» и ст. 40 УПК РФ в части определения субъектов ОРД, которая должна быть разрешена в пользу ФЗ «об ОРД» (как специально регулирующего общественные отношения в сфере ОРД).

Система органов дознания, в отличие от следственных органов, гораздо менее централизована, что осложняет возможности осуществления взаимодействия между органами предварительного следствия и дознания. Именно здесь имеется возможность по законодательному совершенствованию нормативно-правовой базы предварительного расследования (предварительное следствие, дознание) в Российской Федерации. Процедура взаимодействия в этой области имеет обширную нормативно-правовую базу (УПК РФ, ФЗ «О СК РФ», ФЗ «О прокуратуре РФ», ФЗ «Об ОРД» и др.), которая теоретически позволяет наладить это взаимодействие. Значительным шагом вперед в этой области могло бы стать расширение использования результатов ОРД (ОРМ) и придание им (хотя бы менее спорной части из них) доказательственной силы в уголовном процессе.

Как уже отмечалось, имеется ряд авторских формулировок понятия органы дознания, включающих ряд специфических отличий от официальной трактовки, по мнению авторов, отражающих их специфику и направленность.

Так, одним из наиболее распространенных является мнение о том, что органы дознания – это органы исполнительной власти и отдельные должностные лица полицейского либо параполицейского типа, которые наделены полномочиями государственно-властного характера по производству дознания (как полноценной формы предварительного расследования), а также по реализации других, более специфических (специальных) задач досудебного характера [5].

Названное авторское определение делает акцент на констатацию полицейской и параполицейской сущности функций органов дознания, обосновывая свою позицию положениями статей 40, 146, 148, 157, 321, гл. 32, УПК РФ.

Имеющаяся ситуация свидетельствует о наличии обоснованной необходимости в продолжении научных изысканий, направленных на формирование фундаментальных основ реализации органами дознания указанной деятельности, с одной стороны, как субъекта российского уголовного судопроизводства, а с другой стороны, как объекта уголовно-процессуального регулирования.

И в связи с этим, как это уже отмечалось ранее, снова и снова, как в научных кругах, так и среди правоприменителей, возникают мнения о возможности и необходимости наделения органов дознания настоящей юрисдикционной правосубъектностью и о предоставлении им права и возможности собирания «полноценных» доказательств по уголовному делу.

Названные мнения не являются голословными и основаны на том, что если на первоначальных этапах исторического развития дознание ассоциировалось с первичными действиями полиции (оперативно-розыскного, административно-правового характера), то на современном этапе оно эволюционировало в самостоятельную форму предварительного расследования, предполагающую, кроме того, дифференциацию на ординарное (гл. 32 УПК РФ) и сокращенное (ст. 321 УПК РФ) дознание, а дознаватель превратился в некое подобие следователя.

При этом полагаем, что полицейская природа все же еще в большой степени присуща всем формам деятельности органов дознания в уголовно-процессуальной сфере. Она находит свое проявление в ходе производства ординарного дознания (гл. 32 УПК РФ), даже с учетом приоритетности элементов юрисдикционного (судебно-следственного) характера. Эта форма, в отличие от предварительного следствия, не обременена процедурой предъявления обвинения (отсутствует как таковая позиция обвиняемого и необходимость ее процессуальной проверки и, зачастую, опровержения) и сводится к общему установлению обстоятельств дела и оперативной передаче материалов дела прокурору (инициатору предстоящего судебного разбирательства).

Еще большее проявление полицейской природы имеет место при реализации сокращенной формы дознания (ст. 321 УПК РФ), которая реализуется не столько в «следственном», сколько в «полицейском» режиме.

Итак, можно резюмировать, что институт дознания в России прошел эволюцию от деятельности не процессуального, в основном розыскного характера, до формы предварительного расследования по уголовным делам, соизмеримой с предварительным следствием. В современный период развития уголовного процесса происходит изменение уголовно-процессуального законодательства, касающегося как в целом проведения предварительного расследования, так и в частности дознания. При этом необходимость существования указанного института, его значимость в уголовном процессе на протяжении всей истории не подвергалась сомнению.

Список источников

1. Колесников Е.Е. Органы дознания в современной системе правоохранительных органов // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2021. № 10 (61).
2. Назаров М.В. Органы дознания как ключевая форма реализации правового статуса подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 3(64). С. 75-78.
3. Уманец Р.С. Исторические аспекты возникновения органа дознания как одного из участников досудебного производства // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2022. №10 (73).
4. Сажин А.А. Специфика уголовно-процессуальной деятельности органов дознания ГПН ФПС МЧС России // Мировая наука. 2020. № 2 (35). С. 179-182.
5. Латыпов В.С., Исмагилов Р.А. К вопросу адаптации информационных технологий в уголовно-процессуальную форму в деятельности органов дознания // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2021. С. 77-81.

References

1. Kolesnikov E.E. Bodies of inquiry in the modern system of law enforcement agencies. *Scientific and practical electronic journal Alley of Science*. 2021. No. 10 (61) (In Russ.)
2. Nazarov M.V. Bodies of inquiry as a key form of realization of the legal status of subdivisions carrying out operational-search activities. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2022. No. 3(64):75-78 (In Russ.)
3. Umanets R.S. Historical aspects of the emergence of the body of inquiry as one of the participants in pre-trial proceedings. *Scientific and practical electronic journal Alley of Science.* 2022. No. 10 (73) (In Russ.)
4. Sazhin A.A. The specifics of the criminal procedure activities of the bodies of inquiry of the GPN FPS EMERCOM of Russia. *World Science.* 2020. No. 2 (35): 179-182 (In Russ.)
5. Latypov V.S., Ismagilov R.A. On the issue of adapting information technologies to the criminal procedure form in the activities of bodies of inquiry. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy.* 2021. P. 77-81 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
В.М. Маковозов – студент факультета экономики
М.Е. Гончаров – студент факультета экономики

Information about the authors

O.I. Lozinsky – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
V.M. Makovozov – Student of the Faculty of Economics
M.E. Goncharov – Student of the Faculty of Economics

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 26.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 343

Тактика следственных действий: теоретическое и нормативно-правовое обоснование; результаты эмпирического опыта правоприменения

© О.И. Лозинский, И.С. Полтанкинов, А.В. Макуха, 2023

Олег Иванович Лозинский[1], Игорь Сергеевич Полтанкинов[2], Алексей Викторович Макуха[3]
[1,2,3] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия.
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] garik.tserenov@mail.ru
[3] Iimisa70@mail.ru

Аннотация. В статье с учетом результатов эмпирического опыта правоприменения анализируются общие и проблемные вопросы теоретического и нормативно-правового обоснования тактики следственных действий, представляющей из себя приемы подготовки, осуществления, фиксации и оценки результатов следственных действий в их совокупности, с учетом их последовательности и взаимозависимости. Исследование проведено с учетом того, что тактика проведения следственного действия должна обеспечить решение ее двуединой задачи – обеспечить максимальную эффективность следственного действия и одновременно неукоснительно соблюсти все критерии оценки его законности (проведение следственного действия надлежащим лицом, в надлежащей форме; соблюдение в полном объеме процессуальных алгоритмов его проведения; разъяснение прав и обязанностей его участникам; гарантированное соблюдение прав и свобод человека и гражданина и др.). На основании результатов проведенного исследования приводятся предложения по совершенствованию тактических приемов, используемых при производстве следственных действий.

Ключевые слова: следственные действия, следственная практика, нормативно-правовая база, эмпирический опыт правоприменения, правоохранительные органы, следственные органы, органы дознания, уголовно-процессуальная деятельность, предварительное следствие, дознание

Для цитирования: Лозинский О.И., Полтанкинов И.С., Макуха А.В. Тактика следственных действий: теоретическое и нормативно-правовое обоснование; результаты эмпирического опыта правоприменения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 110-114

Original article

Tactics of investigative actions: theoretical and regulatory justification; results of empirical experience of law enforcement

Oleg I. Lozinsky[1], Igor S. Poltankinov[2], Alexey V. Makukha[3]
[1,2,3] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] garik.tserenov@mail.ru
[3] Iimisa70@mail.ru

Abstract. Taking into account the results of empirical experience of law enforcement, the article analyzes general and problematic issues of theoretical and regulatory justification of investigative tactics, which are techniques for preparing, implementing, fixing and evaluating the results of investigative actions, in their entirety, taking into account their sequence and interdependence. The study is conducted taking into account the fact that the tactics of conducting an investigative action should ensure the solution of its twofold task – to ensure the maximum effectiveness of the investigative action and, at the same time, strictly observe all the criteria for assessing its legality (conducting an investigative action by an appropriate person, in the proper form; full compliance with procedural algorithms for its conduct; clarification of the rights and obligations of its participants guaranteed observance of human and civil rights and freedoms, etc.). Based on the results of the study, proposals are made to improve the tactical techniques used in the production of investigative actions.

Keywords: investigative actions, investigative practice, regulatory framework, empirical experience of law enforcement, law enforcement agencies, investigative agencies, bodies of inquiry, criminal procedural activities, preliminary investigation, inquiry

For citation: Lozinsky O.I., Poltankinov I.S., Makukha A.V. Tactics of investigative actions: theoretical and regulatory justification; results of empirical experience of law enforcement. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):110-114 (In Russ.)

Динамика жизни по объективным причинам неуклонно возрастает. Социальная жизнь, нередко из соображений ее «упрощения», во многом и для многих «усложняется». Это находит свое отражение в том, что связь отдельного человека с обществом и государством, помимо его воли, становится все сильнее, при этом государство все чаще «приходит к нему», либо ему самому по различным жизненно важным вопросам приходится обращаться к государству не в процессе прямого «живого» общения с его представителями (чиновниками и госслужащими), а делать это в дистанционном режиме с помощью различного рода цифровых программ и технологий. Подобный способ общения стал приоритетным во всех сферах жизни и деятельности: личной, служебной, бытовой и др. Глобальные изменения и модернизация, порой незаметно и обыденно, происходят во всех сферах жизнедеятельности общества. Указанное, наряду с различного рода социальными процессами и алгоритмами, оказало и оказывает большое влияние на состояние криминогенной обстановки, ее структуру (по субъектам, объектам и направлениям преступных проявлений), области ее проникновения, механизмы реализации преступной деятельности и ее динамику. Модернизация социальной организации общества объективно влечет необходимость усиления охранительной функции уголовно-процессуального законодательства и качественных изменений в функционировании правоохранительной системы в области уголовного судопроизводства. Так, указанное находит свое отражение и в том, что за период действия Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в него внесено уже более двухсот изменений и дополнений (редакций). Этот процесс не критичен, а вполне естественен и отражает адаптационные реакции уголовно-процессуального законодательства на изменения в криминогенной обстановке. При этом преимущественно идет речь об изменениях норм, относящихся к процессуальной деятельности органов предварительного расследования [1].

Известно, что структурные изменения в одном элементе оказывают влияние на всю систему в целом. Закономерно, что подобные изменения в УПК РФ оказывают значимое влияние на вопросы реализации тактических решений при производстве следственных и других процессуальных действий, а также на всю сферу принятия процессуальных решений в рамках расследования уголовного дела. С учетом изложенного, применительно к эмпирической сфере правоприменения, справедливо утверждение о том, что уголовный процесс без криминалистики «бесплоден», а криминалистика без уголовного процесса бессмысленна [2].

Продолжая настоящее исследование, необходимо отметить, что фундаментальное значение в данной сфере в эмпирической области имеют вопросы криминалистической тактики, в нашем случае – тактики производства следственных действий. Криминалистическая тактика носит прикладной характер и неразрывно связана со следственной практикой.

Научно-исторический анализ вопросов происхождения термина «тактика» показал, что он происходит из положений военной науки. При этом дефиниция «тактика» имеет греческое происхождение и означает искусство построения войск. Впервые термин «тактика» в криминалистике в связи с деятельностью следователя был применен немецким ученым А. Вайнгардтом, который адаптировал заимствованный из военной науки термин для целей криминалистики [3].

При этом под криминалистической тактикой при производстве следственных действий предлагается понимать рекомендации, приемы, действия в их совокупности и взаимосвязи, основанные на глубоком знании уголовно-процессуального закона, а на прикладном уровне – на результатах положительного опыта расследования различного рода преступных проявлений, направленные на эффективное и рациональное достижение результатов расследования уголовного дела в области доказывания, реализуемые с учетом неукоснительного соблюдения норм закона, в последовательности действий должностных лиц (следователь, дознаватель) [4].

Результаты эмпирического опыта показывают, что следственные действия выступают не только в качестве способа получения доказательств (непосредственно, в конечной форме), но и как источник получения и фиксации криминалистически значимой информации (не является непосредственно доказательством, но может приобрести доказательственную силу в форме заключения эксперта, в результате проведенного на ее основании экспертного исследования, экспертизы).

Признавая то, что УПК РФ является строгим, не вариативным источником процессуальных норм, регламентирующим все области уголовного процесса и не позволяющим правоприменителям уклоняться от определенного порядка проведения следственных действий (с процессуальной точки зре-

ния), следует также признать, что нередко следователи (дознаватели) испытывают значительные сложности в процессе эффективного достижения целей производимого следственного действия, так как, с одной стороны, имеется четкая нормативно-правовая регламентация, а с другой, отсутствует однозначное понимание механизма ее реализации.

С учетом изложенного, в настоящее время тактика проведения следственных действий продолжает занимать очень значимую позицию как в сфере криминалистической науки, так и, особенно, на эмпирическом уровне. И это не удивительно, так как криминалистическая тактика в имеющейся ситуации, выражая и реализуя свою эмпирическую, прикладную направленность, фактически выступает в качестве «спасательного круга» для правоприменителей правоохранительных органов (богатый практический опыт раскрытия и расследования преступлений; опыт в преодолении конфликтных ситуаций при реализации следственных действий; большой набор тактических инструментов и алгоритмов, позволяющих производит следственные действия рационально и с максимальной эффективностью и др.) [5].

Результаты проведенного исследования показывают, что эффективность следственных действий во многом зависит, по крайней мере, от двух факторов: правильного выбора тактики производства следственного действия (при условии, что правоприменитель владеет определенными тактическими приемами); от умения, возможности использования и желания применения правоприменителем технико-криминалистических средств при производстве следственного действия. В ходе указанного следователи допускают ошибки, как по неопытности, так и в результате определенной профессиональной халатности. При этом проведение неправильно выбранного или непрофессионально произведенного следственного действия приносит многократный вред: делается ненужная (а иногда, по результатам, вредная) следственна работа; существенно затрудняется или полностью утрачивается возможность получить и (или) закрепить необходимые фактические данные (в результате производства повторных или других следственных действий с той же направленностью); необоснованно ограничиваются или стесняются права и свободы граждан.

С учетом изложенного, необходимо совершенствовать знания правоприменителей в вопросах криминалистической тактики, для того чтобы они могли при подготовке к производству следственного действия более качественно анализировать имеющуюся по обстоятельствам предстоящего следственного действия информацию и с учетом результатов анализа этой информации были способны понимать, какие приемы криминалистической тактики в данном конкретном случае им необходимо использовать для наибольшей рациональности, с одной стороны, и наибольшей эффективности, с другой стороны, планируемого следственного действия.

При этом под следственными действиями предлагается понимать предусмотренную уголовно-процессуальным законом и обеспечиваемую государственным принуждением совокупность операций и приемов, которые осуществляются и документируются в установленном порядке при расследовании преступлений для обнаружения, фиксации и проверки данных, имеющих значение доказательств по уголовному делу [6].

Доказательства, полученные в результате следственных действий, произведенных с нарушением требований УПК РФ, теряют юридическую силу и признаются недопустимыми.

Следственные действия производятся при наличии правового и фактического оснований. При этом под правовым основанием в данном случае предлагается понимать совокупность предусмотренных УПК РФ условий, наличие которых наделяет следователя (дознавателя) правом производства определенного следственного действия. Под фактическим основанием предлагается понимать наличие объективных данных, свидетельствующих о необходимости выполнения конкретных следственных действий с целью установления истины по делу [7].

Ряд следственных действий (допрос, очная ставка и другие) могут проводиться без специального (властного) решения следователя, другие требуют предварительного вынесения соответствующего постановления (обыск, выемка и другие). Определенные следственные действия, производство которых связано с ограничением конституционных прав граждан, реализуются лишь при наличии судебного решения. Спектр и очередность следственных действий определяются следователем (дознавателем) и зависят от обстоятельств уголовного дела, а также от опыта и квалификации правоприменителя [8].

Как уже отмечалось, тактика следственного действия призвана обеспечить его максимальную эффективность при строжайшем соблюдении законности. С учетом указанного, структуру тактики следственного действия составляет последовательность следующих стадий: подготовка к проведению следственного действия; проведение следственного действия; фиксация хода и результатов следственного действия; оценка полученных результатов, определение их значения и места в системе доказательств по расследуемому уголовному делу [9].

Далее предлагается рассмотреть особенности тактики производства следственных действий на примере такой значимой ее стадии как подготовка к проведению следственного действия, которая имеет определенную специфику.

Результаты проведенного в рамках настоящего исследования анализа: уголовно-процессуального законодательства, следственной практики, основных позиций ученых-процессуалистов и криминалистов – позволили установить наиболее характерный тактический алгоритм деятельности следователя на подготовительном этапе при производстве следственных действий, который заключается в следующем:

- Принятие решения о проведении следственного действия (обусловлено наличием к этому фактических оснований; в отдельных случаях обеспечивается юридическим основанием – постановление следователя, судебное решение). Фактические основания, аргументирующие необходимость производства того или иного следственного действия, излагаются в соответствующем постановлении.

- Определение целей и задач следственного действия. Порядок производства следственных действий в значительной части урегулирован нормами УПК РФ, но в большинстве случаев вопросы целеполагания следственных действий там урегулированы не до конца (фиксируются основания для производства следственных действий, но не детализируется их назначение до уровня целей). При этом представляется, что целями следственного действия могут быть получение новых и проверка имеющихся доказательств, а также получение сведений для выдвижения и проверки криминалистических версий.

- Определение места и времени проведения следственного действия. Местом проведения следственных действий является место проведения предварительного расследования, которым, в свою очередь, является место совершения деяния, содержащего признаки преступления (с учетом исключительных случаев, предусмотренных ч. 2-4 ст. 152 УПК РФ).

Нормы, содержащие положения, регламентирующие время проведения следственного действия, содержат ограничения возможности его проведения в ночное время (с учетом исключительных случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Кроме того, законодательно закреплены временные ограничения производства отдельных следственных действий (продолжительность допроса для различных категорий лиц, срок производство контроля и записи переговоров и другие).

- Определение участников следственного действия. Классификация участников следственных действий возможна по различным основаниям. Наиболее привычной является классическая классификация в зависимости от выполняемых процессуальных функций: участники со стороны обвинения (следователь, дознаватель, следователь-криминалист и другие); участники со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, их защитник и другие); другие лица, осуществляющие функции вспомогательного характера (различного рода специалисты, педагог, психолог, переводчик, понятые и другие).

- Подготовка технических средств (криминалистическая техника, транспорт, средства связи, средства фотосъемки, аудио- и видеофиксации и другие).

- Составление плана следственного действия (относится к вспомогательной документации, позволяющей оптимально, с учетом требований уголовно-процессуального закона и криминалистических рекомендаций, подготовиться к производству сложного следственного действия, которое: требует большого объема подготовительных мероприятий, предполагает выяснение широкого круга обстоятельств, значительную продолжительность во времени, большое количество участников, возможное оказание противодействия следствию и другое).

- Определение мер безопасности относительно условий, в которых предстоит производство следственного действия. Необходимо учитывать возможность противодействия следствию исходя из характер расследуемого преступления (квалификация, способ совершения, групповой характер и другое), а также возможные неблагоприятные последствия, обусловленные местом, временем, участниками и видом проводимого следственного действия [10].

Таким образом, результаты проведенного исследования объективно свидетельствуют о том, что организационно-тактическая деятельность при подготовке и проведении следственных действий является сложной и многоаспектной. При этом все ее структурные элементы являются гранями одного целого, имеющего направленность на то, чтобы запланированное следственное действие было фактически произведено, процесс его реализации носил рациональный характер, а полученные результаты свидетельствовали о максимальной эффективности его проведения. Такой подход обеспечит получение максимальных результатов при производстве каждого отдельного следственного действия и напрямую связан с повышением эффективности и качества расследования преступлений в целом.

Список источников

1. Соколов А.Б., Абдулина Е.Б. Закономерности организационно-тактической деятельности по подготовке к производству следственных действий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукъянова. 2022. № 3 (92). С. 194-204.

2. Корнеева А.Н. Особенности тактики осмотра места происшествия // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2022. № 5 (68). С. 68-73.

3. Мамонтов А.Г. Криминалистическая тактика производства следственных действий как инструмент реализации отдельных норм уголовно-процессуального закона // Право и государство: теория и практика. 2021. № 9 (201). С. 114-115.

4. Кругликова О.В. О некоторых особенностях тактики производства отдельных следственных действий посредством систем видио-конференц-связи // Аграрное и земельное право. 2022. №12

5. Гуляутдинов Р.Р., Худайбердиев Ш.Б. Тактические особенности проведения очной ставки // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 2 (36). С. 1-5.

6. Мишкина Е.В. К вопросу о понятии и содержании тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 243-249.

7. Викторова А.Е. Ситуационное моделирование в тактике следственных действий // Символ науки. 2020. № 12-2. С. 11-13.

8. Нурмухамедова Н.Ф. Тактика производства следственных действий на стадии предварительного расследования // Трибуна ученого. 2020. № 11. С. 325-330.

9. Морозова Т.В., Журавский С.Ф., Зуева В.В. Психологические и рече-коммуникативные тактики ведения допроса в ходе предварительного следствия // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15).

10. Смушкин А.Б., Савельева М.В., Потапова Н.Л. Перспективные направления разработки и реализации криминалистических инноваций // Российский юридический журнал. 2021. № 3 (50). С. 50-58.

References

1. Sokolov A.B., Abdulina E.B. Patterns of organizational and tactical activities in preparation for the production of investigative actions. *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2022. No. 3 (92): 194-204. (In Russ.)

2. Korneeva A.N. Features of the tactics of examining the scene of the incident. *Scientific and practical electronic journal Alley of Science.* 2022. No. 5 (68):68-73. (In Russ.)

3. Mamontov A.G. Forensic tactics of investigative actions as a tool for the implementation of certain norms of the criminal procedure law. *Law and State: Theory and Practice.* 2021. No. 9 (201): 114-115.

4. Kruglikova O.V. On some features of the tactics of the production of individual investigative actions through video-conferencing systems. *Agrarian and land law.* 2022. No. 12 (216): 242-244. (In Russ.)

5. Gulyautdinov R.R., Khudaiberdiev Sh.B. Tactical features of confrontation. *Scientific electronic journal "Meridian*". 2020. No. 2 (36):1-5. (In Russ.)

6. Mishkina E.V. To the question of the concept and content of tactical and forensic support for the investigation of crimes. *Siberian Legal Review*. 2020. V. 17. No. 2:243-249. (In Russ.)

7. Viktorova A.E. Situational modeling in the tactics of investigative actions. *Symbol of science*. 2020. No.

8. Nurmukhamedova N.F. Tactics of production of investigative actions at the stage of preliminary investigation. *Tribune of the scientist.* 2020. No. 11:325-330. (In Russ.)

9. Morozova T.V., Zhuravskii S.F., Zueva V.V. Psychological and speech-communicative tactics of conducting interrogation during the preliminary investigation. *Humanitarian paradigm.* 2020. No. 4 (15)

10. Smushkin A.B., Savelyeva M.V., Potapova N.L. Perspective Directions for the Development and Implementation of Forensic Innovations. *Russian Journal of Law*. 2021. No. 3 (50):50-58 (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права
И.С. Полтанкинов – студент третьего курса юридического факультета
А.В. Макуха – студент третьего курса юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law
I.S. Poltankinov – Third-Year Student of the Faculty of Law
A.V. Makukha – Third-Year Student of the Faculty of Law.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 26.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 26.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Политические институты, процессы, технологии

Научная статья
УДК 323

Представительские функции местного самоуправления в системе организации российской публичной власти: политико-правовой анализ

© О.А. Артюхин, А.А. Крицкая, Х.Р. Чеченов, 2023

Олег Александрович Артюхин[1], Анна Александровна Крицкая [2], Хусен Русланович Чеченов[3]

[1, 2] Южно-Российского институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия.
[1] oart1969@mail.ru
[2] enigmaann@bk.ru
[3] Южно-Российского институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. Khusen_ruslanovich@mail.ru

Аннотация. В статье на теоретическом уровне рассматриваются политические и правовые основы организации публичной власти в Российской Федерации, выявляются особенности реализации представительской функции органов власти в контексте осуществления конституционного принципа народовластия на федеральном, региональном уровнях. Применение методологического инструментария политического и юридического анализа позволило выявить основные политические и правовые механизмы осуществления представительских функций публичной власти в Российской Федерации и определить доминанты представительских функций над законодательными на различных уровнях организации публичной власти. Особое внимание в исследовании уделяется местному самоуправлению как институту современной политической системы российского общества, в которой должны реализовываться конституционные принципы народовластия и народного суверенитета.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, представительские функции, народовластие, органы публичной власти, государственное и муниципальное управление, народный суверенитет

Для цитирования: Артюхин О.А, Крицкая А.А., Чеченов Х.Р. Представительские функции местного самоуправления в системе организации российской публичной власти: политико-правовой анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3(154). С.115-120

Original article

Representative functions of local self-government in the system of organization of Russian public power: political and legal analysis

© O.A. Artyukhin, A.A. Kritskaya, H.R. Chechenov, 2023

Oleg A. Artyukhin[1], Anna A. Kritskaya[2], Husen R. Chechenov [3]

[1,2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service; Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
[1] oart1969@mail.ru
[2] enigmaann@bk.ru
[3] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. Khusen_ruslanovich@mail.ru

Abstract. The article examines at the theoretical level the political and legal foundations of the organization of public power in the Russian Federation, identifies the features of the implementation of the representative function of the authorities in the context of the implementation of the constitutional principle of democracy at the federal and regional levels. The use of methodological tools of political and legal analysis makes it possible to identify the main political and legal mechanisms for the implementation of representative functions of public power in the Russian Federation and to determine the dominants of representa-

tive functions over legislative ones at various levels of the organization of public power. Special attention in the study is paid to local self-government as an institution of the modern political system of Russian society in which the constitutional principles of democracy and popular sovereignty should be implemented.

Keywords: local self-government, public authority, representative functions, democracy, public authorities, state and municipal administration, people's sovereignty

For citation: Artyukhin O.A., Kritskaya A.A., Chechenov H.R. Representative functions of local self-government in the system of organization of Russian public power: political and legal analysis. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):115-120 (In Russ.)

В результате Конституционной реформы 2020 года в российском политико-правовом пространстве появился ряд новых категорий, связанных с организацией системы власти. Речь идет прежде всего о включении в единую систему публичной власти органов государственной власти и местного самоуправления. Властные полномочия в данной системе должны осуществляться органами публичной власти.

Рассмотрим сущностные характеристики категории «органы публичной власти». Эта категория обладает двумя структурными частями – орган власти и публичный характер. В общественно-политическом дискурсе дефиниция «орган власти» не вызывает каких-либо принципиальных разногласий по поводу его определения и рассматривается в первую очередь как «орган государственной власти». Например, А.А. Гогин под органом государственной власти понимает структурно обособленную часть государственного аппарата, целью которых выступает реализация поставленных перед государством функций и задач в рамках управления обществом в РФ [1]. Рассматривая данную дефиницию в политико-правовом ключе, К.А. Грандоян отмечает, что орган государственной власти создается в установленном законом порядке и наделяется властными полномочиями, выражен организованным коллективом людей, а под определенными задачами и функциями понимается осуществление непосредственно функций государства в определенной сфере жизни общества [2].

В системе публичного управления, кроме органов, осуществляющих государственную власть, в России также существуют и функционируют органы местного самоуправления. В данном случае целесообразным выглядит анализ второго признака – публичного характера органа власти. В общественных науках категория «публичная власть» также традиционно рассматривается как синоним государственной власти [3], однако существуют и другие подходы, где категория «публичная власть» не тождественна категории «государственная власть» [4].

Интересной представляется позиция Д.А. Кузина о том, что под публичной властью можно рассматривать определенную систему общественных отношений в сфере обеспечения субъектом своей воли по отношению к объекту для достижения установленных правом общественных интересов [5]. Следует учитывать, что публичная власть возникла на основе становления такого крупного института политической системы общества как государство. Так, Л.П. Рассказов отмечает, что «власть» как социальное явление трансформировалось в «публичную власть» вследствие образования государства как особой организации власти и управления для реализации воли определенного класса либо учета интересов всех социальных групп в обществе [6].

Не вдаваясь в детали соотношения категорий «публичная власть» и «государственная власть», отметим, что публичная власть обладает всеми основными признаками и свойствами государственной власти, а принципиальным отличием от государственной власти выступает то, что публичная власть по своему сущностному назначению отражает интересы всего общества и является средством выражения суверенитета народа. Поэтому, как указано выше, публичная власть по своему субъектному составу предполагает наличие не только социального института «государства», но и включает в себя и институт «местного самоуправления», который посредством своих органов также отражает интересы общества на определенной муниципальной территории и является средством выражения его суверенитета на местном уровне.

Органы местного самоуправления – это создаваемая в установленном законе порядке организованная группа людей, обладающая необходимыми властно-публичными полномочиями для реализации задач и функций местного самоуправления в конкретных областях общественных отношений. Исходя из вышесказанного, можно сформулировать, что публичный орган власти – формируемый в установленном законе порядке и наделенный властно-публичными полномочиями организованный коллектив людей, отражающий интересы общества на определенной территории и необходимый для реализации задачи, целей и функций в конкретной сфере общественных отношений.

Таким образом, местное самоуправление выступает важнейшим социально-политическим институтом, позволяющим населению не только организовывать свой быт на определенных территориях, но и участвовать в системе властных отношений. Именно на уровне МСУ наиболее наглядно представлена реализация конституционного принципа народовластия, позволяющего населению принимать активное решения по многим управленческим и политико-административным вопросам. Категория «представительство народа», или по-другому именуемая «народное представительство», представляет собой неотъемлемую часть теории народного суверенитета, которая, мнению Н.С. Грудинина, является важнейшим фактором формирования демократического и правового государства [7], что подтверждается ст. 3 Конституции РФ.

Учитывая сложносоставную структуру политической системы российского общества, такие социальные институты как «государство» и «местное самоуправление» выступают многоаспектными явлениями, что обуславливает невозможность постоянного народного решения – прямой непосредственной демократии по всем существующим и вновь возникающим вопросам. Поэтому историко-правовой процесс выработал иной политический и организационно-юридический механизм – представительскую демократию (народное представительство). Например, Н.С. Грудинин считает, что народное представительство – это способ осуществления народом своей власти, своего суверенитета посредством передачи (делегирования) этой власти своим представителям в специальный государственный орган (парламент), тем самым представители народа получают мандат на управление обществом и государством.

Но данная трактовка не в полной мере отвечает современным реалиям, так как в ней отмечается отсутствие народного представительства на местном уровне. Ведь именно на местном уровне осуществляется реализация многих видов политики, начиная от социальной и культурной, заканчивая экономической. Поэтому участие населения в политических процессах и защита своих политических, социальных и экономических интересов на местах является крайне необходимым условием развития демократических основ российской государственности. Здесь можно выделить краткое и лаконичное определение, данное С.А. Авакьяном: «народное представительство – это организационная форма и совокупность средств воплощения интересов граждан (народа)» [8].

Конституционный механизм реализации народного представительства осуществляется посредством избирательной системы, или по-другому института «выборов» в специальные публичные органы власти [9], с помощью которого народ делегируют им свою власть, тем самым данные публичные органы власти становятся представительными органами публичной власти. С.А. Авакьян отмечает, что традиционным толкованием категории «народное представительство» выступает именно совокупность коллегиальных органов власти, выбираемых народом [8], под которыми и понимаются представительные органы публичной власти. В случае федеративного устройства России, данные органы включают в себя: представительные органы публичной власти на общегосударственном уровне; представительные органы публичной власти на уровне субъектов; представительные органы публичной власти на уровне местного самоуправления.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать, что представительство народа – это форма реализации суверенитета народа посредством делегирования своей власти специальным представительным органам публичной власти на определенной территории в целях осуществления функций государства и стоящих перед обществом задач, базирующихся на совокупных интересах граждан (общества).

Таким образом, на основе выявления и анализа категорий «публичные органы власти» и «представительство народа» следует отметить, что, во-первых, представительные органы публичной власти – это формируемый в установленном законе порядке и посредством института «выборов» организованный коллектив людей, обладающий правом от имени народа осуществлять властно-публичные полномочия на определенной территории в целях реализации стоящих перед обществом задач, базирующихся на совокупных интересах граждан (общества) в конкретных сферах общественных отношений.

Во-вторых, политико-правовая природа представительных органов публичной власти выражается в двух аспектах: осуществление народом своего суверенитета, своих полномочий как единственного источника власти; реализация стоящих перед обществом и государством целей и задач, базирующихся на совместном интересе всех граждан на определенной территории (общегосударственный, региональный или местный уровни) и в конкретных сферах жизнедеятельности (общественных отношений).

При рассмотрении роли местного самоуправления в системе организации публичной власти в контексте реализации принципов народовластия особое внимания заслуживают конституционные основы организации властных отношений. В соответствии с ч. 1 ст. 1 и ст. 5 Конституции РФ, Российская Федерация по своему государственному устройству выступает федеративным государством. В свою очередь Глава 8 Конституции РФ указывает на наличие и функционирование в стране института

«местного самоуправления», которое осуществляется гражданами напрямую или посредством представительных органов публичной власти. Одновременно с этим, ст. 94 Конституции определяет, что представительным (законодательным) органом России на общегосударственном уровне является его парламент – Федеральное Собрание РФ (далее – ФС РФ). В свою очередь ч. 2 ст. 66 Конституции РФ закрепляет положение о наличии представительных (законодательных) органов публичной власти в субъектах РФ.

Исходя из вышесказанного, с учетом ранее указанного принципа народовластия, регламентированного в ст. 3 Конституции РФ, следует еще раз сформулировать, что система представительных органов публичной власти состоит из представительных органов публичной власти: на общегосударственном (федеральном) уровне, на региональном уровне (уровне субъектов федерации) и на уровне местного самоуправления.

Конституционно-правовые основы представительного органа публичной власти – ФС РФ на общегосударственном (федеральном) уровне содержатся в Главе 5 Конституции РФ. Как указано ранее, ст. 94 Конституции РФ определяет, что Федеральное Собрание РФ выступает не просто представительным органом публичной власти, который выражает интересы многонационального народа России, но также является и законодательным органом. В данном контексте стоит согласиться с А.В. Безруковым, который считает, что делегирование народом своей власти парламенту для законодательной деятельности выступает полноценным способом осуществления суверенитета народа как принципа конституционного строя [10].

Следовательно, можно смело заявить о приоритете представительской функции ФС РФ над законодательной функцией. Это связано, во-первых, с тем, что представительство в широком смысле рассматривается как средство реализации коллективного права народа на власть, во-вторых, представительство в ходе законодательной деятельности призвано выработать социальные компромиссы и легитимизировать всю систему государственной власти, а в-третьих, представительство обязано показать обществу, что оно выражает мнение большинства общества.[11]

Поэтому стоит рассматривать законодательную деятельность ФС РФ, а также законодательную деятельность представительных органов публичной власти на уровне субъектов федерации и местного самоуправления как инструмент реализации представительства народа на определенной территории в рамках осуществления им своего суверенитета.

Конституционно-правовые основы представительных органов публичной власти местного самоуправления содержатся в первую очередь в ч. 2 ст. 3 и в ст. 12 Конституции РФ, где устанавливает осуществление народом своей власти посредством органов местного самоуправления, что, как указано ранее, подразумевает представительство в органах публичной власти. Природа данного положения также подтверждается и ст. 130, и в целом Главой 8 Конституции РФ. Анализ отечественного законодательства позволяет говорить о том, что указанные конституционные нормы раскрываются посредством Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] (далее – ФЗ № 131).

Так, исходя из смысла п. 1 и 2 ст. 34 ФЗ № 131, представительный орган на местном уровне выступает неотъемлемым структурным элементом местного самоуправления. Тем не менее, ФЗ № 131 устанавливает и исключения из данного правила в тех муниципальных поселениях, где низкая численность жителей, имеющих избирательное право. Следует отметить, что в таких случаях функции представительного органа реализуется особой формой народного представительства – «сходом граждан», который по своей природе отражает форму непосредственного осуществления гражданами своей власти.

Сфера ведения представительного органа на местном уровне устанавливается п. 10 ст. 35 ФЗ № 131 – это принятие и изменение устава, вопросы, связанные с бюджетом, налогами, сборами и т.п. При этом также стоит отметить, что правовое регулирование представительных органов публичной власти в органах местного самоуправления осуществляется также и региональными актами и непосредственно актами в рамках муниципального образования. Другими словами, система представительных органов публичной власти выступает составной частью единой системы публичной власти в РФ и, как мы ранее указывали, включает в себя трехуровневую систему: федеральный и региональный уровни в рамках государственной власти и местный уровень в рамках местного самоуправления.

Особую роль в системе представительных органов публичной власти имеет местный уровень, который представляет собой совокупность представительных органов местного самоуправления на всей территории РФ. В ст. 132 Конституции РФ прямо указывается, что народовластие на местном уровне, осуществляемое посредством представительных органов, входит в единую систему публичной власти в РФ. Как отмечает К.В. Мурычев, представительные органы на всех уровнях, в том числе и на местном уровне, связаны единым сущностным предназначением, общими важнейшими функциями и задачами, основополагающими началами, способами создания и природой деятельности [13].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что система представительных органов публичной власти – это совокупность представительных органов на общегосударственном, региональном и местном уровнях организации публичной власти, непосредственно осуществляющих суверенитет народа в рамках представительства интересов граждан на определенной территории и посредством законодательной, контрольной и других видов деятельности. И в этой триаде организации публичной власти именно местному уровню должно уделяться приоритетное внимание.

Список источников

1. Гогин А.А. Теория государства и права: учебник / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько и др. М.: Проспект, 2016. 82 с.
2. Наумова С.Ю. Общая теория государства и права: учебник / С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой; Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 59 с.
3. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. / Л.П. Рассказов; М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 37-38; Чиркин, В.Е. Государствоведение: Учебник. / В.Е. Чиркин; 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2000. 81 с.
4. Кушхова Б.З. Публичная власть: субъектный состав и структура / Б.З.Кушхова; KANT. 2015. № 1 (14). С. 85; Наумова, С.Ю. Общая теория государства и права: учебник / С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018, - 30 с.
5. Кузин Д.А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (57). 320 с.
6. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.
7. Грудинин Н.С. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации как орган народного представительства: вопросы теории и практики: Дис. … к. ю. наук. М., 2015. 16 с.
8. Авакьян С.А. Народное представительство и парламентаризм // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 9.
9. Шиндина А.В. Институт делегирования в системе народного представительства // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53).
10. Безруков А.В. Конституционное право России; Учебное пособие. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 171 с.
11. Безруков А.В. Парламентское право и парламентские процедуры в России: -Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. С.10-11; Кокотов, А.Н. Федеральный законодательный процесс: понятие и структура //Правоведение. 2001. № 1. 54-56 с.
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (последняя ред.): [принят Государственной Думой 16 сент. 2003 г.; одобрен Советом Федерации 24 сент. 2003 г.] // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
13. Мурычев К.В. Система представительных органов власти в Российской Федерации. М.: Норма, 2011. 240 с.

References

1. Gogin A.A. Theory of state and law: textbook / A.A. Gogin, D.A. Lipinsky, A.V. Malko, et al. M.: Prospect, 2016. 82 p. (In Russ.)
2. Naumova S.Yu. General theory of State and law: textbook / S.Yu. Naumova, A.S. Mordovets, T.V. Kasaeva; Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2018. 59 p. (In Russ.)
3. Narratives L.P. Theory of state and law: advanced course: Textbook / L.P. Narratives; M.: RIOR: INFRA-M, 2015. pp. 37-38; Chirkin, V.E. State studies: Textbook. 2nd ed., ispr. and add. M.: Jurist, 2000. 81 p. (In Russ.)
4. Kushkhova B.Z. Public power: subject composition and structure / B.Z.Kushkhova; KANT. 2015. No. 1 (14): 85; Naumova S.Yu. General theory of State and law: textbook / S.Yu. Naumova, A.S. Mordovets, T.V. Kasaeva. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2018 (In Russ.)
5. Kuzin D.A. Public power in the Russian Federation: concept, principles. *Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2015. No. 1 (57). 320 p. (In Russ.)
6. Narratives L.P. Theory of state and law: advanced course: Textbook. M.: RIOR: INFRA-M, 2015. (In Russ.)
7. Grudinin N.S. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as a body of peo-

ple's representation: issues of theory and practice: dissertation ... Candidate of Legal Sciences. M., 2015 (In Russ.)

8. Avakian S.A. People's representation and parliamentarism. *Bulletin of the O. E. Kutafin University.* 2019. No. 9 (In Russ.)

9. Shindina A.V. Institute of delegation in the system of people's representation. *Bulletin of the Volga Institute of Management.* 2016. No 2 (53) (In Russ.)

10. Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia. 3rd ed. reprint. M.: Justicinform, 2015 (In Russ.)

11. Bezrukov A.V. Parliamentary law and parliamentary procedures in Russia. 2nd ed. reprint. and additional M.: Justicinform, 2015. pp.10-11; Kokotov, A.N. Federal legislative process: concept and structure. Jurisprudence. 2001. No. 1: 54-56 p. (In Russ.)

12. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Feder. Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (last ed.) : [adopted by the State Duma on September 16, 2003: approved by the Federation Council on September 24, 2003]. *Collection of Legislation of the Russian Federation.* 2003. No. 40. Art. 3822 (In Russ.)

13. Murychev, K.V. System of representative authorities in the Russian Federation. M.: Norma, 2011. 240 p. (In Russ.)

Информация об авторах

О.А. Артюхин – кандидат политических наук, доцент
А.А. Крицкая – кандидат политических наук, доцент
Х.Р. Чеченов – аспирант

Information about the authors

O.A. Artyukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
A.A. Kritskaya – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
H.R. Chechenov – Postgraduate Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 323

Идеология терроризма как источник и основа преступлений террористической направленности и политика противодействия

© И.Г. Веренич, Т.И. Джелали, 2023

Игорь Геннадьевич Веренич[1], Татьяна Ивановна Джелали [2]
[1] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. verenigor@yandex.ru
[2] Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. tatyana180326@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время терроризм является одной из главнейших угроз национальной безопасности страны. В статье авторы рассматривают терроризм и его идеологию в качестве комплекса радикальных идейных установок и теоретических воззрений различной направленности, а сам терроризм как, прежде всего, агрессию, которую личность проявляет в виде нетерпимости к взглядам оппонента, разделяющего нормы, общепринятые в обществе.

Ключевые слова: политика противодействия терроризму, экстремизм, идеология, насилие, угроза, противодействие, террористическая направленность, ненависть.

Для цитирования: Веренич И.Г., Джелали Т.И. Идеология терроризма как источник и основа преступлений террористической направленности и политика противодействия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.121-125

Original article

The ideology of terrorism as a source and basis of terrorist crimes and counteraction policy

Igor G. Verenich1, Tatiana I. Jelali[2]
[1] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. verenigor@yandex.ru
[2] Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. tatyana180326@yandex.ru

Abstract. Currently, terrorism is one of the main threats to the national security of the country. In the article, the authors consider terrorism and its ideology as a complex of radical ideological attitudes and theoretical views of various orientations, and terrorism itself as, first of all, aggression, which a person manifests in the form of intolerance to the views of an opponent who shares the norms generally accepted in society.

Keywords: extremism, ideology, violence, threat, counteraction, terrorist orientation, hatred

For citation: Verenich I.G., Jelali T.I. Ideology of terrorism as a source and basis of terrorist crimes and counteraction policy. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 121-125 (In Russ.)

Терроризм и экстремизм требуется рассматривать как крайне специфическую линию в политике, которая характеризует общую приверженность политических течений. Они могут занимать как крайне левые, так и крайне правые политические позиции, но гарантированно подразумевают наличие радикальных взглядов и не менее радикальных способов достижения поставленных целей. Таким образом, можно сделать вывод, что этот термин характеризует приверженность к крайностям в политике и идеях [1].

Если заняться более подробным рассмотрением идеологии терроризма, то следует отметить, что она может рассматриваться в качестве некоторого комплекса радикальных идейных установок и теоретических воззрений различной направленности. Главная их особенность заключается в том, что все эти трактовки выступают в качестве теоретического обоснования для использования насилия в самых разнообразных формах.

Далее предлагается несколько подробнее остановиться на существующих уголовно-правовых средствах, направленных на противодействие террористической преступности. При помощи данного термина характеризуются нормы, закрепленные в рамках уголовного законодательства, основная задача которых заключается в профилактике, предотвращении и полном пресечении процессов, свя-

занных с совершением преступлений, обладающих террористическим характером. В рамках действующего уголовного законодательства существует достаточно большое количество норм, в рамках которых осуществляется регулирование антитеррористической деятельности.

Перечень подобных норм может классифицироваться на два основных типа в зависимости от их объекта направленности. В таком случае выделяют:

1) направленные на личность с целью недопущения развития у нее криминальных свойств;
2) направленные на противодействие криминогенным условиям.

Согласно позиции достаточно большого количества исследователей, в частности А.В. Новикова, А.А. Карпова, Д.Н. Слабкой и многих других, к составам преступлений террористического характера можно отнести непосредственно совершение террористического акта, содействие подобной деятельности, публичные призывы к осуществлению терактов, прохождение обучения для их осуществления, а также организацию террористических организаций или формирований [2].

При более подробном рассмотрении действующего Уголовного законодательства Российской Федерации в пункте 2 статьи 205.2 можно обнаружить новый подход к пониманию террористической деятельности. В частности, новая редакция более подробно определяет перечень действий, которые подпадают под характеристику террористических. С момента выпуска данной редакции нормативно-правового акта общее количество составов преступлений, подпадающих под террористическую деятельность, увеличилось до 40 [3].

Вместе с этим одна из важнейших особенностей действующего уголовного законодательства Российской Федерации заключается в том, что в данном документе не содержится таких терминов как преступления террористического характера или преступления террористической направленности, что накладывает определенные ограничения на использование нормативных актов.

Однако на сайте Генеральной прокуратуры России указывается, что в разделе статистики преступлений террористического характера отражается точное количество преступлений, обладающих террористической направленностью. Далее в рамках данной вкладки сайта дается более подробное описание всех видов террористических актов, описываются их основные особенности, а также даются все сопутствующие необходимые трактовки [4].

Таким образом, на основе подобных особенностей можно сделать вывод о том, что за счет использования подобных формулировок законодатель приравнивает между собой понятия преступления террористической направленности и преступления террористического характера. То есть, они рассматриваются как равнозначные между собой.

Вместе с этим исследовательскую категорию «преступления террористической направленности» можно встретить и в других постановлениях и нормативно-правовых актах, к примеру в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Однако стоит отметить, что в рамках данного документа не предоставляется раскрытие данного понятия, хотя и указываются конкретные статьи, совместно с которыми должна использоваться эта категория, что дает косвенные указания на то, какие именно статьи должны рассматриваться в качестве состава преступления, который может считаться преступлением террористической направленности [5].

С точки зрения авторов, для решения всех потенциально возникающих правовых коллизий и проблем наиболее целесообразно закрепить в тексте закона конкретный исчерпывающий перечень преступлений, которые могут считаться террористическими [5].

Очень важно понимать, что преступления, обладающие террористической направленностью, характеризуются крайне высокой угрозой для общественной безопасности, что позволяет относить к общественно опасным деяниям, которые могут причинять значительный вред общественным отношениям.

Родовым объекта Раздела IX УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности общественную безопасность и общественный порядок, установленные в стране [6].

Видовым объектом преступлений является относительно узкая группа общественных отношений, интересов и ценностей данного вида. Как пишет В. В. Питецкий, «Видовым объектом является часть родового объекта, объединяющего еще более узкие и близкие группы отношений. Данные группы однородных общественных отношений объединяются в главы Особенной части УК в рамках родового объекта также по определенным критериям общности» [7].

Среди современных исследователей существует огромное количество различных подходов к трактовке терроризма. В связи с этим достаточно большое количество исследователей предлагает рассматривать данную категорию как некоторое социально-политическое явление, включающее систему организаций, идеологических положений и установок. Сюда также входят и различные практические действия организованных групп и отдельных граждан. Их всех объединяет общее стремление к использованию насилия или угрозы насилия в отношении органов государственной власти и обществу в целом. В большинстве случаев основная задача террористов заключается в диктовке своих

условий органам власти и управления как фактора устрашения при угрозе совершения актов террористической направленности [8].

Терроризм – это прежде всего агрессия, которую личность проявляет в виде нетерпимости к взглядам оппонента, разделяющего нормы, общепринятые в обществе. Он проявляется в предпочтении силовых вариантов при решении возникающих проблем, а также невосприятии консенсуса как инструмента, способствующего преодолению конфликтных ситуаций. И самая главная опасность состоит в том, что сторонники террористических групп и организаций не воспринимают самоценность самой личности [9]. Исходя из этого, терроризм может рассматриваться в качестве одной из форм противостояния общества и преступников, при которой отрицаются легально установленные публичные институт и структуры, подрывается стабильность, совершаются действия, направленные на подрыв, изменение или уничтожение порядка, сложившегося в государстве, с целью удовлетворения собственных властных потребностей и устремлений.

В современный период терроризм справедливо оценивается как сложное и комплексное социальное явление, проявление которого возможно в таких взаимосвязанных формах как религиозное сознание и идеология, организационные формы реализации религиозной доктрины, непосредственная деятельность по её осуществлению.

К числу крайних проявлений преступной деятельности относится фанатизм (религиозный). Суть этого крайне опасного явления состоит в том, что основной фактор – непоколебимая вера в то, что именно их вера является единственной и окончательной истиной. Религиозные фанатики демонстрируют убеждение в собственном мессианском предназначении, цель которого – принести счастье человечеству, спасти его от греховности. Основными элементами проявления религиозного сознания выступают такие черты как одержимость, абсолютность, претензия на исключительность, отсутствие сомнений, догматизм.

Сегодня необходима своего рода операционализация дефиниций религиозного и криминального религиозного терроризма как вида, что обусловлено их многоаспектностью и разновекторной направленностью [10].

Большинство современных ученых критически оценивают определение терроризма, закреплённое законодательно, приводя вполне обоснованные аргументы о том, что в его трактовке произошло смешение двух понятий, таких как терроризм и террористическая деятельности. В связи с этим целесообразным является необходимость более четко сформулировать юридическое понятие террористической деятельности.

Отдельные авторы определяют терроризм как действия и взгляды, которые выражаются в публичной форме, в ходе которых происходит нарушение или проявление неуважения к правам и свободам граждан, которые определены законом, общепринятым и справедливым нормам морали, общественному порядку и общему благосостоянию в демократическом обществе при наличии обязательной доказанности их юридической значимости в судебном порядке [11]. Данное определение вполне обоснованно, и его можно оценить как доктринальное в силу того, что в международной законодательной практике правовая характеристика этого негативного явления в большинстве своём ориентирована на противодействие его конкретным проявлениям, что также в большей степени сходно с понятием террористической деятельности.

Стоит понимать и то, что терроризм проявляется не только в виде преступлений, направленных против общественной безопасности, но и в качестве преступлений, которые несут огромную угрозу личности. Основой для таких преступлений становится вражда и ненависть [12].

Проанализировав все существующие подходы, можно сделать вывод о том, что формирование единой формулировки для преступлений террористической направленности действительно затруднено из-за использования двух разнонаправленных понятий, описывающих данное опасное социальное явление.

В контексте существующей доктрины в качестве терроризма требуется рассматривать некоторое системное социальное явление, в составе которого объединяются различные политические, расовые, религиозные и множество других убеждения.

Здесь стоит отметить одну важнейшую особенность, которая заключается в том, что с точки зрения теории уголовного права человек вполне имеет право на подобные взгляды, но если они становятся основой для совершения соответствующих действий, то в таком случае они трансформируются в противоправные деяния, которые требуют получения соответствующей юридической оценки.

Из сказанного следует, что террористическая деятельность есть непосредственное проявление терроризма в его активных формах, в качестве одной из которых выступает совершение террористической преступлений, в том числе и религиозной направленности. Вместе с тем, эта деятельности имеет некоторые отличия от экстремистской.

В частности, родовой объект террористических преступлений – это общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка, а у преступлений экстремистской

направленности – это общественные отношения в сфере нормального функционирования органов государственной власти. Из этого следует, преступления террористической направленности посягают на общество в целом и на отдельных его представителей, а экстремистские преступления посягают на институты государственной власти.

Список источников

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азь, 1994.
2. Новиков А.В., Карпов А.А., Кочедыков С.С., Слабкая Д.Н. Преступления террористического характера: особенности квалификации // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А.
3. Хараев А.А. Тенденция уголовно-правовой политики в сфере антитеррористической направленности // Социально-политические науки. 2018. №3. С.144.
4. Форма статистического наблюдения «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений», утвержденная приказом Росстата от 13 октября 2009 г. № 222, предоставляемая информационными центрами МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ // URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (Дата обращения: 27.07.2022).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета, № 35, 17.02.2012.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
7. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А. Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.
8. Ситникова М.П. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 1.
9. Боровикова Ю.В. Терроризм и экстремизм как угроза современному обществу: понятие, признаки и соотношение // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 30.
10. Багдасарян А.Э. Понятие экстремизма и терроризма, их профилактики // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35.
11. Ильичёв И.Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 4.
12. Наумов А.В. О понятии эффективности уголовной политики в сфере противодействия коррупции, терроризму и экстремизму // Первый ярославский юридический форум. Сборник научных статей по вопросам уголовного права и процесса. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2021.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Edited by N.Y. Shvedova. M.: Az, 1994 (In Russ.)
2. Novikov A.V., Karpov A.A., Kochedykov S.S., Slabkaya D.N. Crimes of a terrorist nature: features of qualification. *Issues of Russian and international law*. 2017. Volume 7. No. 7A (In Russ.)
3. Kharaev A.A. The trend of criminal law policy in the field of anti-terrorist orientation. *Socio-political sciences*. 2018. No. 3 (In Russ.)
4. The form of statistical observation «Information on the state of crime and the results of the investigation of crimes», approved by Rosstat Order No. 222 dated October 13, 2009, provided by the information centers of the Ministry of Internal Affairs, the Police Department, the Department of Internal Affairs of the subjects of the Russian Federation // URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (Date of appeal: 27.07.2022). (In Russ.)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 No. 1 (ed. from 03.11.2016) «On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes». Rossiyskaya Gazeta. No. 35, 17.02.2012. (In Russ.)
6. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 29.12.2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation.* 17.06.1996, No. 25, Article 2954. (In Russ.)
7. Criminal law. General part: textbook for bachelors / ed. by A. N. Tarbagaev. 2nd ed., reprint. and additional. M.: Prospect, 2016. (In Russ.)
8. Sitnikova M.P. Extremism and terrorism: correlation of concepts. *Bulletin of the Russian Legal Academy*. 2020. No. 1 (In Russ.)
9. Borovikova Yu.V. Terrorism and extremism as a threat to modern society: concept, signs and correlation. *Innovations. The science. Education.* 2021. No. 30 (In Russ.)
10. Bagdasaryan A.E. The concept of extremism and terrorism, their prevention. *Innovations. The science. Education*. 2021. No. 3 (In Russ.)

11. Ilyichev I.E. Extremism and terrorism: correlation of concepts, origins and modernity. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*. 2020. No. 4 (In Russ.)

12. Naumov A.V. On the concept of the effectiveness of criminal policy in the field of combating corruption, terrorism and extremism. The first Yaroslavl Legal Forum. Collection of scientific articles on criminal law and procedure. Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P. G. Demidov., 2021 (In Russ.)

Информация об авторах

И. Г. Веренич – аспирант
Т. И. Джелали – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

I.G. Verenich – Postgraduate Student
T.I. Jelali – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023. The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 10.03.2023

Научная статья
УДК 323

Транспарентность как условие обеспечения эффективности и открытости органов государственной власти

© И.Ф. Денисенко, Е.Н. Товончова, 2023

Иван Федорович Денисенко[1], Елена Николаевна Товончова[2]
[1,2] Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия
[1]dif_gmu@rgups.ru
[2]Just_ien@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу баланса транспарентности органов власти, который может обеспечить эффективную и открытую деятельность отечественных административных структур и в то же время повлиять на объем и характер рисков национальной безопасности. Термин «транспарентность» как измерительный инструмент результативности органов государственной власти недостаточно урегулирован отечественной нормативно-правовой системой, что затрудняет объективную и всестороннюю оценку деятельности отечественных административных структур.

Ключевые слова: транспарентность, информация, органы государственной власти, границы открытости, информационные войны, политические риски, международные отношения

Для цитирования: Денисенко И.Ф., Товончова Е.Н. Транспарентность как условие обеспечения эффективности и открытости органов государственной власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.126-131

Political institutions, processes, techniques

Original article

Transparency as a condition for ensuring the efficiency and openness of public authorities

© I.F. Denisenko, E.N. Tovanchova, 2023

Ivan F. Denisenko[1], Elena N. Tovanchova [2]
[1,2] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
[1]dif_gmu@rgups.ru
[2]Just_ien@mail.ru

Abstract: The article analyses the balance of transparency of authorities, which can ensure the effective and open operation of domestic administrative structures and at the same time affects the scope and nature of national security risks. The term "transparency" as a measuring instrument of the effectiveness of public authorities is insufficiently regulated by the domestic regulatory system.

Keywords: transparency, information, public authorities, borders of openness, information wars, political risks, international relations

For citation: Denisenko I.F., Tovanchova E.N. Transparency as a condition for ensuring the efficiency and openness of public authorities. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 126-131 (In Russ.)

В основе современной российской политики лежит курс на повышение благосостояния нации, в том числе путем осуществления эффективного взаимодействия с гражданскими институтами, что невозможно без повышения уровня транспарентности государственной власти в стране. Однако внутриполитическая обстановка (проблемы терроризма и сепаратизма, повышенная активность поддерживаемого внешними силами неконструктивного протестного движения), а также попытки внешнеполитических противников лишить Россию значительной части суверенитета требуют от российских властей повышенного внимания к проблемам национальной безопасности, в том числе такой важнейшей её стороны как информационная безопасность.

Именно проблема обеспечения информационной безопасности является одним из важнейших факторов, определяющих границы транспарентности деятельности органов власти и внутри страны, и в вопросах внешней политики. Поэтому чрезмерная открытость органов государственной власти Российской Федерации в условиях нестабильности внутриполитической обстановки, а также внешнеполитической может послужить значительной угрозой национальной безопасности страны.

В сложившихся обстоятельствах Российскому государству крайне важно найти баланс между стремлением к повышению транспарентности политической системы, без чего невозможно построение истинно благополучного демократического общества, и возможностью засекречивания определенного объема информации, доступ к которому со стороны внутренних и внешних противников страны может нанести значительный ущерб национальной безопасности.

В процессе нахождения вышеупомянутого баланса важнейшей задачей является поиск и поддержание такого уровня транспарентности государственной власти, который, с одной стороны, позволил бы полноценно защищать права человека и гражданина, а с другой – не нес бы угрозы национальной безопасности.

Одним из острых вопросов современной политологии является минимизация политических рисков, возникающих в современном мире. В контексте данной проблемы возникает дисбаланс необходимости развития современного информационного общества, повышения уровня транспарентности органов государственной власти и при этом разрешение и устранение опасных рисков, связанных с мировой глобализацией и конкуренцией.

В России деятельность, связанная с вопросами нормативно-правового обеспечения транспарентности органов государственной власти, приобрела затяжной и неоднозначный характер. До сих пор не принят общий федеральный закон, регламентирующий свободу доступа к информации, в отечественных нормативно-правовых актах не закреплено понятие транспарентности власти, не отражены принципы, особенности и требования этого свойства. Такая ситуация наглядно продемонстрировала проблемы нормативного регулирования уровня транспарентности органов государственного управления в России.

В основе реформирования системы государственной власти в Российской Федерации в последнее десятилетие лежит стремление реорганизовать принципы её деятельности с целью повысить интенсивность взаимодействия представителей власти с общественностью, а значит повысить уровень транспарентности российской государственной и муниципальной власти. В связи с этим как никогда актуальными становятся исследования проблемы транспарентности демократических норм и институтов государственной и муниципальной власти, а также анализ методов измерения уровня открытости и доступности власти.

Само понятие «транспарентность» приобрело популярность в научном обществе относительно недавно. Впервые данное понятие упоминается в нормативно-правовых документах в 1949 году, а именно в шведском законе «О свободе изданий», а в настоящее время принцип транспарентности государственной власти закреплен в Конституции Швеции и является гарантией обеспечения высокого уровня транспарентности государственной и муниципальной власти в стране.

Этимологически термин «транспарентность» характеризует состояние прозрачности, ясности, явности для человеческого (гражданского) восприятия какого-либо объекта или определенного объема информации. Если политическая система обладает свойством транспарентности, то это значит, что она имеет определенный уровень прозрачности, доступности, и ясности.

Р.Б. Митчелл в самом общем виде определяет транспарентность как прозрачность процесса принятия и исполнения управленческих решений для сторонних наблюдателей. Однако в своих исследованиях автор отмечает, что транспарентность можно рассматривать и в более узком смысле как обеспечение свободного доступа к определенному объему информации о деятельности органов власти для населения.

В зависимости от политической обстановки и особенностей своего функционирования уровень транспарентности политической системы и отдельных её институтов может изменяться. Это можно определить либо сравнив показатели этой системы за прошедший период, либо сравнив с иными политическими режимами.

Анализируя проблему транспарентности политической системы, Д. Торнтон отмечает, что нельзя рассматривать транспарентность и эффективность политической системы как единую проблему [1]. Обеспечение высокого уровня транспарентности политической системы не должно являться самоцелью, так как высокий её уровень не обязательно способствует повышению эффективности деятельности политической системы. В своих исследованиях на примере денежно-кредитной и валютной политики государства автор показывает, что высокий уровень транспарентности может даже снизить эффективность политической системы, особенно с учетом достаточно высоких экономических затрат на поддержание транспарентности органов государственной власти.

Е.Б. Стребкова трактует транспарентность в качестве термина, относящегося к принципам публичности и открытости как целое к частному [2].

Иными словами, он значительно шире легально определенных в нормативно-правовых актах открытости, гласности и публичности. Фактически, транспарентность должна стать политикой, в рамках которой и следует применять все означенные принципы. Актуальность применения политики транспарентности Е.Б. Стребкова усматривает в крайне низком уровне доверия населения к институту судебной власти, что ставит под сомнение в глазах общественности достижение главной цели судебной власти: защита прав и свобод человека и гражданина через поиск истины в ходе судопроизводства. Поэтому транспарентность должна быть и принципом деятельности, и условием повышения её эффективности.

Н. И. Ярошенко транспарентность рассматривается в качестве особого конституционного принципа, без соблюдения которого невозможно эффективное осуществление правосудия [3]. Ученый отождествляет данный принцип с открытостью рассмотрения дел в суде. Открытость судопроизводства нацелена на обеспечение возможности привлекать общество к ходу судебного разбирательства, сделать процесс публичным, исключить возможность тайного, кулуарного разбирательства дел.

Принцип транспарентности в судебной сфере государственного управления включает в себя следующие компоненты:

– информация о суде;
– информация о времени и месте протекания конкретного судебного процесса;
– судейское самоуправление и свободная информация об его протекании;
– обнародование судебных решений в СМИ, в том числе высших судебных органов власти России;
– обзоры судебной практики;
– открытое проведение судебных заседаний, где нет информации, составляющей государственную тайну.

Основным механизмом, способным создать необходимые для этого условия, автор называет увеличение объемов финансирования судебной власти. А.М. Старостин, Л.Г. Швец анализируют транспарентность как один из важнейших механизмов преодоления девиаций в системе государственного и муниципального управления [4].

По мнению ученых, данное понятие следует изучать как одну из базовых характеристик, формирующих сферу государственного управления для обеспечения развития демократии и гражданского общества посредством формирования прозрачности, открытости политической системы, создания условий, способствующих возможности общественного контроля и надзора за принимаемыми властями политическими решениями. С транспарентностью ученые связывают возможность трансформации системы государственного управления в модель предоставления услуг, где приоритетная значимость будет отдана гражданской сфере отношений над собственно государственной.

Без транспарентности невозможно достижение эффективности, т.к. закрытый характер деятельности государственной бюрократии объективно способствует появлению в ней тенденций девиантного характера.

Транспарентность исследователи трактуют в качестве политического инструмента, обязывающего уполномоченных политических субъектов ретранслировать по каналам масс-медиа и через другие источники всю необходимую для социума информацию, что исключает возможность осуществления манипуляцией общественным сознанием и подтасовки данных.

Д.А. Лимарева связывает актуальность изучения транспарентности с процессами образования информационного общества в России. По мнению исследователя, в новых условиях власть и общества должны переходить к сотрудничеству и со-управлению. Исследователь отмечает, что в последние годы в нашей стране очень многое сделано для внедрения всех необходимых условий для обеспечения возможности свободного информационного обмена между публичной властью и обществом. Приняты соответствующие нормативно-правовые акты, программы развития, созданы сайты органов власти всех уровней и т.п. Однако эффективность государственного управления сдерживается некоторой степенью формализованности в применении принципов транспарентности в системе политического управления.

К. Беше-Головко представляет концепцию транспарентности в виде обеспечения свободного доступа к любому типу публичной информации, в том числе нормативно-правовым актам. Оригинальность данной позиции заключается в противопоставлении «активной гласности» и «пассивной транспарентности» [5].

Линия водораздела между понятиями представляется в том, что гласность подразумевает активное участи гражданского общества в делах государства, а транспарентность представляет собой свободный доступ к тому, что уже принято, но без согласования непосредственно с самими структурами общества.

Динамика процесса представляется К. Беше-Головко в виде поглощения гласности транспарентностью, что отражает нивелирование значимости общества как политического субъекта. Кроме того, сами политические структуры, создаваемые в рамках политики транспарентности, нередко становятся частью уже существующей формально-бюрократической системы, что снижает ценность и масштабность принимаемых решений в сфере обеспечения доступности и открытости информации.

М.В. Заяц рассматривает вопросы транспарентности в контексте повышения эффективности во взаимодействии муниципальной власти и территориальными сообществами [6]. Реализацию транспарентности автор связывает с принципом политического соучастия всего муниципального сообщества в деятельности по достижению значимых результатов для определенной территории. В этих целях должна быть обеспечена эффективная двусторонняя коммуникация при активном содействии служб по связям с общественностью. Особое значение М.В. Заяц придает обеспечению информационной открытости в деятельности муниципальных органов власти. Необходимо, по его мнению, снять все барьеры, мешающие доступности информации о деятельности органов власти на муниципальном уровне. Таким образом, несмотря на повышение в последнее время внимания к исследованию проблемы транспарентности со стороны ученых и практиков, единого подхода к пониманию сущности транспарентности в настоящий момент не выявлено.

Определим и проанализируем цели информационной войны, так как именно от их сущности зависит направление информационной политики страны и уровня транспарентности власти в целом:

1.Подавление и разрушение вредных (для заказчика) информационных элементов.

2.Защита и распространение нужных в данных обстоятельствах информационных элементов.

3.Разрушение тех сетевых сообществ, субъекты которых обладают знаниями, являющихся сущностью вредных информационных элементов.

4.Культивирование и продвижение тех сетевых сообществ, субъекты которых обладают знаниями, являющихся сущностью полезных информационных сущностей;

5.Точечное, конкретное воздействие на сложные информационные элементы с целью устранения вредные информационные сущности или модернизировать их в полезные.

В политологии выделяют различные формы информационных войн, каждая из которых предназначена для достижения конкретных четко определенных целей. Основными технологиями информационной войны являются: тщательно спланированный выброс информации, пропаганда, внедрение в сознание определенного круга людей искаженных фактов или скрытие неугодных обстоятельств (политика «двойных стандартов»), медиа вирусов, формирование определенных стереотипов и дезинформация. В совокупности все эти методы нацелены на изменение общественного сознания, создание панических настроений в обществе или формирование нужной обратной реакции.

Среди множества инструментов и методов влияния на массовое сознание можно выделить: скрытие всего объема информации или её части, подмена понятий, информационный мусор, который мешает полноценному восприятию реальных фактов, внедрение понятий и терминов, не несущих особенной смысловой нагрузки, большой объем информации, несущей негативный подтекст, ложь, информационное табу, отвлечение внимания. Рассмотрим некоторые из них более подробно:

1. Сокрытие информации. Данный метод заключается в скрывании значимой и важной информации.

2. Информационный мусор. Его основной механизм работы в том, что неугодную информацию скрывают за потоком, отвлекающего «информационного мусора», то есть за потоком неважной не несущей особой смысловой нагрузки информации.

3. Замена или подмена понятий заключается в том, что общепринятый определенный термин используют не по его сути, а как бы наполняя (подтягивая) его другим, возможно смежным, смыслом. Таким образом, его настоящий смысл со временем начинает стираться.

4. Отвлечение внимания состоит в том, что происходит акцентирование внимания на неважных и незначительных фактах, в то время как истинно значимые, смыслообразующие остаются незамеченными.

Именно таким методом, является масштабное распространение информации о неизбежном и стремительно распространяющимся «свином» или «птичьем» гриппе, для отвлечения внимания населения от кризисной экономической ситуации в стране или остросоциальных поправок в реформы (например, изменение перечня социальных или пенсионных льгот).

5. Информационное табу – информация, которая по каким-либо основаниям запрещена к распространению. Так, большой объем информации о политических, социальных, экономических и других государственных вопросах на продолжительный срок остается закрытым для большинства граждан.

Методы и технологии, проанализированные выше, не охватывают весь инструментарий техники ведения информационных войн, которые используются на практике. Но они дают возможность исследовать механизмы информационно-политического воздействия. Любое информационное воздействие, которое осуществляется в современном мире, происходит с помощью информационного оружия.

Подводя итог, отметим, что обеспечение национальной безопасности – одна из главных обязанностей любого государства. В настоящее время существует много угроз, рисков и передовых технологий, которые на расстоянии могут подорвать целостность любой страны мира. Информационный век предоставил человечеству не только множество возможностей для развития, но и дал толчок к появлению такого вида оружия как «информационное». Сегодня мы имеем возможность наблюдать частые масштабные кибертерроористическсие атаки на правительственные и даже военные сайты с целью захвата секретной, конфиденциальной информации, использование на политических аренах манипулятивных методов борьбы (двойные стандарты, манипуляция общественным сознанием). Для борьбы с такими негативными проявлениями информационной революции необходим системный подход и логическая взаимосвязь защитных мер.

В век информационных перемен активное общество требует больше информации как через официальные запросы, так и через массовые демонстрации и митинги. В этой связи важным был и остается вопрос, как ученому миру и органам государственного управления найти баланс между транспарентностью власти и защитой от конкурентов конфиденциальной информации. Думается, что в первую очередь все информационные потоки в стране должны быть четко регламентированы и прописаны в положениях нормативно-правовых актов.

Список источников

1. Социальное управление: теория и практика: Социология власти: Вестник Социологического центра РАНС. No 5, 2005. М.: Изд-во РАГС, 2005. 188 с
2. Стребкова Е. Г. Транспарентность судебной власти как одно из направлений ее развития // Право. Законодательство. Личность. № 2(19). 2014.
3. Ярошенко Н. И. Принцип транспарентности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2013. №5 (97).
4. Старостин А.М., Швец Л.Г. Девиации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. №1. С. 37-42.
5. Беше-Головко К. Власть в постмодернистском обществе: между плоскостями реальности и коммуникации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №1.
6. Заяц М.В. Транспарентность как форма нового взаимодействия муниципальной власти и населения. М.: ООО МАКС Пресс, 2015. 101 с.
7. Пызина Г.В. Транспарентность как категория политической науки: основные подходы / Г.В. Пызина // Социология власти. 2005. Вып. 5. С. 119-127.
8. Лапина М.А. Государственное управление в переходный период к информационному обществу / М.А. Лапина // Социодинамика. 2016. № 1. С. 59-63.
9. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. 321 с.

References

1. Social Management: Theory and practice: Sociology of Power: *Bulletin of the Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.* No. 5, 2005. Moscow: RAGS Publishing House, 2005. 188 p. (In Russ.)
2. Strebkova E. G. Transparency of the judiciary as one of the directions of its development. Law. Legislateon. Personality. 2014. No 2(19). (In Russ.)
3. Yaroshenko N. I. The principle of transparency as a constitutional principle of the administration of justice in Russia .*Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik.* 2013. No.5 (97). (In Russ.)
4. Starostin A.M., Shvets L.G. Deviations in modern state and municipal management and mechanisms of their parrying. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018. No. 1: 37-42. (In Russ.)
5. Beshe-Golovko K. Power in postmodern society: between the planes of reality and communication. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2022. No1. (In Russ.)
6. Zayats M.V. Transparency as a form of new interaction between municipal authorities and the population / M.V. Zayats. – M.: LLC MAX Press, 2015. – 101 p. (In Russ.)
7. Pyzina G.V. Transparency as a category of political science: basic approaches. *Sociology of Power*. 2005. Issue 5:119-127. (In Russ.)
8. Lapina M.A. Public administration in the transition period to the information society. *Sociodynamics*. 2016. No. 1:59-63. (In Russ.)

9. Webster F. Theories of information society. M., 2004. 321 p. (In Russ.)

Информация об авторах

И.Ф. Денисенко – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Государственное и муниципальное управление»
Е.Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление»

Information about the authors

I.F. Denisenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department "State and Municipal Administration"
E.N. Tovanchova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department "State and Municipal Administration"

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 29.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023

Научная статья
УДК 342/.7

Противодействие терроризму: особенности современной информационной и уголовной политики

© Е.В. Кравченко, И.Г. Веренич, 2023

Елена Владимировна Кравченко [1], Игорь Геннадьевич Веренич [2]
[1] Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. vicktoria22@mail.ru
[2] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. verenigor@yandex.ru

Аннотация. Авторы отмечают изменение государственной политики в сфере защиты и охраны информационной безопасности граждан, общества и государства. В России увеличилось количество террористических преступлений, совершение которых часто становится возможным при обработке конкретных лиц через интернет-пространство. Авторами анализируются статистические данные МВД России, констатируется рост террористических актов. В статье также обращено внимание на особенности современной информационной и уголовной политики в сфере противодействия терроризму, предлагаются меры повышения защищенности уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: информационная безопасность, современная политика государства, уголовно-правовой способ защиты, террористическая деятельность, терроризм, экстремизм, преступность, уголовная ответственность, наказание, противодействие терроризму

Для цитирования: Кравченко Е.В., Веренич И.Г. Противодействие терроризму: особенности современной информационной и уголовной политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.132-137

Original article

Countering terrorism: features of modern information and criminal policy

© E.V.Kravchenko, I.G. Verenich, 2023

Elena V. Kravchenko[1], Igor G. Verenich[2]
[1] Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. vicktoria22@mail.ru
[2] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. verenigor@yandex.ru

Abstract. The authors outline the change in state policy in the field of protection and protection of information security of citizens, society and the state. In Russia, the number of terrorist crimes has increased, often the commission of which becomes possible when processing specific individuals through the Internet space. The authors analyze the statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and state the growth in terrorist acts. The article also draws attention to the features of modern information and criminal policy in the field of countering terrorism, suggests measures to improve the protection of criminal law means.

Keywords: information security, modern state policy, criminal law method of protection, terrorist activity, terrorism, extremism, crime, criminal liability, punishment, counteraction to terrorism

For citation: Kravchenko E.V., Verenich I.G. Countering terrorism: features of modern information and criminal policy. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154):132-137 (In Russ.)

Основным источником уголовной политики выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1]. Это базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты РФ, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития РФ на долгосрочную перспективу.

При этом в Стратегии отмечается, что одной из угроз национальной безопасности РФ продолжает оставаться террористическая деятельность, в ходе которой международные террористические

организации усиливают пропаганду и вербовку российских граждан для создания на территории РФ законспирированных ячеек, вовлечению российской молодежи в противоправную деятельность.

Вместе с тем была пересмотрена государственная политика в сфере обеспечения информационной безопасности в Указе Президента от 12 апреля 2021 года, где изменился вектор развития информационной политики и защиты безопасности граждан, общества и государства.

Основными угрозами в данной сфере являются использование IT-технологий в военно-политической и иной сферах для подрыва суверенитета государств, нарушения их территориальной целостности, а также в террористических, экстремистских и преступных целях. Мы рассмотрим самый жесткий способ защиты – уголовно-правовой.

По утверждению О.А. Авдеевой, действующее уголовное законодательство, регламентирующее борьбу с терроризмом, как инструмент уголовно-правовой политики не в полной мере соответствует заявленным угрозам нашего государства, которое является многоконфессиональным и многонациональным государством.

В научной литературе неоднократно высказывались предложения относительно необходимости переосмысления законодательных формул, касающихся террористической преступности. Согласимся, что такие предложения обоснованы, так как приоритетом российской уголовной политики в современный период является совершенствование антитеррористического законодательства.

Важную роль в противодействии терроризму играет Национальный антитеррористический комитет, который является организатором и координатором всей контртеррористической работы в стране [2].

Анализ уголовной политики современной России по противодействию терроризму свидетельствует о том, что в её реализации участвуют множество субъектов: правоохранители, правоприменители, ученые, органы государственной власти и весь социум в составе институтов гражданского общества.

По статистике МВД России, за 2021 год было зарегистрировано преступлений:

– 2136 – террористического характера, что ниже на 8,8% по сравнению с предыдущим периодом;

– 1057 – экстремистской направленности, рост составил 26,9%.

370 (+56,8 %) из них расследовали органы СК России, 70 (+20,7 %) – органы МВД.

Отдельно было подсчитано число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

По ст. 280 УК РФ – публичные призывы к экстремистской деятельности – 455 (на 33,8 % больше, чем в 2020 году), 224 из которых выявили в МВД, 219 – выявили в ФСБ, два – выявили в СК России.

По ст. 205.2 УК РФ соответствующих преступлений было зарегистрировано 315 (+35,8 %), 164 из них были выявлены органами ФСБ, 141 – органами внутренних дел и одно – СК РФ.

Из всего совокупного числа зарегистрированных преступлений террористической направленности 700 преступлений (+12,4%) были совершены в 2021-м году [3].

Было пресечено на стадии приготовления и покушения 64 (-9,9%), совершено за пределами Российской Федерации – 327 (+44,7%).

Больше всего экстремистов оказалось в Москве – 59 преступлений. На втором месте – Дагестан (58 преступлений по экстремистской статье), на третьем – Кемеровская область (54 случая).

По данным МВД России, в 2021 году в стране был зафиксирован 41 теракт, что свидетельствует о снижении по сравнению с предыдущим годом.

В 2015 году этот показатель был значительно ниже и составил восемь преступлений.

Представим эти показатели на рис. 1.

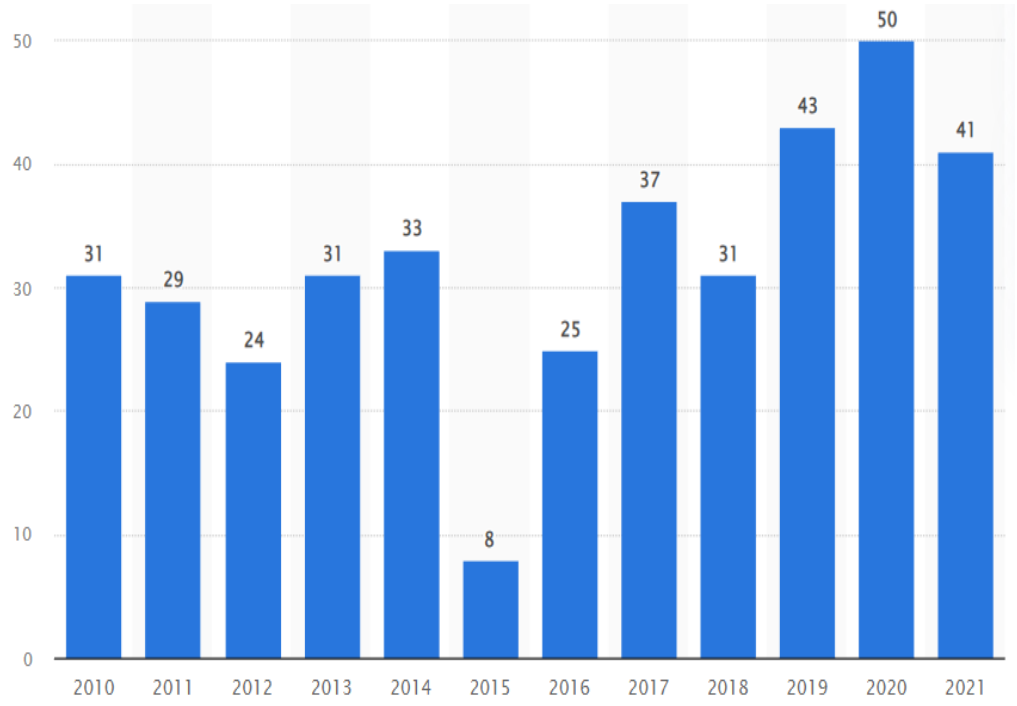

Рисунок 1. Количество зарегистрированных террористических актов в России с 2010 по 2021 год

Что касается преступлений террористической направленности, то в 2021 году правоохранительными органами в России было зарегистрировано более 2,1 тысячи преступлений террористического характера, что свидетельствует о снижении по сравнению с предыдущим годом.

Больше всего преступлений, связанных с терроризмом, было зарегистрировано в 2020 году – более 2,3 тысячи случаев. Представим эти показатели на рис. 2.

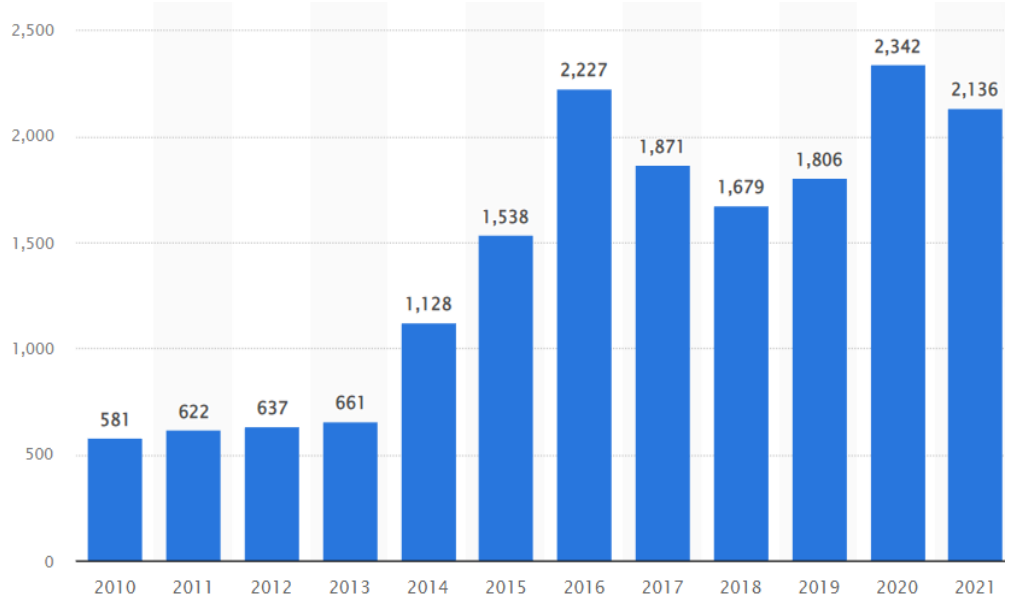

Рисунок 2.

Что касается количества осуждённых, то 2021 году осуждено 682 человека за терроризм против 575 прошлого года. Количество лиц, в отношении которых были вынесены обвинительные приговоры, возросло с 325 до 606 человек. Эти данные были озвучены Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым 9 февраля 2022 года.

Таким образом, в 2021 году в Российской Федерации всего за терроризм и экстремизм было осуждено более 1,2 тыс. лиц. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отметил, что религиозные обряды и церемонии не могут считаться экстремистскими преступлениями.

По ФЗ №114-ФЗ содержание и цитаты из религиозных источников (Библия, Коран, Танах и Ганджур) экстремистскими материалами не являются.

Председателем Следственного комитета России А. Бастрыкиным была отмечена необходимость усиления мониторинга Интернета в сфере выявления негативных явлений, вербовке людей для противоправных действий, в том числе и для пропаганды терроризма и экстремизма.

Количество преступлений экстремистской направленности в России за первое полугодие 2022 г. выросло на 28,5% в годовом выражении – до 775. Помимо этого, на 4,8% выросло число преступлений террористического характера, достигнув 1332, как следует из данных МВД РФ.

Не требует доказательства того, что деяния террористической направленности обладают значительной степенью социальной опасности. Они дестабилизируют гражданское согласие, угрожают межконфессиональному и межнациональному согласию [4].

Таким образом, террористическая преступность – это часть общеуголовной преступности, соответственно, она может анализироваться как в количественных, так и в качественных показателях, как и все другие виды преступности. При этом в условиях информатизации и цифровизации современного общества происходит трансформация указанных выше показателей, а также видов, методов, средств и мотивов террористической и экстремистской преступности. Это обуславливает необходимость более быстрого реагирования государства на вызовы терроризма и корректировки законодательства для противодействия этим антиобщественным деяниям.

Эскалация разнообразных действий террористической направленности способствует ужесточению уголовной политики, прежде всего в контексте ответственности за совершение террористических деяний.

Уголовное законодательство о противодействии терроризму и экстремизму находится в постоянной динамике. Значительные изменения в УК РФ были внесены в 2009 [5], 2010 [6], 2011 [7], 2013 [8], 2014 [9], 2016 [10], 2017 [11], 2020 [12] годах, когда были редактированы положения статьи 205 и других статей УК РФ, также в этот же период появились новые статьи, в которых законодатель более дифференцировано подошел к уголовно-правовой оценке действий террористов и их пособников.

Была усилена (увеличена) санкция в виде лишения свободы за теракт и вовлечение в различные виды террористической деятельности.

Нуждаются в корректировке и положения ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3ФЗ «О полиции» прежде всего в контексте применения огнестрельного оружия в отношении лиц, которые подлежат задержанию по подозрению в совершении террористического преступления.

Считаем обоснованными и своевременными предложения о понижении возраста уголовной ответственности за все преступления террористической направленности до 14 лет, а не только за деяния, предусмотренные статьями 205 и 206 УК РФ. Полагаем, что такое решение будет актуально, так как на практике всё чаще в районах с высоким уровнем риска совершения террористических действий имеют место случаи привлечения к террористическим преступлениям лиц, не достигших 16 лет.

Следует упомянуть и о продолжающейся дискуссии о необходимости применения более радикальных законодательные меры для предупреждения преступлений террористической направленности, в частности о введении в качестве высшей меры наказания – смертной казни. Социологические опросы населения в разных странах показывают, что абсолютное большинство граждан выступают за сохранение наказания в виде смертной казни за совершение террористических актов. Полагаем, что таким способом проблема терроризма не может быть решена.

К числу тенденций современного терроризма относится активизация преступных элементов в сети Интернет, где они размещают открыто, а в некоторых случаях завуалированно призывы к осуществлению террористической деятельности. Всемирная сеть сегодня предоставляет современным международным террористическим организациям неограниченные возможности для вербовки граждан в террористические структуры, пропаганды своих идеалов и непосредственной подготовки террористических актов.

Сегодня терроризм – это прибыльный бизнес мирового масштаба, и в связи с этим призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное их оправдание представляют особую опасность. В связи с активным использованием террористами интернет-пространства и других достижений информационных технологий целесообразно говорить о компьютерном терроризме, который сегодня становится реальной угрозой, так как способен нарушить основы управления. В связи с этим целесообразно на законодательном уровне закрепить ответственность за «компьютерный терроризм» и разработать новейшие технические и правовые меры, которые бы смогли реально обеспечить защиту информационных сетей.

Пробелом в сфере ответственности за финансирование терроризма является отсутствие дифференциации ответственности за этот вид деяний в зависимости от суммы денежных средств.

Учитывая степень общественной опасности преступлений террористической направленности, следует повысить пределы уголовной ответственности за них, а также конкретизировать перечень видов наказания за преступления террористического характера; ввести дополнительные виды наказаний (например, конфискация имущества, арест банковского счета с последующим изъятием денежных средств), что должно способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в части усиления мер ответственности за рассматриваемые преступления.

Действенность уголовной политики Российского государства в сфере противодействия терроризму непосредственно связана с реализацией решений юридического характера на предметном уровне.

Важное значение при этом имеет комплексный подход к решению проблемы повышения эффективности уголовного закона. В силу этого полагаем необходимым усилить работу по трём ключевым направлениям в сфере противодействия экстремизму и терроризму:

– в сфере нормотворчества: необходимо принять единый законодательный акт, направленный на противодействие терроризму, в котором должны быть объединены меры противодействия и прежде всего закреплены вопросы координации возможных необходимых действий правоохранительных органов, органов государственной власти, и привлечению к этой борьбе институтов гражданского сообщества и отдельных лиц, способных к созданию контридеологии, способной противостоять идеологии терроризма;

– в сфере уголовного права: оптимизация нормотворческой деятельности в контексте разработки и внедрения научно обоснованных критериев оценки эффективности уголовно-правовых и иных норм, направленных на противодействие терроризму, а также усиления оперативной составляющей деятельности по противодействию терроризму;

– в сфере криминологии: активизация исследований детерминант террористической преступности, разработка прогрессивных методик исследования личности преступника, психокоррекционных и инновационных программ и методов, направленных на профилактику этих видов преступности;

– в сфере уголовно-исполнительного права необходимы широкомасштабные исследования социальной обусловленности рецидивной преступности в рассматриваемой сфере; объективная оценка эффективности пределов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия по уголовным делам, связанным с террористической деятельностью на предмет их профилактической результативности, а оптимизация превентивной деятельности в учреждениях ФСИН, в том числе в отношении отдельных категорий осужденных;

Изложенные предложения, безусловно, нуждаются в обсуждении, что позволит определить их реальную юридическую ценность и законодательную востребованность.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
2. Указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 (ред. от 29.01.2022) «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // Собрание законодательства РФ, 28.12.2015 г., № 52 (часть I), ст. 7591.
3. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // URL:https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (дата обращения: 10.10.2022).
4. Зорькина А.А. Криминологическая характеристика террористической и экстремистской преступности в Российской Федерации и ее предупреждение // Образование и право. 2021. №1.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» от 27.12.2009 № 377-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ, 28.12.2009. № 52
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 09.12.2010 № 352-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6610.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.11.2013 № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 04.11.2013, № 44, ст. 5641.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.05.2014 № 130-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 12.05.2014, № 19, ст. 2335.

10.Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.07.2016, № 28, ст. 4559.

11.Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 31.12.2017 № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1 (Часть I), ст. 85.

12.Федеральный закон от 08.12.2020 № 425-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 14.12.2020, № 50 (часть III), ст. 8070.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 05.07.2021, No. 27 (Part II), Article 5351. (In Russ.)

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 664 dated 12/26/2015 (ed. from 01/29/2022) «On measures to improve public administration in areas of countering terrorism». *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 28.12.2015, No. 52 (Part I), Article 7591. (In Russ.)

3. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL:https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (date of application: 10.10.2022). (In Russ.)

4. Zorkina A.A. Criminological characteristics of terrorist and extremist crime in the Russian Federation and its prevention. *Education and Law*. 2021. No. 1. (In Russ.)

5. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Entry into Force of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation on punishment in the form of restriction of Freedom». *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 28.12.2009, No. 52 (1 part), Article 6453. (In Russ.)

6. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» dated 09.12.2010 No. 352-FZ // SPS «Consultant Plus».(In Russ.)

7. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 07.12.2011 No. 420-FZ (as amended on 03.07.2016). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 13.12.2010, No. 50, Article 6610. (In Russ.)

8. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 02.11.2013 No. 302-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 04.11.2013, No. 44, Article 5641.

9. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 12.05.2014, No. 19, Article 2335.10. (In Russ.)

10. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety» dated 06.07.2016 No. 375-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 11.07.2016, No. 28, Article 4559. (In Russ.)

11. Federal Law «On Amendments to Articles 205 and 207 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 31.12.2017 No. 501-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation,* 01.01.2018, No. 1 (Part I), Article 85. (In Russ.)

12. Federal Law No. 425 dated 08.12.2020-Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 30 and 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». *Collection of Legislation of the Russian Federation,* 14.12.2020, No. 50 (Part III), Article 8070. (In Russ.)

Информация об авторах

Е.В. Кравченко – старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
И.Г. Веренич – аспирант

Information about the authors

E.V. Kravchenko – Senior Researcher of the Research and Editorial and Publishing Department
I.G. Verenich – Postgraduate Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 11.03.2023; принята к публикации 15.03.2023. The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 11.03.2023; accepted for publication 15.03.2023

Научная статья
УДК 321.6

Политические революции и изменения формы государственного устройства (к 100-летию образования СССР)

© А.В. Семенов, 2023

Андрей Викторович Семенов
Российский государственный университет правосудия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия. Kafedra213@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена тем изменениям в области формы государственного устройства, которые были обусловлены политическими революциями. Данные процессы хорошо просматриваются на примере двух крупных потрясений в современной истории России начала и конца XX в. Речь идёт об образовании СССР, увенчавшим окончание Великой Российской революции 1917 – 1922 гг., и его распаде, ставшим результатом антитоталитарной революции. Особое внимание уделено именно политическим аспектам данных процессов. Показана ущербность создания территориальных образований – автономий и субъектов федерации – по национальному принципу. Подчёркнуто особое значение политических решений по национальному вопросу, принимаемых в том или ином государстве.

Ключевые слова: политическая революция, форма государственного устройства, автономия, субъект федерации, партия, реформа, союз, распад

Для цитирования: Семенов А.В. Политические революции и изменения формы государственного устройства (к 100-летию образования СССР) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №3(154). С.138-143

Original article

Political revolutions and changes in the form of government (to the 100th anniversary of the formation of the USSR)

© A.V.Semenov, 2023

Andrey V.Semenov
Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.
Kafedra213@mail.ru

Abstract. The article considers the changes in the form of government that were caused by political revolutions. These processes are clearly visible on the example of two major shocks in the modern history of Russia at the beginning and end of the 20th century – the formation of the USSR, which crowned the end of the Great Russian Revolution of 1917 – 1922, and its collapse, which became the result of the anti-totalitarian revolution. Particular attention is paid to the political aspects of these processes. The inferiority of the creation of territorial entities – autonomies and subjects of the federation – on the national principle is shown. The special importance of political decisions on the national issue taken in a particular state is emphasized.

Keywords: political revolution, form of government, autonomy, subject of the federation, party, reform, union, disintegration

For citation: Semenov A.V. Political revolutions and changes in the form of government (to the 100th anniversary of the formation of the USSR). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship, law and management.* 2023. No3(154):138-143 (In Russ.)

Широкомасштабные государственные преобразования, осуществлявшиеся в ходе политических революций, неоднократно приводили к радикальным изменениям формы государственного устройства (точнее административно-территориальной организации государства). Так, в результате первой европейской демократической революции, которая состоялась в Нидерландах во второй половине XVI в., образовалась Республика Семи Провинций (в дальнейшем Голландия), конфедеративная по форме своего государственного устройства.

Великая Английская революция XVII в. привела к образованию Соединённого королевства Великобритании и Ирландии, а Война за независимость Североамериканских колоний Великобритании (тоже по своей сути национально-освободительная и антифеодальная революция) увенчалась принятием первой в мире конституции, в рамках которой в первые была установлена федеративная форма государственного устройства. В дальнейшем федерациями стали в ходе национально-освободительных революций в Латинской Америке Аргентина, Венесуэла, Мексика и Бразилия.

В ходе российских революций XX в. также была осуществлена федерализация российской государственности. Речь идёт прежде всего о Великой Российской революции 1917 – 1922 гг., которая увенчалась образованием СССР. К концу этой революции В.И. Ленин и большевики радикально изменили свои взгляды относительно административно-территориального устройства нового советского государства. Прежде всего необходимо отметить, что они сделали резкий разворот от полного неприятия федерализма до его возведения в один из основных принципов советского государственного строительства.

До 1917 г. вопрос о самоопределении вплоть до отделения и даже о преобразовании Российской империи в федерацию не ставила ни одна из российских политических партий. Октябристы и кадеты выступали за сугубо унитарное государство. Эсеры допускали в рамках унитарной государственности широкую автономию. Социал-демократы, признавая право на самоопределение за всеми нациями, были категорически против федерализма как принципа организации государства. В то же время В.И. Ленин допускал образование автономий в рамках единого Российского государства.

В условиях гражданской войны ленинская позиция претерпела изменения. Главный лидер большевиков признал, что можно допустить реализацию права наций на самоопределение при их согласии образовать федерацию с правом выхода из неё. Предпринимая этот шаг, Ленин и его ближайшие соратники исходили из наличия у них мощного инструмента, позволяющего держать процесс суверенизации отдельных наций под полным контролем. Ими была создана «партия нового типа» – первая в мире коммунистическая, тоталитарная партия. Будучи идейно сплочённой, централизованной и жёстко дисциплинированной политической организацией, она полностью контролировала все партийные структуры на местах, которые беспрекословно подчинялись ЦК партии.

Однако победив окончательно белогвардейцев в 1922г. и отразив натиск Польши, попытавшейся воссоздать Речь Посполитую, большевики столкнулись с серьёзной проблемой. К тому времени Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и Тува обрели независимость. Статус независимых советских республик получили Украина и Белоруссия. В Средней Азии с 1920г. существовали Хорезмская и Бухарская народные советские республики. 6 апреля 1920 г. на территории Забайкалья и Дальнего Востока была провозглашена Дальневосточная республика. В марте 1922г. возникла Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Встал вопрос: каким образом собрать все советские республики под одной крышей.

Импульсом к созданию единого советского государства послужило предложение от стран Антанты Советской России прислать своих представителей в Геную на международную конференцию по экономическим и финансовым вопросам. В связи с этим нарком иностранных дел Г.В. Чичерин и ряд других большевиков считали необходимым включить все советские республики на правах автономий в состав РСФСР. Но в самой РКП(б) относительно объединения вышеназванных республик единства взглядов не наблюдалось. В частности, И.В. Сталин, нарком по делам национальностей, отмечал, что за годы Гражданской войны в рядах партии сложилась группа «социал-независимцев», выступающих за полную самостоятельность таких республик как Грузия.

10 августа 1922г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Оргбюро ЦК подготовить проект решения по вопросу о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик. И к концу августа Сталиным был разработан проект резолюции, в котором предлагалось включить в состав РСФСР на правах автономий Украину, Белоруссию, Азербайджан, Армению и Грузию, а вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР оставить открытым.

Коммунистические руководства Азербайджана и Армении согласились с таким решением, но руководители Грузии и Украины настаивали на независимости. Против сталинского проекта решительно выступил член ЦК РКП(б) и глава украинского правительства Х. Раковский, отдававший предпочтение федерации со слабым центром. В конечном итоге это привело к дискуссии об автономизации, на который главными оппонентами были В.И. Ленин и И.В. Сталин.

В.И. Ленин стал на сторону «независимовцев». Историк А. Елисеев объясняет это тем, что «Ленин хотел видеть в этом образовании разные страны, в первую очередь промышленно развитые государства Европы. Вхождение таковых в состав единого Российского государства казалось ему весьма проблематичным. Другое дело – вхождение в наднациональный союз суверенных государственных образований» [1, с.12]. Главный лидер большевиков хотел создать качественно новое государственное образование, не имеющее национальной окраски и включающее в себя два этажа. На первом унитарные и федеративные советские республики, а на втором объединяющие их союзные органы.

В результате в проекте постановления октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1922г. появилась формулировка: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза».

Оценивая сложившуюся ситуацию с позиций сегодняшнего дня, можно сказать, что в целом прав был Сталин. Ущербность возникающих национальных республик, в первую очередь союзных, сразу проявилась в случае с Закавказской Советской Федерацией. Дело в том, что население Азербайджана, Армении и Грузии, особенно в городах, было смешанным. А с созданием национальных республик началось

вытеснение не титульных наций. Например, если в начале 1920-х годов Ереван и Баку были городами со смешанным армяно-азербайджанским населением, то к концу советской эпохи они стали практически мононациональными.

Следует признать, что раздел Закавказья на отдельные губернии, количество которых превышало число современных республик Закавказья, было правильным. Став республиками, Армения, Азербайджан и Грузия не смогли сосуществовать в рамках одного Закавказского государственного образования даже с федеративной формой государственного устройства, каковой была ЗСФСР.

Попытка создать федерацию в Закавказье предпринималась дважды. В апреле 1918г. грузинскими социал-демократами (меньшевиками), армянскими дашнаками (партия Дашнак Цутюн) и азербайджанскими мусаватистами (партия Мусават) была создана Закавказская демократическая федеративная республика. Но уже 8 июля 1918 г. Законодательный орган ЗДРФ – Закавказский сейм констатировал распад только что созданного государства. А затем в 1919 – 1920 гг. произошли вооружённые конфликты между Грузией и Арменией, Арменией и Азербайджаном. В свою очередь эти конфликты были осложнены конфликтом с Турцией, противостоять которой в одиночку эти республики не могли.

Сталин и Орджоникидзе считали, что создание Советской Федерации в Закавказье позволит остановить отчуждение народов этого региона, поэтому позиция руководства грузинских коммунистов вызвала у них возмущение. В 1935г. Л.П. Берия вспоминал, что «… национал-уклонисты хотели создать и развить привилегии грузин за счёт Советского Азербайджана и Армении …» [2, с.30].

Поскольку ленинская точка зрения восторжествовала, 18 декабря 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) утвердил проекты Декларации об образовании Союза ССР и Договора об образовании Союза ССР.

30 декабря 1922 г. они были утверждены I Всесоюзным съездом Советов в составе 2214 делегатов. Декларация и ст. 26. Договора признали за каждой республикой «право свободного выхода из Союза», но механизм реализации этого права нигде не был прописан.

Договор об образовании СССР отнёс к компетенции союзных органов вопросы внешней политики, внешней торговли, финансов, обороны, путей сообщения и связи. Остальные сферы остались в ведении союзных республик. Верховным органом стал Всесоюзный съезд Советов, а в перерывах между его созывами – Центральный исполнительный комитет СССР. Первым его председателем стал М.И. Калинин, а сопредседателями – Г. Петровский от Украины, Н. Нариманов от Закавказской Федерации, А. Червяков от Белоруссии. Непосредственное управление СССР осуществлял Совет народных комиссаров СССР во главе с В.И. Ленин, но над всеми этими органами стояло Политбюро ЦК ВКП(б).

Главным архитектором СССР стал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин. Единство Советского Союза должны были обеспечивать коммунистическая идеология, партийный аппарат, вооружённые силы и, конечно, (хотя об этом открыто не говорилось) органы госбезопасности.

И.В. Сталин, конечно же, был сторонником унитарного государства, в котором допускал существование сильно урезанной автономии. Пойдя на временный компромисс с коммунистами национальных союзных республик, он согласился на федерацию с правом выхода из неё. Главным гарантом несоблюдения этого права была компартия (РКП(б)- ВКП(б) – КПСС), мощный инструмент, позволявший держать процессы, протекающие в отдельных республиках, под полным контролем.

Это позволяло осуществить строительство строго унитарного тоталитарного государства, допускающего национальную автономию, но только в вопросах культуры, которая, по Сталину, должна была быть национальной по форме и социалистической по содержанию.

И в то же время, как отметил в своём интервью газете «Аргументы недели» российский историк А.И. Фурсов: «СССР был надёжным щитом и мечом для русского и других коренных народов страны, что он и доказал во время Великой Отечественной. А ведь тогда вопрос стоял о физическом и метафизическом существовании русских в истории. Нацисты, гитлеровский рейх был единственным за всю историю России её врагом, который поставил задачу стирания русских из истории» [3, с.10]. При этом ирония истории состоит ещё и в том, что западный мир смог пережить попытку германских нацистов и японских милитаристов стать мир-имперскими державами только благодаря СССР.

Распад СССР стал прямым следствием антитоталитарной демократической революции 1991 – 1993 гг. Как и Великая Российская революция 1917-1922гг., она состоялась в результате сочетания целого ряда объективных и субъективных факторов. Выше уже было отмечено значение национального фактора. Следует сказать, что федерации, построенные по национальному принципу, всегда стремятся к распаду. Ведь распался не только Советский Союз. Кровавый распад пережила Югославия (СФРЮ). Мирно разошлись Чехия и Словакия. Точно так же сепаратистские тенденции действуют в национальных автономиях региональных и унитарных государств. Примером этого могут служить Каталония в Испании, Шотландия в Великобритании, Корсика во Франции.

Но национально-государственное устройство СССР только облегчило процесс распада. Он был вызван прежде всего политическими и экономическими факторами. Как пишет упоминавшийся выше Хобсбаум, «неудача «перестройки», то есть ухудшение условий жизни простых граждан подорвала доверие

к союзному правительству и побудила искать решение проблем на региональном и местном уровне» [2, с.31].

Коммунистический тоталитарный режим в СССР основывался на трёх современных достижениях в организации государственной власти: организационно-монолитная и дисциплинированная, идеологически единая политическая партия, которая воспитывала «политически грамотных» людей и продвигала их из нижних уровней общества в средние и высшие, пусть и недемократическим способом; индустриально-развитая экономика массового производства и массового потребления, также предусматривавшая наличие высокообразованных кадров и осуществление урбанизации с последующим, но не очевидным, формированием системы всеобщего благосостояния, финансируемой государством; современные вооружённые силы, оснащённые по последнему слову науки и техники и комплектуемые посредством всеобщей воинской обязанности.

Осуществление на практике этих достижений и привело в конечном счёте к крушению диктатуры КПСС и развалу СССР. Во-первых, развёртывание мощных и многочисленных, хорошо оснащённых вооружённых сил, создание современного военно-промышленного комплекса, активное участие в гонке вооружений и целом ряде вооружённых конфликтов легли тяжёлым бременем на советскую экономику. Во-вторых, в результате успешной индустриализации сформировались три основных социальных класса общества так называемого «развитого социализма»: партийно-государственная номенклатура, советская интеллигенция и рабочие промышленности, транспорта и сферы услуг. Развитие отношений между ними неизбежно должно было породить социальное недовольство.

Бюрократическая номенклатура, как и любая политическая элита, стремилась сохранить свой привилегированный статус для себя и своих потомков и просто получать удовольствие от плодов своей власти, не испытывая никаких опасений. После осуждения сталинизма в 1956 г. с террористическими методами государственного управления было покончено, а после переворота в 1964 г. (отстранение Н.С. Хрущёва от власти) номенклатура обрела свой тихий рай. Однако административно-командная система требовала диктатора. В его отсутствии госаппарат подвергся коррупции. Это обернулось замедлением экономического развития. К тому же начало сказываться отсутствие конкуренции, а социалистическое соревнование не могло её заменить. К этому следует добавить идеологическую зашоренность коммунистической номенклатуры. Её неспособность анализировать опыт других европейских стран социалистического содружества (в первую очередь Венгрии и Югославии) и нейтралов, таких как Австрия, Финляндия, Швеция.

Относительно советского рабочего класса следует сказать, что ему была предоставлена своя версия малого рая – хорошая оплата труда, медицинское обслуживание, организация отдыха. Но если сталинский режим дисциплинировал рабочую силу террором и идеологией и пополнял его за счёт крестьянской среды, то теперь эти средства были исчерпаны. Надо было повышать уровень потребления и мириться с низкой эффективностью труда. Началась эрозия трудовой этики, а за ней пришла стагнация производительности труда.

Всё сказанное о номенклатуре и рабочем классе позволяет понять, почему в СССР оказался предельно затруднён переход от экономики массового производства и потребления к науко- информационно ёмкой и энерго-, трудо-, сырье- сберегающей экономике и в конечном итоге произошло вступление страны в глубокий социально-экономический кризис.

Относительно советской интеллигенции следует отметить, что, являясь классом образованных специалистов и служащих, она стремилась к реформированию политической и культурной систем СССР. Она хотела участвовать в выдвижении лиц на государственные должности и обсуждать политику государства.

Партгосноменклатура ответила на это подавлением инакомыслия, не допуская выхода социальной энергии и таким образом исключая саму возможность обновления своей легитимности. В стране установилась атмосфера догматического застоя, официального лицемерия, всепроникающего вмешательства в частную жизнь, а также всеобщей апатии и цинизма. К этому добавился страх номенклатуры перед возможностью политического альянса между рабочими и интеллигенцией, который мог привести к социальным выступлениям, подобным польским событиям 1980-го года.

В 80-х годах XX в. произошло резкое изменение ситуации на Западе. Если в 70-х годах США испытали определённое ослабление своих позиций в связи с поражением во Вьетнаме, внутренними проблемами и экономическим кризисом, и в это же время Западная Европа и Япония полностью восстановились после II Мировой войны, став сильными экономическими конкурентами США, заявив о своей заинтересованности в прямых экономических контактах с СССР и другими социалистическими странами (в результате СССР получил доступ к займам, технологиям и потребительским товарам); то теперь в 80-х гг. к власти пришли такие новые политики как Р. Рейган и М. Тэтчер. Началось радикальное изменение курса западных держав. Политическое и экономическое давление на мир социализма стало возрастать. В свою очередь руководство СССР оказалось не способно найти варианты нестандартных политических и экономических решений.

Во второй половине 80-х годов XX в. сыграл свою роль уже субъективный фактор. Генсек М.С. Горбачёв и коммунистическая элита СССР вынуждены были играть в чрезвычайно сложную игру на разных фронтах, и правила в этой игре быстро менялись. Тем не менее революционный взрыв начала 90-х не был предопределён. У руководства страны в руках был полный контроль над всеми экономическими, социальными и культурными ресурсами сверх державы.

Завершение перестройки политической революцией стало результатом неверного политического курса, который был обусловлен идеологическими и внутрипартийными ограничениями. В целом верхи КПСС оказались не готовы к изменению курса ни в идеологическом, ни в экономическом отношениях. Ситуация осложнилась ростом недовольства интеллигенции. Её инициативы, начиная с 1968 г. постоянно сдерживались, и фактически 1989 год стал продолжением 1968 г.

Перед руководством КПСС стояла задача трансформировать партийную номенклатуру в капиталистических технократов и создать полугосударственные корпорации, частично открыв доступ в них иностранному капиталу. Опыт Китайской Народной Республики показал, что это было вполне возможно. Это укрепило бы позиции номенклатуры прежде всего среди населения СССР. Но сама номенклатура была к этому не готова, и Горбачёв свернул от экономических реформ к политическим, не оставляя робких попыток перехода к рыночным отношениям.

Однако, как показывает практика, любой успешный переход от командно-административной системы к рыночной должен тщательно планироваться и поддерживаться государственной бюрократией. В свою очередь поворот в сторону политических реформ привёл к союзу интеллигенции с широкими народными массами, к которому присоединился ряд выходцев из партноменклатуры.

Сами же политические реформы требовали перестройки самой КПСС, её перехода к полифракционности, а затем и разделу на две партии правого и левого толка (и это предлагалось некоторыми коммунистами). Но компартия оказалась неспособной даже выработать концепцию перестройки. И к началу 90-х годов М. С. Горбачёв выглядел дезориентированным и непоследовательным политиком. Не решившись использовать силы госбезопасности и фактически предав свои вооружённые силы, он не смог правильно оценить ситуацию летом 1991года.

В то же время ряд представителей партгосноменклатуры стал действовать самостоятельно, используя выборы в советские органы власти, приватизацию госпредприятий и национальный суверенитет. И здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что М.С. Горбачёв не осознавал значимости национального фактора, считая, что национальный вопрос давно решён в СССР. Но история не только СССР и Югославии, но и Великобритании, Испании, Бельгии наглядно показывает, что этот вопрос никогда не может быть решён окончательно. Он должен быть предметом постоянного внимания политиков, требуя на каждой стадии исторического развития новых решений.

Подводя итог, следует сказать, что политические революции всегда решают свой главный вопрос – вопрос о власти (политической и государственной) в двух основных аспектах, обозначаемых понятиями «форма правления» и «форма государственного устройства». Политический анализ российских революций начала и конца XX в. свидетельствует, что сохранение государственного единства страны требует очень осторожного отношения к её административно-территориальному строению. Несомненно, создание и унитарной и федеративной государственности требует учета права народа и нации на самоопределение. Это право было сформулировано еще в условиях борьбы Североамериканских колоний Великобритании за свою независимость в знаменитой Декларации Т.Джефферсона. Великий американский просветитель и революционер, третий Президент США записал в ней, что «все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых, что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организации управления в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа» [4, с.41].

Через три с половиной года исполнится 250 лет, как был принят этот важный документ. Однако теперь руководство США демонстрирует политику двойных стандартов. Народ Косово имеет право на установление независимости, а народы Абхазии, Южной Осетии, Донбасса и Новороссии нет. Сегодня на первый план выдвигается принцип территориальной целостности государства, при этом игнорируется то, что он должен соблюдаться, только если государство обеспечивает своим гражданам право на самоопределение.

Реализация права на самоопределение может осуществляться по-разному. Еще на рубеже XIX – XX вв. социал-демократы Австро-Венгрии сформулировали положения о культурно-национальной автономии, выступая против федерализации своего государства по национальному принципу, считая, что это приведет к разобщению народов страны. И руководство США также всегда выступало против создания штатов, имеющих национальную окраску.

История показывает, что создание в унитарных государствах национальных автономий и образование субъектов федерации по национальному признаку в конечном итоге порождает центробежные тенденции, ведущие к сепаратизму. Конечно, в таких многонациональных странах как Россия и Китай создание вышеуказанных внутригосударственных образований просто неизбежно. Поэтому необходимо тщательно изучать и анализировать опыт предшествующего развития, обращая особое внимание на политические последствия эволюции межнациональных отношений внутри государства.

Список источников

1. Назаров О. На месте империи. // Историк. Журнал об актуальном прошлом. №12(96) Декабрь 2022.
2. Механик А. Плавильный котёл государственности. // Эксперт 26 декабря 2011 – 15 января 2012. №1(784).
3. СССР был мировым феноменом // Аргументы недели №1. 11-17 января 2023.
4. Декларация независимости. 4 июля 1776 г. // Антология мировой политической мысли. T.V. M., 1997.

References

1. Nazarov O. On the place of the Empire. *Historian. Magazine about the actual past*. No.12(96) December 2022. (In Russ).
2. Mechanic A. Melting pot of statehood. *Expert*. December 26, 2011 – January 15 2012. No1(784). (In Russ).
3. The USSR was a global phenomenon. *Arguments of the week*. No. 1 January 11-17, 2023. (In Russ).
4. Declaration of Independence. July 4, 1776 / Anthology of World Political Thought. T.V. M., 1997. (In Russ).

Информация об авторе

А.В. Семенов – кандидат политических наук

Information about the author

A.V. Semenov – Candidate of Political Sciences

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 24.01.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 28.02.2023

Научная статья
УДК: 32.019.51

Информационная война,
её влияние на общественное восприятие событий в мире

© Шхагошев Р. В., Чернушкова К.Г., Лукьянова О.И., 2023

Рустам Валентинович Шхагошев[1], Карина Геннадьевна Чернушкова[2], Ольга Ивановна Лукьянова[3]
[1,2,3] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1] shhagoshev@mail.ru
[2] karishka_ya@mail.ru
[3] ol2003luk@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие информационной войны, его история, цели и способ обеспечения личной и общественной безопасности. Также обозначены механизмы и технологии влияния на мнение людей.

Ключевые слова: информация, безопасность, национальная безопасность, информационная война, информационная безопасность, информационные системы, СМИ, пропаганда, общество, информационно-психологическое воздействие, национальные интересы, угроза информационной безопасности, обеспечение информационной безопасности, система обеспечения информационной безопасности

Для цитирования: Шхагошев Р. В., Чернушкова К.Г., Лукьянова О.И. Информационная война, её влияние на общественное восприятие событий в мире // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 144-148

Original article

Information war,
its impact on the public perception of events in the world

Rustam V. Shkhagoshev[1], Karina G. Chernushkova[2], Olga I. Lukyanova[3]
[1,2,3] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] shhagoshev@mail.ru
[2] karishka_ya@mail.ru
[3] ol2003luk@gmail.com

Abstract: This article discusses the concept of information warfare, its history, goals and method of ensuring personal and public security. The mechanisms and technologies of influencing people's opinions are also indicated.

Keywords: information, security, national security, information war, information security, information systems, media, propaganda, society, information and psychological impact, national interests, information security threat, information security, information security system.

For citation: Shkhagoshev R.V., Chernushkova K.G., Lukyanova O.I. Information war, its impact on the public perception of events in the world. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2023. No3 (154): 144-148 (In Russ.)

Информационная безопасность является одним из важнейших компонентов национальной безопасности. Она затрагивает огромное количество различных сфер жизни. Информационная безопасность – это определенное состояние информационной системы, когда она наименее подвержена влиянию третьих лиц. Это понятие также связано с рисками распространения и разглашения, искажения и изменения информации, а также несанкционированный доступ к информации.

Однако данный термин не ограничен техническими параметрами, не менее важным является информационно-психологическая безопасность. Особенно актуальна данная тема в условиях нынешнего времени. Тесно связан с этим понятием термин информационной войны. Его историю, влияние, причины данного явления и то, как защитить самого себя, рассмотрим в данной статье.

Еще одно понятие, в котором стоит разобраться, так как оно будет не раз упомянуто – пропаганда. Это распространение взглядов, аргументов, искаженной информации или изначально неправдивых фактов с целью формирования и манипулирования общественным мнением и сознанием.

Понятие «информационная война» было обозначено впервые в 1976 году в докладе Томаса Рона для компании Боинг. Однако само явление появилось намного раньше. Так что же оно означает? Информационная война – это противостояние сторон с использованием специально выбранной и подготовленной информации, распространением ее [2].

В современном мире понятие «война» означает совсем не то, о чем мы привыкли думать. Сейчас ведутся так называемые гибридные войны, те, что сочетают в себе несколько разных направлений противостояний: военные действия «на поле», экономические или санкционные войны и информационно-психологические войны. Значение последних не стоит недооценивать, так как они затрагивают самое важное – веру, любовь и преданность к родной стране.

Всегда ли информационные войны были такими же, как в настоящие время? Определенно, нет. Можно выделить несколько стадий развития данного явления, так называемых поколений:

- печатные войны;
- радио войны;
- теле-войны;
- интернет войны;
- новые информационные войны.

Разберемся в каждом поколении последовательно. Печатные войны – это самый простой и «древний» способ ведения психологических войн. Различные листовки, плакаты, брошюры, газеты. В основном подобным образом страны оказывали влияние на своих граждан. Плакаты поднимали боевой дух, призывали служению родине, разоблачали другие страны. Однако большим минусом данного периода является то, что это самый узкий по охвату способ воздействия на людей.

Радио войны позволили влиять на всех граждан, вести пропаганду «в каждом доме». Люди, слушая радиовыступления политиков, чиновников чувствовали себя частью целого, общества, группы. У них появлялось желание выйти на улицу, объединиться с другими людьми и выступить за свои идеалы. Однако основным недостатком является отсутствие ярких оппозиционных взглядов, вся информация контролируется государством.

Телевиденье стало чем-то существенно новым, появился эффект присутствия, люди видели яркие картинки событий, происходящих по всему миру, чувствовали себя очевидцами. Визуал помогал убеждать людей в правдивости новостей, ведь «вы можете увидеть все своими глазами». Но сохранение цензуры остается существенным недостатком.

Вызовом пропаганде, лжи и цензуре должен был стать интернет. Теперь от зрителя нельзя ничего спрятать, информацию можно найти в открытом доступе. Начало расследовательской журналистики происходит в это время. Здесь информационные войны начинают влиять на людей особенно сильно. Люди с разным мнением, видением ситуации стараются доказать всем вокруг, что их точка зрения самая верная. Широта охвата аудитории увеличивается.

Настоящее время – время онлайн-войн, появление СМИ нового образца, которые находятся на совсем ином уровне. Самое большое количество людей, подверженных влиянию, именно на этом этапе. Человек получает такое количество информации в день, что он не может критически оценивать каждый факт, каждую новость, которую видит. Поэтому люди начинают искать «доверенные лица» для получения информации. Блогер с большой аудиторией, Телеграм-каналы с информацией, подобранной, кажется, что специально для тебя, как будто эксклюзивно. Срабатывает логическая ошибка апелляции к авторитету, когда ты веришь каждому слову человека, только потому что он популярен или образован. Человек начинает сам себя убеждать в том, что ему не могут лгать в лицо, ведь он бы точно заметил, что что-то не так. Это происходит из-за таких логических ошибок как излишняя точность («я точно знаю, как на самом деле») и эффект самоуверенности. Именно по этим причинам сейчас информационные войны ведутся за доверие людей, а не за доказательность.

Для чего нужно вести информационные войны? Основные цели:

- лишить противника возможности адекватно понимать происходящее;
- разрушить картину мира и сформировать ложные представления о действительности;
- эмоционально и аффективно подавить противника, лишить воли к сопротивлению;
- вызвать психологическое отторжение к позиции своей страны в противостоянии [2].

Теперь стоит понять, каким образом происходит влияние на наше мнение, для этого необходимо познакомиться с теорией установочных систем.

Данная теория определяет обобщенную модель отношения к чему-либо. Эта модель состоит из знаний, чувств и эмоций, намерений (то есть готовности действовать определенным образом, исходя из предыдущих элементов) и поведения, что и является результатом установочной системы. Рассмотрим такой пример: установочная система отношения к своей стране состоит из знаний культуры и ис-

тории, определенной системы ценностей и чувств, связанных с этими знаниями (любовь и гордость), исходя из этих чувств и знаний формируется намерение отстаивать интересы своей родины, защищать ее в случае необходимости, а затем формируется определенное поведение – например, человек идет в государственные структуры, чтобы работать непосредственно на благо родины.

Такие установочные структуры достаточно устойчивы, однако внешние воздействие на элементы структуры может привести к внутреннему конфликту. Именно так и работают фейки и антипропаганда. Например, из-за того, что многие знания истории у людей фрагментарны, этим можно воспользоваться для разрушения чувства патриотизма, доказав, что на самом деле те героические моменты истории страны неправдивы и события разворачивались совсем иным образом. В данном примере удар приходится по элементу знания. Однако очень часто происходит воздействие через эмоции. Показывая человеку фотографии погибших людей, разрушенных домов, можно воздействовать на такие чувства как совесть, стыд, жалость. Причем данные фотографии могут и чаще всего никак не связаны ни территорий, ни временем с реальными событиями, некоторые из них – откровенный фотошоп, другие – искаженная информация. Данными фейками пытаются сформировать негативный образ родины в головах граждан.

Еще один способ влияния – это смех. Юмор очень легко и незаметно меняет наше восприятие. Просмотр юмористических выступлений, высмеивающих, например, основные семейные ценности, может привести к тому, что человек начинает считать нравственные, моральные категории чем-то глупым, смешным и начинает постепенно отказываться от них.

Слухи также являются одними из простых приемов создания ложной информации, так, например, с начала 2022 года появлялись слухи о дефиците разного рода товаров. В последствие дефицит действительно происходил из-за паники людей, которые пытаясь избежать его, сами его и создали, скупая пачками ненужную продукцию. Другим примером слухов являются звонки людям с целью напугать, сообщив о «якобы гибели» родных, что также вызывает панику у населения.

Другой прием создания фейков заключается в заведомо ложных подписях под достоверными кадрами и фотографиями и их произвольных и недостоверных интерпретациях в разнообразных СМИ. То есть, когда переворачивают изначальный смысл. Также часто создают постановочные видео, репортажи и фото.

По этим основным технологиям работает большая часть фейков.

Самым известным и крупным примером информационной войны является холодная война, противостояние США и СССР, двух идеологий: капитализма и социализма. Битва шла без прямого конфликта, велась пропаганда как для своего населения, так и для населения противника. Так, в социалистических кругах велась агитация за признание Москвы в качестве «старшего», а также по дискредитации левых. Основным источником пропаганды являлось Информационное Бюро.

США проводило агитацию с трибуны Организации Объединенных Наций. Выставляли требования пострадавшим от войны странам, за материальную помощь они должны были убрать социалистические партии из правительств. Это сработало в ряде Европейских держав.

Противники через плакаты и агитацию обвиняли друг друга во всех грехах. США в нарушении прав рабочих, расизм и вмешивание в политику других стран, обозначали целью государства – обогащение капиталистов. СССР выставляли деспотом, диктатурой и тюрьмой народов, вменяли ему несоблюдение прав человека, напоминали про советские лагеря репрессированных.

Из-за так называемого «железного занавеса» страны не могли воздействовать на население друг друга прямо, поэтому агитировали собственное население и население нейтральных стран. СССР показывали себя райским местом для пролетариата, прогрессивным социалистическим обществом. США выставляли себя страной возможностей, изобилия.

Для агитаций использовались печать, радио, телевидение, освещавшие порочность образа жизни противника. Большая часть этой информации была ложной, демонизирующей врага.

Одним из методов пропаганды стало посещение советскими лидерами зарубежных стран (и США). Туда также отправляли советских туристов, которые своим поведением показывали и защищали репутацию своей страны. США использовали в качестве метода пропаганды радиовещание. Новости мира, другая политическая позиция, музыка транслировались по таким каналам как «Голоса Америки» и другим.

Гонка вооружений стала «горячей темой» обсуждения в СМИ. Были распространены карикатуры двух борющихся лидеров стран, каждый с красной кнопкой под рукой. Все эти события привели к Карибскому Кризису и, впоследствии, чуть не привели к ядерной катастрофе. С этого момента Информационная война хоть и продолжилась, но в гораздо более приемлемых масштабах. А сама Холодная война закончилась так называемой «разрядкой» [3].

Несмотря на то, что сам термин «информационная война» начал употребляться широко не так давно, люди чувствуют его влияние на себе. Это показали результаты опроса ВЦИОМ. Так, 90% опрошенных считают, что против России в данный момент ведется информационная война в связи с военной операцией. 61% видели материалы, демонстрирующие действия нашей страны с негативной стороны [1].

Средства массовой информации сейчас сильно отличаются от того, какими они были раньше, однако их влияние остается достаточно серьезным. Так, более половины россиян доверяют центральному телевидению. Однако при этом многие люди также считают себя неподверженным влиянию СМИ, считают, что паника относится к другим, но точно не к ним. Но это совсем не так, каждый из нас подвержен внешнему влиянию и отрицание данного явления не поможет избежать его. Тогда как можно защитить самих себя и своих родных от информационной войны?

Самое важное – это смотреть на все сквозь призму понимания, для каких целей публикуется и распространяется та или иная информация. Невозможно отследить и проверить каждую новость, однако слепо доверять каким-либо источникам также не стоит. Снять напряжение и стресс может помочь «информационная диета» или «информационный голод». Не распространяйте слухи, фейки или просто непроверенную информацию. Нужно стараться смотреть на события холодно, немного отстраненно, не поддаваться влиянию эмоций, ведь это основная цель информационной войны.

Информационная война – это важное и серьезное противостояние, в котором государство должно защищать граждан от информационных атак, поэтому основные механизмы сохранения информационной безопасности должны обеспечиваться специально подготовленными структурами.

Так, Указом Президента РФ был принят документ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 № 646 (далее, доктрина информационной безопасности), в соответствии с которым под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [4]. Особый акцент в данном определении идет на выделении внутренних и внешних информационных угроз. Так, информационная война относится и к тем, и к другим. Однако в нашей стране на данный момент есть определенные проблемы с пониманием явления информационной войны, а также проблемы с законодательным закреплением данного понятия в доктрине информационной безопасности.

Хотя самого понятия информационной войны в доктрине нет, но в ней указана угроза информационно-психологического воздействия, которое направлено на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации. Это угроза по своей сути и является определением информационной войны. Также в доктрине описаны некоторые примеры данного воздействия – «Отмечается тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации» [4].

Также одним из направлений политики Российской Федерации в отношении информационной безопасности является нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

Как мы видим, в доктрине отмечены угрозы информационного воздействия на население, также выделена стратегическая цель борьбы с данными угрозами, однако ситуация на данный момент все же серьезно отличается от той, что была в 2016 году. Мы знаем, что информационные технологии развиваются стремительно в наше время, с каждым днем появляется новый вид «информационного оружия». Поэтому доктрина шестилетней давности никак не может являться актуальной.

Другой проблемой является то, что доктрина состоит в основном из понятий и определений, отмечает направления политики и цели, но не имеет правоприменения. То есть она необходима только для того, чтобы определить, в какую сторону будет проводиться политика государства в отношении информационной безопасности. А для реализации необходимых действий и своевременного реагирования на угрозы необходим документ, имеющий силу закона.

Таким образом, на данный момент необходимо внесение корректировок в нынешнюю доктрину информационной безопасности. Необходимо ее соответствие современным реалиям, с которыми столкнулась Российская Федерация, с учетом внутренних и внешних угроз национальной безопасности. Необходимо расширение целей и методов, увеличение сил и средств обеспечения информационной безопасности.

Список источников

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii (дата обращения: 14.02.2023г.)

2. Грешневиков А. Информационная война. Внутренний фронт. Технологии, манипуляции, фальсификации. Кн. 2. М.: Книжный мир. 2016. 480 с.

3. Райн Андрей. Информационные войны. «Холодная война» // URL: https://histrf.ru/read/articles/informacionnye-voyny-holodnaya-voyna-chast-pervaya (дата обращения: 14.02.2023г)

4. Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 № 646 // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 14.02.2023г.).

References

1. All-Russian Center for the Study of Public Opinion. Access mode: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii (date of access: 14.02.2023г.)

2. Greshnevikov A. Information Warfare. The inner front. Technologies, manipulations, falsifications. Book 2. M.: Book World. 2016. 480 p.

3. Andrey district. Information wars. The Cold War. Access mode: https://histrf.ru/read/articles/informacionnye-voyny-holodnaya-voyna-chast-pervaya (date of access: 14.02.2023г)

4. Decree of the President of the Russian Federation "On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" dated 05.12.2016 No. 646 // Consultant plus: Legislation (date of access: 14.02.2023г)

Информация об авторах

Р.В. Шхагошев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства
К.Г. Чернушкова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства
О. И. Лукьянова – студентка

Information about the authors

R.V. Shkhagoshev – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship
K.G. Chernushkova – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship
O. I. Lukyanova – Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023. The article was submitted 19.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023